

ФЕВРАЛЬ **2**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1966 г.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

ГОД ИЗДАНИЯ 43

ФЕВРАЛЬ 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1966 г.

МАЛЕНЬКАЯ СКАЗКА

Ночью во дворе за окнами, плотно заклеенными на зиму, раздался пронзительный, нарастающий свист...

И в десяти квартирах сразу десять ребят проснулись и вскочили: и Васька, который днем, когда мы ЕЕ строили, поливал из шланга ЕЕ бока, и та девчонка, что принесла на пульт управления маленький приемничек, и Колька, у которого есть настоящий морской бинокль, и Толя, который притащил термос с горячим чаем.

В десяти квартирах десять ребят подумали одновременно: «А что, если одеться потихоньку и сбегать посмотреть, стоит ли ОНА там, возле дерева, или уже нет. улетела?»

Во дворе висела над крышей дома луна. Стояло черное дерево. Лежала на снегу черная тень от этого дерева. А ОНА — ОНА была на месте, вернее, почти на месте, и вокруг НЕЕ ходили и разговаривали шепотом: Васька, Колька, две девчонки, Валька, Алеша, я. В общем, все мы.

Мы все осмотрели и поняли: ОНА куда-то летала. Сама, без никого! И тут я про себя решил: «Возьму и завтра ночью спать не буду. Когда стемнеет и всех ребят по домам загонят, я возьму и останусь, и спрячусь в НЕЕ, и буду ждать, и пусть будет, что будет».

Настала следующая ночь, и я потихоньку ушел из дому. Подкрался к НЕЙ, стал уже внутрь забираться и тут слышу: кто-то сзади пыхтит и лезет следом за мной... Я как закричу! И сзади тоже как закричат! И сверху тоже.

И такая кутерьма началась, и никак не понять: чьи это руки и чьи это ноги торчат, лягаются и брыкаются. Только по голосам мы друг дружку узнали. Оказалось, все свои.

В эту ночь ракета не взлетела. Потому, наверно, что слишком много нас было, и потому, что кто-то пробил в суматохе ногой стенку...

Завтра мы будем стенку чинить водой и снегом, а послезавтра опять попробуем взлететь.

КЛЮЧ К НОМЕРУ

БЕРИ КЛЮЧ В РУКИ И ОТПРАВЛЯЙСЯ ВПЕРЕД ПО СТРАНИЦАМ!

Георгий НИССКИЙ.

● История белой козы и человеческое великодушие. Об этом рассказ Эдуарда Корпачева, писателя, который недавно пришел в журнал и принес много интересного. Вспомни его «Ледовую королеву» и жди новых его рассказов.

● Одна девочка спросила, как ей быть и что делать, если кругом живут люди, верующие в бога. Мы попросили ответить ей писателя Тендрякова. Ответ его здесь, в номере.

Владимир ТЕНДРЯКОВ.

● Загляни на цветную вкладку. На ней картины большого мастера, художника Нисского.

● Самый древний Робинзон! Ему, оказывается, более четырех тысяч лет, а истории о нем, которая записана на древнем папирусе, лишь чуточку меньше. Вот как давно жил первый Робинзон!

● Один из самых известных писателей-фантастов Америки—Айзек Азимов. Его забавный рассказ «Ну и здорово же было!» ты тоже найдешь в этом номере.

Эдуард КОРПАЧЕВ.

● Рыцари на льду. Бронированные игроки. О доспехах хоккеистов рассказывает прославленный нападающий Всеволод Бобров.

● Почему ты похож на папу с мамой! О Грегоре Менделе, открывшем законы наследственности, пишет Борис Володин.

Борис ВОЛОДИН.

● Подняв паруса, «Кораблик» вышел в открытое море, имея на борту ценный груз стихов и рассказов, сочиненных самими ребятами. Команда «Кораблика» укомплектована еще не полностью. Ждем пополнения.

2

● Продолжение удивительной истории о мальчике-короле Матиуше найдешь ты в этом номере.

ЧТО ЕЩЕ! ДА ВЕДЬ ПЕРЕД ТОБОЙ ВЕСЬ НОМЕР — НОВЫЙ, СВЕЖИЙ, ТОЛЬКО ЧТО ИЗ ТИПОГРАФИИ.

А. КРЕСТИНСКИЙ

НОСИТЕ ВСЕ СВОЕ С СОБОЙ

Я все мое ношу с собой
И потерять боюсь.
Я даже ночью с головой
Своей не расстаюсь.

И руки тоже берегу
И пару длинных ног.
Все то, что с ними я могу,
Без них бы я не мог.

Немало на своем веку
Я знал людей без рук:
Они гвоздем по молотку
Молотят — только стук!

Есть безголовые, увы!
У них печальный вид:
На шее вместо головы
Воздушный шар висит...

А третьи ходят с давних пор
Без сердца, без души.
О них — короткий разговор:
Совсем нехороши!

Я все мое с собой ношу
И не боюсь устать.
Я убедительно прошу
Вас так же поступать.

Чтоб вместе с варежками вы
Не забывали рук
И вместе с шапкой
головы
Не вешали на крюк!

СКВОРЕЦ

Мой гость уселся на окне,
Он чистил оперение.
А я в домашней тишине
Писал стихотворение.
Мой гость был просто молодец,
Он понял: «Дело важное!
Не зря залез большой скворец
В гнездо многоэтажное!
Не зря в бутылочку чернил
Свое макает перышко!»
Стихи
я гостю подарил.
Пускай читает скворушка!

Ты правдиво смотришь глазами, которые тают понимание, и я знаю, что ты мой земляк, ты мой сосед, ты мой приятель. Все мои приятели взрослые, один ты мальчишка, и когда ты глядишь на меня, мне иногда представляется, что это смотрит на меня из послевоенного детства мой сверстник Борька, подорвавшийся на мине, или Глеб, или я сам.

Ты держишь пожелтелый лист в косую линейку, и я начинаю волноваться: что там написано было мною в годы, когда больше всего хотелось хлеба?

— Можно прочесть? — спрашиваешь ты.

— Валяй, — говорю,— это интересно!

Я позвал тебя на раскопки своих бумаг, многое мне уже не нужно: школьные дневники, учебники, даже табель успеваемости за пятый класс, неотосланные записочки девчонкам, и если неотосланные, значит, и вовсе не нужные. Это руины моего детства, но все эти обломки больно ранят, и я ошибся, полагая, что все позабыто.

И вот не Борькиным, не Глебовым, не моим голосом ты начинаешь читать:

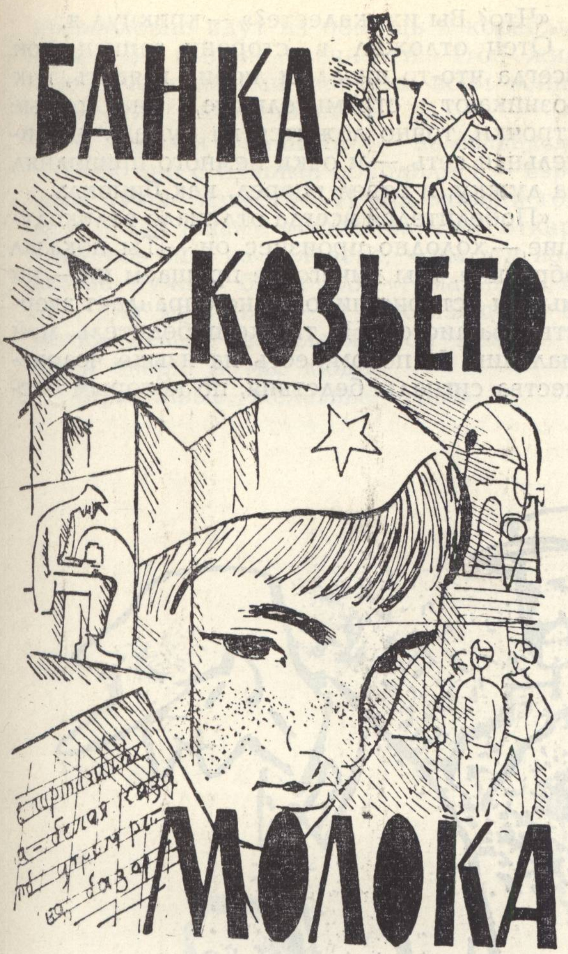
Была ты с нами в партизанах,
Подруга детства — белая коза.
Я не хочу, чтоб утром рано
Вели тебя на рынок, на базар.
Мы б и теперь без драки жили,
Но ты задумайся, скажи:
Весь город немцы разбомбили,
И нет сарая. Где ты будешь жить?

Торопливо протягиваю руку к листку, меня обжигает прикосновение моего детства, и как в детстве любили мы смотреть трофейные фильмы, так я теперь ловлю в памяти полустертые, плохо озвученные кадры той киноленты, где главный герой даже и не я, и не Борька, и не Глеб, а само то, послевоенное время. В то время каждый из нас заслуженно носил пилотку, и все мы были ранены: кто своей бедою, кто чужою. В то время... Только зачем я тревожу память, зачем восстанавливаю руины детства?

— Послушай,— говоришь ты,— никогда ты еще не рассказывал мне про козу...

Я сосредоточенно всматриваюсь в тебя, точно отыскиваю неуловимое сходство с Борькой, с Глебом или с самим собою из все тех же послевоенных лет, точно стараюсь постигнуть извечное мальчишеское горение, жажду взрослеть и делать большие дела. Скоро, скоро и ты вырастешь и

БАНКА КОЗЬЕГО МОЛОКА

ЭДУАРД КОРПАЧЕВ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

будешь удивляться тому, как быстротечно время и как слишком коротка жизнь, чтобы свершить все задуманное, и как протяженно детство. Но спасибо ему, детству: лишь мальчишкою живешь, не оглядываясь назад.

Что рассказать тебе про бедную белую козу, у которой не было сарая, потому что была война?

И я начинаю рассказывать про город, который остался лишь на карте, про то, как вернулась наша семья на пепелище, как жили сначала в какой-то халупе. Потом переехали в дом, уцелевший потому, что до последнего времени размещался в нем немецкий госпиталь. Вспоминаю пустырь возле дома, двор и немецких военнопленных на этом дворе, и неистребимый запах лекарств в нашем доме, населенном плотно, как военный вагон, стук деревянной ноги коменданта, поднимавшегося спозаранку,— обо всем этом ты уже, кажется, знаешь.

— Читал я про это,—соглашаешься ты.— А вот про козу... Что там было дальше?

А дальше и будет про козу. Жила-была белая коза. Она прибилась в лесу к нашей партизанской землянке, мать подоила ее, коза прижилась и стала нашей кормилицей. Привыкла коза и к свисту пуль и к свиристению птиц, а когда мы вернулись в город после освобождения и стали жить в халупе, коза бегала по незнакомым улочкам, к чему-то приглядывалась, чего-то искала, но уже не шумели над нею сосны, не пахло шишками и порохом. Было над нами другое небо, другая крыша.

Но вот переехали мы в тот большой дом, где пахло лекарствами,— могу, наверное, и не рассказывать, что на второй этаж козу нельзя было взять, и паслась она под окнами, а сарая никакого не было.

— А дальше, дальше что было?— не терпится тебе, как и мне когда-то, когда я выспрашивал у отца про войну.

И дальше будет про ту же бедную белую козу и про тот день, когда решили мать с отцом продать козу. Сарая не было — да что там сарая, в нашем городе уцелели только пригородные деревянные домики,— и мать с отцом по очереди стерегли ночью кормилицу. Молоко нужно было и нам, детям, и отцу: он ничего не мог есть, мучился болями — проклятая война, это она принесла людям болезни. Но вскоре мать с отцом устали стеречь козу и решили не сегодня-завтра повести ее на базар. Как им было жаль продавать, я это знал, и как мне было жаль ее, они тоже знали. Я плакал, и отговаривал их, и убеждал, что буду сам караулить, ведь летом можно и не спать, и доказывал, что соберутся ребята со всего двора и по очереди будут стеречь эту жалкую козу — кому она нужна, такая старая, никто не уведет ее. Я не мог вообразить, что вот она пережила с нами в лесу военное лихолетье — и понапрасну, потому что теперь мы хотим избавиться от нее.

«Ты издергался за эти годы, мальчик,— сказали мне.— Недосыпать могут только взрослые. И то не всегда...»

— Кажется, ты знаешь, как бедствовали мои сверстники? — ищу я поддержки у тебя.

— Знаю, я все знаю. Но ты дальше, дальше!

А дальше вновь будет про белую козу. Я забрался за перегородку, ушел от всех и написал вот эти стихи. Мне стало легче, в груди у меня точно высохло что-то, и вот с опустевшей душой вышел я во двор: не хочу ни в футбол, ни в лапту, а хочу побыть вблизи козы. Но козу стережет немец, из тех, которые приводили в порядок пустырь, и мне страшно стало: может, яду подсыпал, гад?

— Тот самый, который по-русски умел шпарить? — догадываешься ты, и тебе не терпится побыстрее услышать ответ, как мне не терпелось узнать у отца, правильно ли я оцениваю боевую обстановку...

— Он самый. За войну многие выучились русскому языку. Но слушай дальше.

И я вспоминаю. Вспоминаю, и так четко всплывает из глубины памяти тот бледный, худосочный немец, его опущенные руки, и как он просит продать молока, потому что у него больной желудок. Но я кричу ему в лицо, что никакого молока он не дождется, что хватит, напились и молока и крови, а теперь подыхайте — туда вам всем и дорога!

— Так ты и сказал? — В твоем голосе сквозит удивление. Но ведь это я давно сказал, когда был в твоих годах...

— Может, так, а может, и покрепче я сказал. Издерганные мы были мальчишки.

Что же дальше? Дальше опять про нее — бедную белую козу. Вечером того же дня я похвалился дома, как осек немца, но мать с отцом переглянулись странно, с какою-то болью за меня.

«Что? Вы их жалеете?» — крикнул я.

Отец отложил в сторону записи — он всегда что-то писал, я любил глядеть, как возникают стремительные, наклонные строчки, точно ложится на бумагу удивительная сеть, — и очки немного приподнял за дужку, и отвел вперед, как бинокль.

«Победителей всегда отличало великодушие,— холодно произнес он.— Ты показал обратное. Мы ничего не прощаем им — ни мы, ни история никогда не оправдает зверства фашистов. Но ты же победитель, мой мальчик! И потом: есть на языке человечества сигналы бедствия, по которым бес-

прекословно идут на помощь и корабли и люди. Во имя человечности. Чтоб жила, жила, черт возьми, вопреки всем войнам и смертям человечность!»

«А как они с нашими?» — не сдавался я.

«Как они с нашими обходились — взрослым лучше известно. И как морили голодом и как вшами обсыпали, чтоб откармливались вши на человеке, — им эти насекомые нужны были для «гуманных» целей, для медицины, — и как изящные сумочки делали из славянской кожи... То были звери, а мы люди».

«Терпеливые, железные — да?»

«Советские», — сказал отец и стал ходить по комнате, а я ушел к себе за перегородку, долго сидел, думал, а потом спросил, не выходя из-за перегородки:

«Так, может, завтра ему отнести молока?»

«Ты ему надерзил, и коль есть в нем достоинство, он не примет твоего подношения. Да и все равно завтра поведем козу на базар».

— Пришлось все-таки продать? — вздыхаешь ты.

— Нет, коза осталась.

— Ну да! А кто же стерег ее?

Стеречь козу вскоре стало не нужно. После разговора с отцом я рано лег, и мать с отцом рано легли, окно не закрыли, чтоб слышно было, ходит ли под окнами коза. Я особенно напрягал слух, боялся, как бы в последнюю ночь ее не украли. И услышал, как сказали обо мне:

«Откуда в нем столько жестокости?»

Я поднялся. Значит, мать с отцом не понимали меня. И я громко сказал из-за перегородки:

«Пойду покараулю козу. Напоследок».

Ночь пахла козьей шерстью, листвой, дорожной пылью и травой, а минутами — порохом и гарью. Это когда я вспоминал партизанский лес. Про этот военный лес думал я всю ночь, потому что надо было оправдаться перед отцом и матерью, чтоб не казался я им жестоким человеком. И я искал оправдание в тех бедах, которые выпали всем людям — и мальчишкам и отцам.

Но чем больше думал я о страданиях и бедах людей, тем чаще подсказывала память такие обстоятельства, в которых мы, победители, возвышались над врагами своим мужеством, и человечностью, и великодушием. И я начинал понимать то, почему отец с матерью не одобрили моего поступка.

К утру я осторожно прошел в комнату, достал литровую банку и снова оказался во дворе. Я решил подоить козу, однажды мне это удалось, и я принялся за дело. Но в то утро козьи соски казались мне тугими, как велосипедные ручки. Время бежало, светлело уже, и меня могли застать. Так и не успел надоить банку, разогнулся, чтобы передохнуть, а сзади стоит мать. Как она смотрела на меня — еще ни один человек до тех пор не смотрел с таким изумлением на меня!

«Не думай, не для себя, а для этого худющего фрица»,— стал оправдываться я, краснея.

«Знаю, сейчас помогу. Пускай выздоравливает желудочник».

Мать передала мне полную теплую банку и передала еще что-то во взгляде, отчего я почувствовал себя самым здоровым и самым сытым. Потом я дождался колонны пленных и подал тому больному немцу банку козьего молока. Он взял, поблагодарил, и это все видели: и немцы и наши ребята.

Я не знал, что ребята возненавидят меня в тот миг. Они поманили меня за угол, и там каждый ударил меня по лицу, и я ударил каждого, но драться по-настоящему мы не стали, потому что они презирали меня, а я презирал их: они еще не понимали того, что понял я в ту ночь, в то утро.

— И немцы потом стали стеречь козу по очереди? — пытаешься проникнуть ты в дальнейшие события.

— Нет, ведь ночью они сами были под охраной. Немцы решили отблагодарить по-другому...

И вот я дальше вспоминаю — рассказываю, как повернулась жизнь белой козы и как ей повезло.

В тот же день военнопленные начали за углом дома что-то сооружать: в дело шел битый кирпич руин и глина. Я думал, будут строить печь, да зачем она нужна, кому? Но немец, которому я передал банку целебного молока, подошел к моей матери и сказал, что они решили построить каменный домик для козы и что им позволили выполнить эту работу.

Мать поблагодарила с достоинством и спокойно, зато я видел позже, с каким волнением она говорила отцу, как повторяла, повторяла: «Ты видишь, они меняются, еще совсем немного прошло, еще горячи эти камни, а они уже меняются!»

А еще через несколько дней ни отцу, ни матери, ни мне уже не надо было караулить кормилицу. Позже и мои сверстники вновь принимали меня в свои игры — никто из них больше не горел желанием перестрелять военнопленных.

— Вот и вся история про козу, — говорю тебе чуть изменившимся, ломким, как в детстве, голосом.

— Это из жизни, да! — значительно отвечаешь ты.

Мы снова передаем друг другу пожелтелый лист в косую линейку, он как бы связует нас, отправляет назад, в послевоенные годы, и возвращает в сегодня. Мы путешествуем во времени, не слыша, как идут прошлые дожди, прошлые снега, но слыша прошлый плач и ощущая, как метет, метет, метет в наших душах чистая метель и все там обновляет.

— Хорошие стихи, — говоришь ты мне издалека, из сорок пятого, из сорок шестого года. — И рифма есть и доверчивая интонация. Только не закончены, а? Знаешь, я возьму и попробую дописать своими словами. Можно?

— Валяй, — говорю, — потом почитаем вместе.

Я смотрю в твои глаза, мой земляк, мой сосед, мой приятель или даже мой сверстник Борька, подорвавшийся на мине, или Глеб, который жив, или я сам, — здравствуй, здравствуй, кто б ты ни был!

Ты держишь в руке тот листок и медлишь уходить.

Твои каблуки стучат, стучат и успокаиваются на верхней площадке. Щелкает дверь, и я знаю: теперь ты у себя дома, теперь ты даешь себе волю, перечитываешь лист моего детства жадно и завидуешь, завидуешь отчаянно моим сверстникам, которые подрастали в суровое время, — завидуешь мне. А я, смешной человек, завидовал тебе, твоему детству и скорбел, что уже скоро буду старик и что многое вышло не так, как надо.

Теперь мы с тобою врозь, но не в одиночестве, потому что путешествие во времени продолжается. Ты словно живешь в те мои годы, склоняешься над моим городом, возникшим волею воспоминаний, и шепчешь:

«Хорошо, ребята, правильно, ребята!»

А я, вернувшись в город детства, кланяюсь всем отцам-матерям, которые живы и которых уж нет, всем отцам-матерям за то, что не дали нам ожесточиться и по-русски учили великодушию.

ребята такие же,

В ШЕСТОЙ КВАРТИРЕ... БИБЛИОТЕКА

Володя Грибков (на снимке слева) живет в городе Дмитрове. Учится он в четвертом классе. В школе его называют «книжником».

Мне захотелось узнать, почему.

— Ну, я люблю книги,— сказал Володя.

А мальчишка, который стоял рядом, сказал, что нет, не только поэтому. А еще потому, что он свои книги читать дает всем ребятам. Что у него дома библиотека — приходи, записывайся и читай. Что и он, Сережка, в этой библиотеке записан, и она нравится ему больше настоящей.

— Ты покажи иголку,— сказал Сережка, обращаясь к Володе.— Он в шапке иголку носит на всякий случай. Если ему потрепанная книжка попадется, пусть даже совсем чужая, он ее возьмет и починит. Такой человек.

— И много у тебя читателей?

Володя достал из кармана ученическую тетрадку. Тетрадка была старательно разграфлена. На ней четко написано: «Формуляры читателей». Читателей оказалось больше двадцати.

— А ученику восьмого класса я больше книг не даю,— сказал Володя.— Он поставил на книгу тарелку со щами.

— Это он на свою книжку поставил. На Вовкину, из библиотеки, он бы не поставил, это я точно знаю. А вот все равно. Поняли? — пояснил мне Сережка.

Уж я, разумеется, понял все.

И когда вернулся в Москву, сразу же послал Володе посылку с книгами. И вас прошу: если у кого-то из вас есть лишние книги, пошлите их Володе Грибкову. Книгам у него живется хорошо. Володин адрес: Московская область, г. Дмитров, Огородная улица, дом 46, квартира 6.

В. СТЕПАНЕНКО

как ты

ТРЕТЬЕ ОКНО ОТ УГЛА

Вера **МОРОЗОВА** Рисунки **Л. ХАЙЛОВА.**

«Михалыч»

Двухэтажную башню Пермской губернской тюрьмы Кирсанова увидела сразу, как только вышла на Вознесенскую улицу. Девушка прибавила шаг, перешла мостовую и оказалась в заснеженном Анастасьевском садике. Садик с разных сторон пересекали тропинки. Все они сходились у тюремных железных ворот. Кирсанова, стряхнув с себя снег, отворила дверь в канцелярию, и ее тотчас оглушил разноголосый шум «свиданной комнаты».

Женщины торопливо и сбивчиво пытались что-то объяснить подслеповатому надзирателю, принимавшему передачи за узким деревянным столом. Кирсанова заняла очередь.

Тюрьма была переполнена: отбывали наказание участники декабрьского вооруженного восстания 1905 года.

«Свиданную» разделяла железная решетка, к которой в назначенные часы выводили заключенных. Рядом тянулся невысокий деревянный барьер — сюда допускали посетителей. Между решеткой и барьером прохаживался надзиратель.

Старушка в потертом салопе молча поставила на узкий стол кошелку и туесок с молоком. Негнущимися узловатыми пальцами вынула из кошелки белый узелок и развязала его.

— Трофимову, сынку, на башню... — проговорила она, и сморщенное лицо затряслось, губы задрожали.

Надзиратель короткими толстыми пальцами разломил буханку ситного, заглянул в туесок. Решительно отодвинул котелок с пельменями.

— По инструкции не положено.

— Сынок просил... Его любимые... Прими, батюшка, век буду бога молить. — И она низко-низко поклонилась.

Надзиратель насупился, помедлил и молча сунул передачу в большую плетеную корзину.

Этого надзирателя Кирсанова знала. Жил он в одноэтажном собственном доме и иногда захаживал «на пулечку» к ее отцу, Ивану Васильевичу. Человек не злой, но служака ревностный. Увидев его на дежурстве, Клавдия насторожилась: у нее в туеске были тонкие стальные пилки. Правда, пилки спрятаны между берестяными стенками, а записка о делах в Пермском комитете большевиков — в двойном деревянном дне...

Подошла очередь Клавдии.

— Студенту Льву Герцу, в крепость, — сказала она. — Жениху моему... — И, поставив туесок, принялась вынимать из сумки хлеб, баранки, печенье.

— Эх, барышня, барышня, — укоризненно проворчал надзиратель, — зачастили к

Клавдия Ивановна Кирсанова в 1906 году.

нам. Такая красавица, а женишок в тюрьме... Нехорошо-с...

Короткие пальцы надзирателя привычно ломали баранки, домашнее печенье. Нако-

нец, он взял туесок. Постучал по берестяным стенкам, открыл крышку, всплеснул молоко... У Клавдии сжалось сердце.

Надзиратель отодвинул локтем передачу и, открыв ящик стола, вынул список заключенных, находящихся в крепости. Близоруко просмотрел фамилии.

— Так вот, барышня, передачу примем, а на свиданьице... — он кашлянул, — разрешения нет.

— Как нет? — удивилась Кирсанова и поправила под смушковой шапочкой каштановую прядь. — Я ведь только вчера заходила к начальнику, он сам разрешил. Тут, верно, опять тюремная канцелярия напутала... Уж вы, пожалуйста, распорядитесь, — вежливо, но властно закончила она и отошла к скамье, на которой пристроилась мать Трофимова.

Старушка огляделась, зашептала:

— Спасибо, доченька. За деньги спасибо. Плохо без сыночка. Один кормилец...

— Да я-то тут при чем? — улыбнулась Клавдия. — Хороших людей много, вас в беде не оставят.

Карие лучистые глаза ее тепло посмотрели на Трофимову. Да, старушка угадала — деньги приносила она. На беду, вчера поднялась метель, и Кирсанова с трудом разыскала старый, покривившийся домик. Старушка была в церкви. Кирсанова ушла, оставив ей деньги на комоде.

В этот вечер она разносила деньги по нескольким адресам в разных концах города. Пришлось-таки померзнуть. Но главная трудность не в этом, главное — собрать деньги. В дни получки товарищи ее ходили к рабочим и по мелочи, по копейкам собирали взносы для семей арестованных.

По «свиданной» прошло легкое движение. Потом все вскочили, с плачем и криками устремились к деревянному барьеру. Послышался глухой топот и звон кандалов. За решеткой появились заключенные. Качнулось пламя в керосиновой лампе...

Клавдия протиснулась к барьеру. Решетка мешала рассмотреть лица. Где же Свердлов?

При аресте Яков Михайлович предъявил студенческий билет Имперского лесного института и назвался Львом Герцем. Именно к нему «невестой» и пришла Кирсанова на свидание.

Время шло, а Свердлова все не было. Кирсанова беспокоилась. Не заболел ли? Или опять угодил в карцер? Всего полгода проработали они с Яковом Михайловичем, а сдружились крепко. Немало пережили опасностей. Зато и работалось хорошо: организацию, разгромленную после декабрьских дней, восстановили, подпольную типографию наладили, боевую дружину сохранили, добыли оружие и динамит... А как полюбили «Михалыча» рабочие!

Охранка назначила за голову Свердлова крупную награду. За ним охотились. Даже из Екатеринбурга вызвали шпиков-филеров, хорошо знавших Якова Михайловича в лицо. Взяли Свердлова на улице. Квартал, где находилась конспиративная квартира Пермского комитета РСДРП, оцепили. Свердлов понял сразу: круг сомкнулся. Быстро закончил заседание и первым вместе с женой вышел на улицу. Они свернули в глухой переулок, считая, что путь свободен и удастся прорваться к пристани. И тут же несколько филеров кинулись на «Михалыча», на его жену, затолкали в пролетку и помчались.

И вот Кирсанова, помощник Свердлова по военной работе, ждет его в Пермской тюрьме. Грустно. Тревожно... Она также была арестована по делу комитета. Но хлопотами отца, известного в городе подрядчика, ее удалось взять на поруки.

Очевидно, «Михалыч» скоро будет вынужден назвать свое настоящее имя: жандармы готовят ему ловушку — обвинение в бродяжничестве. Любыми средствами хотят изолировать Свердлова. Четыре года каторги за «бродяжничество» не такой уж малый срок.

Вновь дрогнуло пламя в керосиновой лампе, и зычный густой бас, перекрывая шум «свиданной», прокричал:

— Родненькая моя! Наконец-то свиделись!

«Яков Михайлович!» — обрадовалась Кирсанова.

Она увидела осунувшееся, смеющееся лицо Свердлова. Тонкими, длинными пальцами он держался за решетку. Невысокий и худощавый, в серой арестантской одежде, «Михалыч» казался подобранным и сильным. Густые волнистые волосы падали на высокий лоб, темные глаза мягко смотрели сквозь стекла пенсне. Черные усы и черная маленькая бородка...

— Левушка, — громко крикнула Клавдия, — молоко получили?

— Отличное молоко! Спасибо! — отозвался Свердлов.

— Ну, голосина — иерихонская труба! — пробормотал надзиратель.

— Как здоровье? — спросила Клавдия.

— Хорошо! — ответил Свердлов. — Не волнуйся! Меня осматривал лекарь. Говорит, голодовка вызвала процесс в левом легком...

Я его успокоил, — процесс начался еще в Николаевских ротах, когда меня в карцере избивали...

— Не дозволено! Не дозволено, молодой человек! — заторопился надзиратель к решетке.

— А бить жандармам дозволено? — гневно крикнула Клавдия.

Шум в «свиданной» затих. Люди стали слушать их разговор. Весть об избиении насторожила, взволновала.

— Насильники!.. Убийцы! — расколол вдруг тишину хрипловатый голос.

Молодая женщина, прижимая к груди ребенка, проталкивалась к барьеру. Клетчатый полушалок сбился. Возбужденно зашумели заключенные, затрясли решетку. Старик с кирпичным, обветренным лицом и вислыми усами взмахнул тяжелым кулаком:

— Дождетесь! Дождетесь, ироды!

Клавдия смотрела, как забегали надзиратели, оттаскивая заключенных от решетки, как огрызались заключенные, вступая с ними в перебранку. Раздался женский плач, крик ребятишек.

Свердлов взмахнул рукой и своим трубным басом бросил в толпу.

— До свидания, товарищи! Сила за нами!

Появился начальник тюрьмы. Крупный, розовощекий, в черной длиннополой шинели с голубым кантом. Стараясь казаться спокойным, приказал:

— Прошу расходиться!

«Свиданная» медленно пустела.

Кирсанова вышла в Анастасьевский садик. Разыгралась метель. Клавдии очень хотелось приподнять деревянное дно в порожнем туеске и вынуть записку. Но мимо проходили люди, возвращавшиеся из тюрьмы. Натянув на серую смушковую шапку платок, Клавдия пошла дальше.

Что означают слова о Николаевских ротах? Неужели Якову Михайловичу угрожает перевод в эту страшную тюрьму? Свердлов в Николаевских ротах не бывал. И если упомянул... Значит, переведут... Хуже не придумаешь, режим там почти каторжный. А здоровье у «Михалыча» скверное... А что он сказал о голодовке? Значит, политические голодали... А били его действительно. Только не в Николаевских ротах, а в Нижегородской тюрьме... Он тогда был совсем мальчиком. После побоев и карцера у него и началась чахотка...

Она вдруг притаилась за густым орешником, быстро подняла дно берестяного туеска, извлекла записку.

«Михалыч» писал круглым почерком: «Хорошо жить на свете! Жизнь так многообразна, так интересна, глубока, что нет возможности исчерпать ее...» Клавдия недоуменно шевельнула бровями. «Болею душой за участь Трофимова, Меньшикова и Глухих. Во что бы то ни стало, при любых трудностях, необходимо всех их вырвать из тюрьмы. Военный суд им грозит смертной казнью. Организацию побега возлагаю на вас. Михалыч».

Клавдия ахнула: «Смертная казнь!» Лицо ее побелело. Она долго стояла у куста, не замечая ни мороза, ни ветра, со стоном и воем снующего по тропинкам Анастасьевского садика.

Боевик Володя

В сумерках Клавдия подошла к двухэтажному дому на Большой Ямской. Дощатая калитка вела в заваленный снегом палисадник. У высокого крыльца Клавдия обмела веником валенцы и поднялась на второй этаж, в квартиру своего товарища Володи Урасова.

За низким столиком у русской печи на чурбаках расположились Урасовы, отец и сын. Отец сапожничал. Обычно он работал один, но сегодня, в воскресный день, ему помогал Володя.

Приходу Клавдии Урасовы обрадовались. Володя снял черный фартук, подошел к круглому столу и стал разливать чай из самовара.

— Раздевайся, Клавдичка... Погрейся с морозцу-то, — пригласил Урасов-старший.

— Спасибо, Александр Иванович. От чая не откажусь, — поблагодарила Клавдия, развязывая платок.

Она скинула платок, старенькую шубейку, поправила синее гимназическое платье, потерла озябшие руки.

Володя, высокий, широкоплечий, голубоглазый, медленно помешивал в стакане ложечкой. По лицу Клавдии трудно догадаться, чем вызван ее приход. Но он знал, что дело серьезное. Дом Урасовых, где с недавних пор находился тайный склад динамита, товарищи без крайней нужды не посещали.

— Ну, вы тут чаевничайте, а я ненадолго в амбар схожу, — сказал Александр Иванович.

Володя с благодарностью посмотрел на отца. Хлопнула дверь, заскрипела лестница под шагами.

— Понимает, что поговорить надо... — Володя отставил стакан и придвинулся к Клавдии. — А ведь волнуется... Знаешь, когда динамит прятали — он траншею в амбаре рыл! Притащил я домой динамит с каменоломни. Обдумал, где его схоронить. Но так все быстро завертелось, что подготовиться толком не сумел. Ну, на первый случай разложил патроны под матрацем и улегся спать. Думал, ночью перенесу. На беду в ту же ночь братан заболел — все глаз не сомкнули. Утром, как гудок, побежал на завод, а динамит оставил. Так и проспал несколько ночей — все случая подходящего выбрать не мог. Похудел аж... — На лице Володи появилось мягкое и доброе выражение. — Тут-то, Клавдичка, и понял я по-настоящему своего отца. Он все узнал: то ли видел, что тревожусь, то ли случай... Прихожу как-то домой, а он мрачный. «Ты что же отцу родному доверить боишься?.. Давно за тобой приглядываю, знаю, что в боевой дружине состоишь, оружие прячешь, за шпионами охотишься... Молчу, потому как одобряю. А на динамите спать нечего: не перина поди! Спрятать нужно, уложим так, что и комар носу не подточит!» — Володя заулыбался, добавил с нежностью: — Товарищ он у меня настоящий!

— Завидую тебе, — задумчиво ответила Клавдия. — У меня дома такого нет. Мама добрая, да детей восемь душ, с ног сбивается. И не понимает меня. Кричит: «Смотри, на каторгу угодишь!.. Срам какой падет на семью. Кто девок возьмет, если каторжанкой будешь?» — Клавдия вздохнула. — Жаль ее, а что поделаешь...

Она налила в стакан чаю и отрезала кусок теплого морковного пирога.

Володя подложил ей еще ломоть пирога и спросил:

— У нас в печке щи горячие... Может, попробуешь?

— Некогда, Володя. Тороплюсь. — Она помолчала. — Нужно сделать пять бомб. Простые фитильные с бикфордовым шнуром. Лучше в трехдюймовых шрапнельных банках. К пятнице управишься?

Володя кивнул.

— И еще вот что. Нужна веревочная лестница. Крепкая, аршин на десять... Еще два крюка отковать. Михалыч поручил подготовить побег трех рабочих с Мотовилихи — Трофимова, Меньшикова и Глухих. Они в башне, военного суда ждут. Сам знаешь, чем это кончается...

Голос Клавдии звучал сухо, излишне деловито.

— С дружиной Лбова вы прикроете отход товарищей. Завтра в восемь около Кафедрального собора передам ящик с браунингами. Берданы тоже достань... Торопиться нам надо, каждый час дорог. Побег приурочим к дежурству Янека. Вечерком давай с ним встретимся. Посоветуемся... — Она помолчала.— Да, Володя, еще одно дело. Нужно в городском театре разбросать листовки. Передам их тебе завтра, а ты уж подбери ребят... Не следовало бы тебя трогать перед побегом, но людей мало.

— Ничего, Клавдичка, выдюжим! — сказал Урасов. — Сама, гляди, не сорвись.

* * *

У окраины Перми, на Разгуляе, высились кирпичные казармы. Вечерами здесь собиралась молодежь. Толпились солдаты, свободные от дежурств. Мелькали подростки. Павами проплывали в нарядных шалях дородные молодки. Парни переговаривались с солдатами, угощали их самосадом.

Клавдия с Володей прохаживались вдоль казарменных стен с маленькими окнами. Они здесь не впервые. По заданию комитета девушка вела пропаганду в Ирбитском батальоне, где служил Янек. Володя почти всегда сопровождал ее.

Яна Суханека они заметили у караульной будки. Был он невысокого роста, худощавый, подвижной. Из-под черной бескозырки с белым околышем выбивались вьющиеся волосы. Поляк Суханек помог Клавдии создать первую большевистскую группу среди солдат, распространял в казармах листовки и прокламации.

— Что ж так поздно? — улыбнулась Кирсанова.

— Только освободился после наряда...

Не торопясь, вышли они из толпы, не торопясь, двинулись в сторону вокзала, освещенного электрическими огнями. Электричество в Перми было новшеством, и молодежь любила вечерами поглазеть на «иллюминацию».

В платке и валенцах Клавдия не отличалась от фабричных девушек. Суханек наклонился к ней, будто рассказывая что-то веселое, а сам ловко извлекал из кармана ее потертой шубейки тонкие пачки листовок. Потом сунул их за пазуху и громко рассмеялся. Встречные солдаты провожали его завистливым взглядом: ишь какую красавицу отхватил! А Клавдия, храня на лице веселую улыбку, тихо и быстро говорила:

— Дела плохи, Янек. Трофимова, Меньшикова и Глухих ожидает военный суд. При-

говор может быть один — смертная казнь. Побег будем устраивать в твое дежурство. Хорошо, если б ты попал в охранение наружной стены: товарищи спустятся по веревочной лестнице...

— Трудно, Клавдичка.

— И все же нужно, Янек. Ты хорошо знаешь подступы к тюрьме... Трофимов в башне. Передашь ему план побега. Может, узнаешь, когда Михалыча переведут в Николаевские...

Неторопливо шествуют барышня и солдат. Барышня встряхивает тугими косами, улыбается, смеется. Солдат зорко поглядывает по сторонам: не напороться бы на офицера. А Володя Урасов, надвинув на глаза ушанку и подняв воротник бобрикового полупальто, следует позади: охраняет Клавдичку, мало ли что...

«Черные вороны»

Январским вечером 1907 года городской театр был полон. Ставили пьесу «Черные вороны». Местный сочинитель, скрестив на груди руки, стоял в губернаторской ложе. Пьеса о похождениях ловкого сыщика обещала шумный успех.

Попасть в театр было трудно. Накануне Клавдия с Володей допоздна проторчали у кассы. Володе наконец удалось купить места на галерке для дружинников, а Клавдии — в бельэтаже.

И вот Клавдия, в гимназическом платье с белоснежными манжетами и воротничком, сидит во втором ряду кресел бельэтажа. Ее соседом оказался студент горного училища, прыщеватый блондин с широким лицом. Клавдия вспомнила, что встречала его на ученических сходках.

— Вот уж не чаял вас здесь увидеть, — удивился студент, протягивая руку.

— Премьеры стараюсь посещать, — ответила Клавдия.

— Я слышал, у вас неприятности. Какая-то там глупейшая история? — И округлил глаза: — Неужели оставили гимназию?

— С кем не случается, — усмехнулась Клавдия. — Но нет худа без добра: я теперь на фельдшерских курсах при Александровской больнице. Премного довольна.

— О, вы сразу станете самостоятельным человеком. В нашей полуварварской России женщине получить образование, смею заметить, невозможно...

«Болтун!» — неприязненно подумала Кирсанова.

Она поднесла к глазам бинокль и взглянула на галерку. Дружинники пока не появлялись. На алом бархате ярусов выделялись зеленоватые мундиры студентов, гимназические тужурки, белые пелерины выпускниц Мариинской гимназии. Поблескивали начищенными пуговицами чиновничьи вицмундиры. Да, публики великое множество! Пришли и рабочие. Клавдия видела их на всех ярусах. Хорошо!

Вдруг Клавдия заметила Володю с боевиками. Наконец-то! Пересмеиваясь, они рассаживались в первом ряду галерки. Володя положил на барьер программу и стал оглядывать зал.

Оркестр занял свои места. Стал медленно гаснуть свет. В наступившей темноте вдруг послышался шорох: это листовки закружились над ярусами.

— Свет! Дайте свет! — громко потребовали из губернаторской ложи.

Ярко вспыхнула люстра, осветив белую стаю листовок. Все ниже и ниже опускались они над партером. Публика пришла в движение. Многие вскочили, стараясь поймать листок. В проходах засуетились полицейские. Клавдия не могла сдержать улыбки: грузные полицейские, нелепо растопырив руки, гонялись за листовками.

Клавдия услышала за спиной громкий шепот студентов:

— Читай! Читай скорее!..

— «Российская социал-демократическая рабочая партия. Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Товарищи и граждане! Подходит час, когда вы должны будете сказать, кому доверяете вы защиту ваших интересов, интересов родины...»

Клавдия подняла к глазам бинокль и увидела улыбающегося Володю. Казалось, он с любопытством поглядывал на переполох в зале. Да, момент он выбрал удачно.

На галерке появился полицейский. Володя не ушел. Все так же посмеиваясь, поглядывал он в зал. «Значит, не смог выбраться», — поняла Клавдия и горестно вздохнула.

Шум и крик на галерке нарастал. Полицейские поднимали всех, сидевших в первом ряду, и выводили. Клавдия заволновалась: наверняка арестуют... Она видела, как Володя препирался с полицейским, как отрицательно качал головой, насмешливо улыбался, и наконец неохотно поднялся. Держался он хорошо.

Клавдия сорвалась с кресла и, подхваченная толпой, вышла на лестницу. Мимо нее провели арестованных гимназистов, студентов и Володю Урасова.

(Окончание в следующем номере.)

ПЕРЕПРАВА

Борис СЛУЦКИЙ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Не помеченные на карте
и текущие так, зазря,
подмосковные речки
в марте
разливаются в полуморя.

Ледяная, убивающая
снеговая вода,
с каждым часом прибывающая,
заливает пойму тогда.

Это все на неделю, на две,
а потом все схлынет, уйдет.
Ну, а две недели
разве
так легко прожить, пережить?

В эти самые две недели
в марте, в 42-м году,
на меня вещмешок надели.
Я сказал: «Сейчас пойду».

Дали мне лошаденку: квелая,
рыжая. Рыжей меня.
И сказали кличку: «Веселая» —
и послали в зону огня.

Злой, отчаянный и голодный,
до ушей в ледовитом огне,
подмосковную речку холодную
переплыл я тогда на коне...

Мне рассказывали: простудился
конь
и до сих пор хрипит.
Я же в этот раз постыдился
в медсанбат отнести свой бронхит.

Было больше гораздо спросу
в ту войну с людей, чем с коней,
и казалось, не было сносу
нам
и не было нас сильней.

Жили мы без простудной дрожи,
словно предки, в старину,
а болеть мы стали позже,
когда выиграли войну.

Айзек АЗИМОВ

НУ И ЗДОРОВО ЖЕ БЫЛО!

Рисунки В. ЧИЖИКОВА.

Это событие Марджи даже отметила в своем дневнике. Вечером на странице, датированной 17 мая 2155 года, она записала: «Сегодня Томми нашел настоящую книгу!»

Это была очень старая книга. Дедушка Марджи рассказывал, что еще когда он сам был маленьким, дедушка говорил ему, что раньше все рассказы и истории печатались на бумаге.

Теперь они листали пожелтевшие, сморщенные страницы. Было страшно забавно читать слова, которые стояли на месте, вместо того чтобы двигаться по экрану, как это им положено. И если потом вернуться к какой-нибудь странице, то на ней оказывались те же слова, что и в первый раз.

— Гы-ы-ы,— протянул Томми,— это же расточительство. Раз прочтешь книгу — и все, хоть выбрасывай! Наш телевизор показал, наверное, уже с миллион книг и может показать еще сколько хочешь. Его бы я не выбросил!

— Еще бы,— сказала Марджи. Ей было одиннадцать лет, и она еще не успела повидать столько телекниг, сколько Томми, которому было тринадцать.

— Где ты ее нашел? — спросила она.

— Дома.— Он ткнул пальцем, не поднимая головы, так как был поглощен чтением.— На чердаке.

— О чем она?

— О школе.

Марджи усмехнулась.

— О школе? Но что можно написать о школе? Я ее ненавижу!

Марджи всегда ненавидела школу, а сейчас особенно. Механический учитель давал ей одно задание по географии за другим, а отметки становились все хуже и хуже. Мама грустно покачала головой и послала за окружным инспектором. Это был маленький, круглый человек с красным лицом. Он принес целый ящик инструментов, каких-то дисков, проволочек. Он улыбнулся Марджи и дал ей яблоко, а потом разобрал учителя. Марджи надеялась, что инспектор не сумеет снова его собрать, но он отлично сумел. Примерно через час учитель уже стоял на своем месте, огромный, черный и безобразный, с большим экраном на животе, при помощи которого он читал лекции и задавал вопросы. Экран еще был ничего. Из всех частей Марджи больше всего ненавидела щель, в которую она должна была опускать домашние задания и контрольные работы. Их приходилось писать особым кодом на перфокартах— этому ее научили еще в шесть лет,— и механический учитель мгновенно выводил оценку.

Закончив, инспектор улыбнулся Марджи и погладил ее по голове. Маме он сказал:

— Миссис Джонс, ваша дочка не виновата. По-моему, сектор географии был настроен на слишком высокий темп. Это иногда бывает. Я его немного замедлил. Теперь он настроен на среднего десятилетнего ребенка. В общем же успехи вашей дочки вполне удовлетворительны.— Он еще раз погладил Марджи.

Марджи была разочарована. Она надеялась, что они совсем заберут учителя. Увезли ведь раз учителя Томми почти на месяц, когда в нем отключился сектор истории.

Поэтому она и спросила Томми:

— Кто же станет писать о школе?

Томми посмотрел на нее очень снисходительно.

— Это же совсем другая школа, дурочка. Это старая школа, какой она была сотни и сотни лет назад. Столетия назад,— важно добавил он, тщательно выговаривая слово «столетия».

Это задело Марджи. «Ладно, ну и пусть я не знаю, какая у них там была школа». Некоторое время она заглядывала в книгу через плечо Томми, а потом сказала:

— Во всяком случае, у них был учитель!

— Конечно же. Но это был не обычный учитель. Это был человек.

— Человек? Как же человек может быть учителем?

— Ну, он просто рассказывал мальчикам и девочкам разные вещи, задавал им уроки, а потом спрашивал их.

— Разве человек может быть таким образованным?

— Еще бы. Мой отец знает не меньше, чем учитель.

— Не может быть! Человек не может знать столько, сколько учитель!

— Во всяком случае, немногим меньше. Спорим!

Марджи подумала, спорить ей или нет.

— Я бы не хотела, чтобы в моем доме жил чужой человек и учил меня,— сказала она.

Томми чуть не подавился от смеха.

— Ничего ты не знаешь, Марджи. Учителя вовсе не жили в домах своих учеников. Были такие специальные здания, и все дети ходили туда.

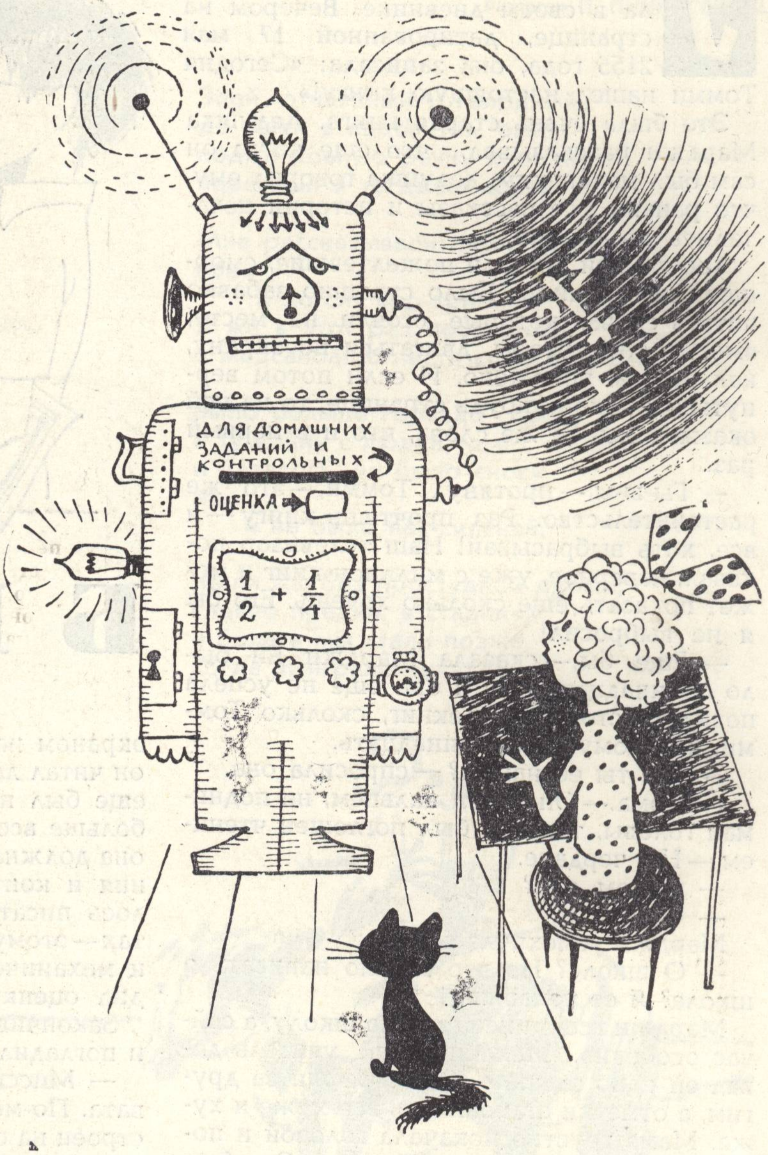
— И все дети учили одно и то же?

— Конечно, если они были одного возраста.

— Но моя мама говорит, что каждый учитель должен быть настроен в соответствии со способностями того мальчика или девочки, которого он учит, и что каждого ребенка надо учить отдельно!

— Все равно, у них все было иначе. Если тебе не нравится, пожалуйста. Можешь не читать!

— Я не говорю, что не нравится,— быстро сказала Марджи. Ей хотелось почитать об этих смешных школах.

* * *

Они не дочитали и до середины, как мама позвала:

— Марджи! Пора в школу!

Марджи оторвалась от книги:

— Еще немножко, ну, мамочка!

— Нет, сейчас же,— сказала миссис Джонс.— И Томми тоже, наверно, пора.

— Почитаем еще немножко после школы? — спросила Марджи.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Ты открываешь книжку и, словно весной через открытое окно, к тебе врывается шумный, звонкий, яркий мир. Он знаком тебе, как собственная ладошка, как парта, за которой сидишь, и в то же время он совсем какой-то новый, словно видишь все в первый раз.

Какое-то волшебство!

Прутики-деревья, посаженные осенью, качают еще не выросшими ветвями; твой младший братишка, на которого ты еще вчера злился за писк, вдруг предстал перед тобой крохотным чудом.

В шумном мире, который открылся перед тобой, многоэтажные дома переезжают на новое место, в каждом доме живут неведомые герои, а мальчишки и девчонки так похожи на тех, которых ты знаешь!

Все, что происходит в этой книжке, происходит и у вас. Может, Ганя-ревушка у вас зовется Таней, может, мальчик-наоборот живет не в вашем подъезде, а в соседнем, может, щенка чуть не забыли на даче ребята из другого звена, но все равно это рядом, вокруг тебя, в твоем знакомом мире. И проглядывает в веселых, звонких, метких и острых стихах добрая, чуть с лукавинкой улыбка автора.

Случается, что девочки
бывают очень грубыми,
хотя не обязательно
они зовутся Любами.

Он вечером
просит прощенья
на сборе,
а утром
он курит
верхом на заборе.

Вы, конечно, поняли, о чьих стихах идет речь. Да, это Агния Львовна Барто, ваш хороший, давний друг. Немного найдется писателей, которые знают ребят так хорошо, как она.

Хороший друг всегда говорит тебе правду. Агния Барто так и поступает, и порой ее правда глаза колет. Но, как настоящий друг, она умеет заглянуть в ребячье сердце, все понять и обратить к взрослым слово в защиту ребят.

Агния Львовна Барто.

Книжки замечательного поэта идут все время с вами рука об руку, маленькими вы запоминали с маминых слов стихи про тряпочного зайку, который намок под дождем, и про пугливого деревянного бычка. Потом стихи переступают с вами порог первого класса.

Ты растешь, и книжки Барто шагают с тобой дальше по жизни, заглядывая на отрядные сборы, в пионерский лагерь и на колхозное поле, в поход и на футбольный матч во дворе. А когда ты вырастешь совсем, ты снова будешь их перечитывать, как перечитываем мы, теперешние взрослые.

У этих хороших книжек сейчас праздник. Читатели — большие и маленькие — отмечают юбилей Агнии Львовны Барто. И праздник двойной, потому что за свои талантливые стихи для детей Агния Львовна Барто выдвинута на соискание Ленинской премии.

Все, кто любит стихи и кто любит ребят, и, уж разумеется, сами ребята от души радуются такой высокой оценке трудов поэта.

ПОЗДРАВЛЯЕМ! ПОЗДРАВЛЯЕМ! **ПОЗДРАВЛЯЕМ!** ПОЗДРАВЛЯЕМ! **ПОЗДРАВЛЯЕМ!** ПОЗДРАВЛЯЕМ!

— Может быть,— небрежно ответил Томми. Посвистывая, он взял книгу под мышку и ушел.

Марджи пошла в класс. Он был по соседству со спальней. Механический учитель был уже включен и ждал ее. Он бывал наготове в одно и то же время каждый день, кроме субботы и воскресенья. Мама считала, что маленькие девочки лучше учатся, если это бывает в одно и то же время.

Экран светился. На нем появилась надпись: «Занятие по арифметике — сложение простых дробей. Пожалуйста, опусти вчерашнее задание в щель».

Зевнув, Марджи подчинилась. Она думала о старой школе в то время, когда дедушка ее был еще маленьким мальчиком. Малыши со всей округи собирались с криком и смехом в школьном дворе. Они сидели в одном классе, а в конце дня вместе шли домой. Все учили одно и то же, могли помочь друг другу готовить уроки и поболтать о школьных делах.

А учителя были люди...

Механический учитель зажег на экране надпись: «Если сложить дроби $1/2$ и $1/4$...»

Марджи думала о том, как, наверное, в старое время ребята любили школу. «Ну и здорово же было!» — решила она.

Перевел с английского А. Бородаевский.

РАЗГОВОР ВТОРОЙ

Снова о Госплане

ХОЗЯЙСТВО

ЗАЧЕМ НУЖНЫ МИНИСТЕРСТВА

Помнишь, мы рассказывали тебе в прошлом номере, сколько нужно разных вещей, чтобы на фабрике сшили для тебя пару ботинок? И кожа, и микропористая резина для подошв, и ткань, и нитки, и даже металл для пистонов, в которые ты проденешь свои шнурки...

Представь себе, что было бы с твоими ботинками, если бы все эти вещи не свозили — в готовом виде — на обувную фабрику со всех концов страны, а делали бы тут же, те же люди, что шьют на станках ботинки. Тогда им пришлось бы начать с добычи нефти, потом заняться ее переработкой в резину, а из резины уже выкраивать подошвы. Подошвы готовы — теперь за другое: выращивать овец, чтобы получить кожу, затем дубить ее, обрабатывать, красить. Отложили заготовленный верх — стали ткать материю для подкладки. А ведь надо было еще вырастить хлопок! А машины для пошива и склеивания ботинок! Чтобы сделать эти машины, надо выплавить металл, изобрести станок и инструменты...

Ты сам понимаешь, что так не может быть. Ведь если бы ботинки с начала и до конца делали одни и те же люди,— у нас не было бы ни одной пары обуви, как не было бы при таком «хозяйстве» ни машин, ни книг, ни даже пуговиц.

Год нужно, чтобы вырастить овцу, еще год — вырастить и обработать хлопок. Значит, шить твои ботинки начнут не раньше чем через три года. А эти годы как? Ходить босиком?

Выход, конечно, в том, чтобы разные работы поручить разным группам людей. Одни будут делать одно, другие — другое. Это называется «разделение труда».

Такое умное хозяйство было еще у наших далеких предков. Одни занимались охотой, другие — скотоводством, третьи выращивали хлеб.

Шло время... Деление труда стало гораздо более дробным. Появились отдельные отрасли промышленности. Они объединяют, конечно, не отдельных людей, а целые предприятия.

Объединением предприятий по отраслям нашего хозяйства руководят министерства. Министерства созданы для того, чтобы все наше хозяйство работало, как умная машина, где каждая часть на месте, не мешает, а помогает другим.

ВСЕ ПОМОГАЮТ НЕФТЯНИКАМ

Чем занимаются нефтяники? Ну, конечно, они добывают нефть для всей страны. Нефть нужна автомобильной и авиационной промышленности — это горючее, химической — это сырье для новых материалов, населению — для освещения и отопления.

Всем нужны нефтяники. Но с них не только требуют. О них заботятся и им помогают, дают им буровые вышки, станки, шланги, трубы, резиновые сапоги, непромокаемые плащи. Совхозы и колхозы кормят нефтяников, как и всех нас, и еще дают сырье текстильной и кожевенной промышленности, чтобы нефтяники были хорошо одеты и обуты.

А чтобы все было совсем хорошо, нефтяники должны давать ровно столько нефти, сколько нужно всему нашему хозяйству. Как же это узнать? Кто скажет Министерству нефтедобывающей промышленности, кому нужно дать нефть в первую очередь и сколько всего нефти понадобится стране?

ПЛАН В ПУТИ

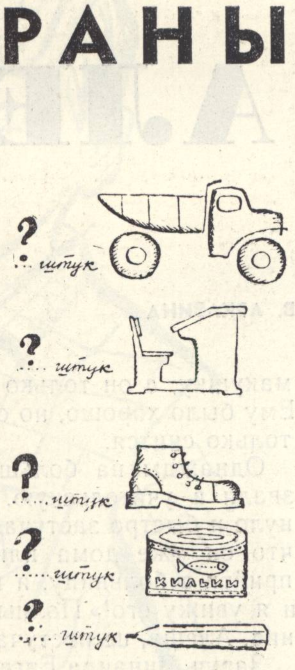
Это скажет Госплан. Госплан — мозг нашего хозяйства — с помощью ученых разрабатывает, в чем нуждается наша страна, все хозяйство и отдельные отрасли. Вот как это происходит.

Установлено, например, сколько галош или ботинок потребуется нашей стране. Госплан сообщает эту цифру в Министерство легкой промышленности. Министерство получает **контрольные цифры** своего плана.

ТВОЕЙ СТРАНЫ

Министерство руководит сотнями, а иногда даже тысячами предприятий и распределяет между ними полученное от Госплана задание.

На каждом предприятии задание делят между цехами и бригадами. Узнав о задании Госплана, рабочие и инженеры собираются вместе на собрание, чтобы обсудить план. Иногда выясняется, что для выполнения задания этому заводу нужен, например, новый мощный станок, а другому — новый цех. На третьем предприятии, наоборот, оказалось, что можно выпустить дополнительно некоторые изделия, не предусмотренные планом.

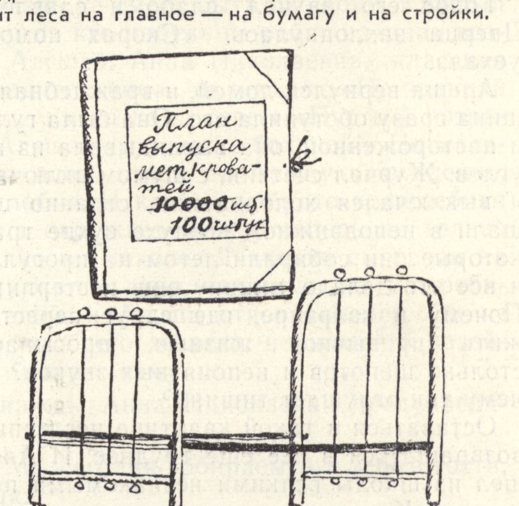

В министерстве все эти предложения объединяют и сообщают Госплану. Госплан, познакомившись с ними, дорабатывает план, или, как говорят экономисты, «сводит» план,— увязывает все задания между собой. Нужно, чтобы хватило металла для всех станков и машин, нужно сделать достаточно тракторов, чтобы вспахать землю и вырастить столько хлеба, сколько потребуется для всего народа, да еще чтобы в запас осталось.

КОГДА ПЛАН УМЕНЬШАЮТ

Когда Госплан «сводит» план, он уточняет задания: одним отраслям увеличивает, другим уменьшает.

Когда план увеличивают — понятно. А вот когда уменьшают? В двух случаях: если у завода не хватает станков и сырья для выпуска изделия в нужном количестве, а другие заводы, производящие эти станки, в текущем году не успеют дать дополнительную продукцию. Второй случай: если станков и сырья хватает, а изделий нужно меньше. Помнишь, еще не так давно почти во всех домах стояли металлические кровати? Мода изменилась, и люди стали покупать деревянные кровати и диваны-кровати. А заводы все выпускали металлические кровати! В магазинах скопилось их очень много — никто не покупал. А ведь на них ушел металл, очень нужный народному хозяйству. Тогда было принято решение — уменьшить выпуск таких кроватей, а освободившийся металл передать другим заводам. А бывает и так. Допустим, что при сведении плана выяснилось: леса не хватает. Не хватает на все потребности страны: для строек, для бумаги, для топлива. В Госплане обдумывают: для чего же важнее лес? Если будет меньше бумаги,— меньше выйдет книг, газет, журналов, меньше будет тетрадей. Если не додать лес строителям,— меньше вырастет новых домов, школ, клубов. Ну, а если заменить, где можно, дрова газом или электричеством? Вот тогда хватит леса на главное — на бумагу и на стройки.

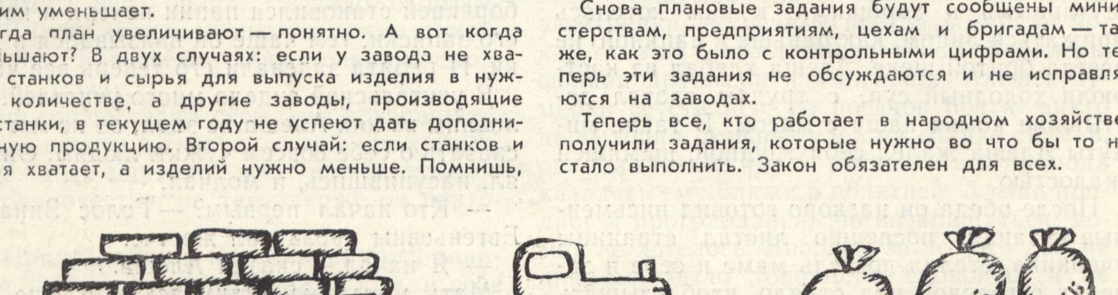
РОЖДЕНИЕ ПЛАНА

И вот наступает момент, когда Госплан закончил работу над проектом плана и представил его в Верховный Совет.

После утверждения в Верховном Совете проект плана станет **Законом**.

Снова плановые задания будут сообщены министерствам, предприятиям, цехам и бригадам — так же, как это было с контрольными цифрами. Но теперь эти задания не обсуждаются и не исправляются на заводах.

Теперь все, кто работает в народном хозяйстве, получили задания, которые нужно во что бы то ни стало выполнить. Закон обязателен для всех.

АЛЕША

В. АРКАВИНА

Рисунки А. ЗЫКОВА.

Ранним утром за Алешиным папой приехала «Скорая помощь». Папу положили на носилки. Несли его очень бережно: Алеша сразу понял это по напряженным и строгим лицам санитаров. Мама шла рядом, вымученно улыбаясь уголками дрожащих губ. Папа подозвал растерянного Алешу, прижал к груди его вихрастую голову.

— Я скоро вернусь, дружок! Не грусти и не давай грустить маме. Будь молодцом.

Папа хотел еще что-то сказать, но не то не смог, не то раздумал. И только когда уже внесли его в карету, повторил:

— Смотри, будь молодцом, Алеша!

Голос его звучал слабо и сдавленно. Дверца захлопнулась. «Скорая помощь» уехала.

Алеша вернулся домой, и враждебная тишина сразу обступила его. Она была гулкой и настороженной, она выглядывала из всех углов. Журчал счетчик, с шумом включался и выключался холодильник, странно шуршали в неподвижном воздухе сухие травы, которые они собирали летом на прогулках, и все это делало тишину еще нестерпимей. Почему в квартире, где вдруг перестают жить привычной жизнью, просыпается столько шепотов и непонятных звуков? Почему так оглушает тишина?

Оставаться в такой квартире нестерпимо, возвращаться в нее еще труднее. И Алеша шел из школы всякими незнакомыми переулками. Кончалось это почти всегда дракой с незнакомыми мальчишками.

Алеша не помнил, с чего начинались эти драки и чем они кончались; они были тяжки, как обступившее его одиночество, но все же чем-то легче одиночества.

Дома на кухонном столе лежала мамина записка. Мама писала, чтоб Алеша не забыл подогреть обед, чтоб лег спать, не дожидаясь ее возвращения, чтоб не забыл приготовить уроки. Папины приписки были шутливыми и хорошими: к ним хотелось прижаться лицом, как раньше к папиной не всегда бритой щеке. Алеша хлебал из кастрюли холодный суп, с трудом глотал застывшие комья каши с мясом. В такие минуты Алеша жалел себя трудной, щемящей жалостью.

После обеда он наскоро готовил письменные задания, поспешно листал страницы учебника, стелил постель маме и себе и залезал с головой под одеяло, чтоб слышать только свое дыхание, а не эту подсматривающую и подслушивающую тишину.

Возвращалась мама, освобождала его голову из-под одеяла, осторожно целовала в макушку, а он только крепче сжимал веки. Ему было хорошо, но он боялся, что это ему только снится.

Однажды на большой перемене его вызвали в учительскую. Алешино сердце екнуло и быстро застучало: «Это звонил папа, что он уже дома или что за ним можно прийти в больницу, и меня сейчас отпустят, и я увижу его!» Полный счастливого ожидания, Алеша, не постучавшись, рванул дверь.

Завуч Зинаида Евгеньевна слушала чью-то маму. Та была тут, видно, давно, говорила горячо и быстро и никак не могла остановиться. На ее скулах возбужденно горели красные пятна. Рядом стоял мальчик постарше Алеши с подбитым глазом и исцарапанным лицом.

— Прямо хоть на улицу не пускай из-за этого хулигана; каждый день кого-нибудь увечит. Вчера и до моего добрался. Мой мухи не обидит. А этот чуть глаз ему не вышиб. Да что же это такое!

— Копцов, почему вы подрались? За что ты избил его? С каких пор ты стал давать волю рукам? Ведь он мог ослепнуть!

Как объяснить, что большая тревога за отца все перевернула в Алеше. Чем неразборчивей становился папин почерк и короче его записки, тем чаще он ввязывался в драки. И ребята задевали его теперь все чаще.

В учительской сидело много учителей. Половины из них Алеша не знал, он не мог рассказать о себе совсем чужим людям. Он стоял, насупившись, и молчал.

— Кто начал первым? — Голос Зинаиды Евгеньевны прозвучал жестче.

— Я начал,— сказал Алеша.

Мать мальчика рванулась к Алеше. Вошедший директор остановил ее.

— Погодите, мы разберемся сами!

Женщина вышла. С ее уходом в учительской стало тихо.

— Что ж,— сказал директор, сурово взглянув на Алешу,— вызовем отца. Побеседуем с ним, спросим, что это с его сыном делается.

— Он не сможет прийти! — сказал Алеша.

— Ну так мать вызовем, завтра же.

Алеша стоял, а Зинаида Евгеньевна писала записку; вот уже сложила ее вдвое; сейчас вложит в конверт.

— Не надо, не вызывайте маму,— попросил Алеша.— Нельзя ее сейчас вызывать. Папа наш уже месяц в больнице. Она целыми днями у него сидит. Не надо ее вызывать. Я буду ходить из школы прямо домой.

Зинаида Евгеньевна внимательно посмотрела на Алешу.

Алеша представил себе, как возвращается он из школы в гнетущую тишину комнат, сердце его ощутило всю пронзительную боль одиночества, но тем тверже он повторил:

— Прямо домой и ни с кем не буду задираться.— Помолчал.— Я папе, и вам, и себе слово даю.

В учительской стало так тихо, что показалось, будто звонок с перемены зазвенел рядом за дверью.

— Хорошо, иди в класс. Зайдешь ко мне после уроков,— сказала Зинаида Евгеньевна и тут же обратилась к классной руководительнице: — Как же так?

И было в вопросе не то удивление, не то упрек.

Мать мальчика с подбитым глазом преградила Алеше дорогу, что-то кричала.

— Мне велели идти в класс,— сказал он спокойно,— пропустите меня, пожалуйста!

И женщина, удивленно взглянув на Алешу, посторонилась.

Со следующего дня началась для Алеши нехорошая, лживая жизнь. (А папа говорил, что жизнь не смеет быть лживой.) Каждый раз, когда кто-нибудь из ребят начинал возню с Алешей, Анна Николаевна, классная руководительница, окликала: «Не задирай Алешу, у него дома горе!» «Пусть,— возражал Алеша,— я ведь не больной!» Но мальчик отходил, глядя на Алешу отчужденно, исподлобья. И казалось, будто враждебная тишина окружает Алешу теперь не только дома, но и в школе. Девчонки смотрели на Алешу жалостливо, как на щенка с перебитой лапой, и Алеша отворачивался. Он не хотел, чтоб его жалели, но жалость назойливо липла к нему.

Однажды Анна Николаевна предупредила:

— Мы сегодня собираемся к тебе в гости, Алеша.

— Пожалуйста, не надо. Я буду у бабушки, за городом!

Никакой бабушки за городом не было. Просто Алеша не хотел, чтоб его приходили жалеть еще и на дом.

После уроков он пошел на вокзал, доехал электричкой до платформы, к которой вплотную придвинулся лес, сошел с поезда. Падал снег, крупный и мокрый, и добрая тишина окружала Алешу. Сумрак густого леса бесшумно глотал вагоны убегавшей электрички; встречные поезда жмурили яркий глаз от густо летящего снега. Казалось, фонари дружески подмигивали Алеше. Сумерки сгустились; из поездов почти никто не выходил. Алеша сидел на спинке скамьи, ощущал в себе что-то птичье, и вся природа казалась ему ближе и понятней. Алеша продрог и проголодался, но возвращаться домой не хотелось. Впервые за все эти долгие дни ему было хорошо, и спокойно, и не страшно вслушиваться в тишину.

Он вернулся в город поздно. Сиреневыми отблесками ложился на снег свет фонарей. Город стал тише и добрее. Он, как Алеша,

прислушивался к мягко падавшему снегу, и городу тоже было хорошо и спокойно.

Алешенька! Наконец-то! — Мама бросилась ему навстречу, и Алеша понял: она давно ждала его так, не раздеваясь, в передней.— Едем к папе!

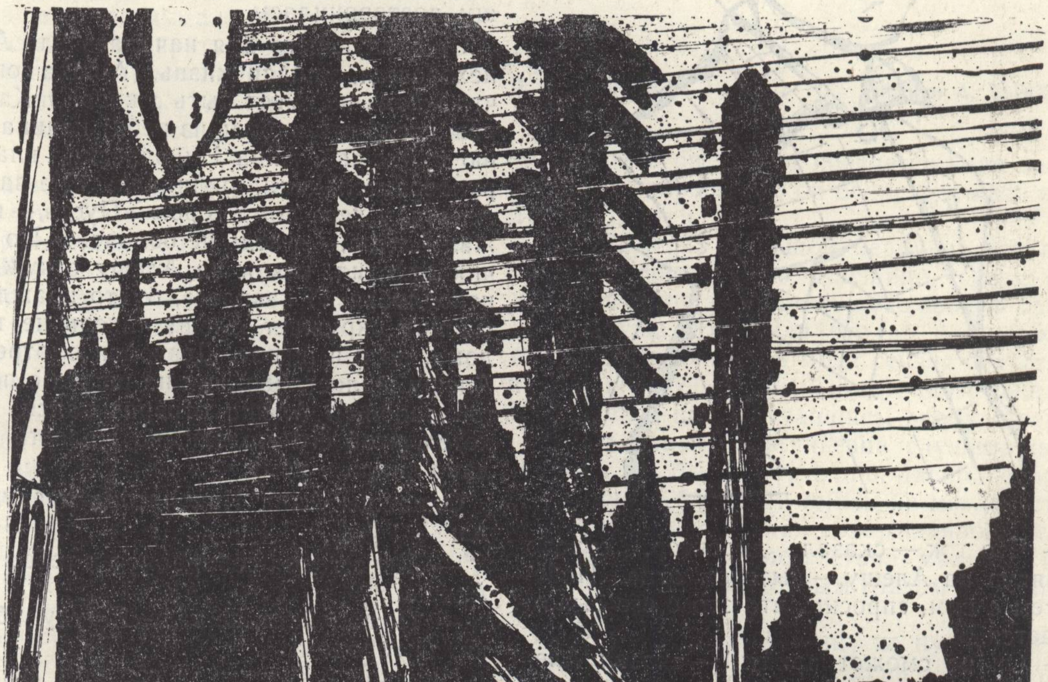
Они сбежали по лестнице к ждущему их такси... Все время, пока «дворники» счищали налипавший снег с ветрового стекла и в нем звездами вспыхивали встречные фонари, мама сидела, забившись в угол, беззвучно повторяя, как заклинание:

— Хоть бы не опоздать!

Вбежав в вестибюль, она сказала Алеше:

— Подожди меня тут минутку! — И метнулась вверх по лестнице, сбрасывая на ходу шубу и платок.

На скамье сидела нянюшка из папиной

палаты и тетя Нюша, та, что работала с папой в полевом госпитале всю войну. Увидев Алешу и маму, обе переглянулись и замолчали. Но уже через мгновение опять зазвучал тети Нюшин шепоток с поминутным горестным: «А они-то!» Алеша знал, что «они» — это о папе. Только о папе няня Нюша всегда говорила «они».

— Опоздали! — простонала мама, опустилась на подставленный тетей Нюшей стул и уронила лицо в ладони.

— Пустите меня к папе! — крикнул Алеша.

— Нельзя! — И дежурившая сестра преградила ему дорогу.

— Пустите! Я должен видеть папу! — И он рванулся на лестницу.

Тетя Нюша крепко обняла его, бессвязно шептала что-то утешающее, одновременно застегивая на ходу пальто, натягивая ушанку. Она усадила его в такси и уселась рядом. Алеша, не отрываясь, смотрел в одну точку. Опять «дворники» счищали снег с ветрового стекла, и казалось, что шевелятся губы чудовища, беззвучно повторяя: «Нет папы, нет его!»

Войдя в дом, тетя Нюша и Алешина соседка стали распоряжаться — расставлять стулья вдоль стен и сдвигать столы на середину. И комната сразу стала чужой и враждебной. Гулко затикали стенные часы... Тетя Нюша и соседка присели. Тетя Нюша сказала:

— Должно быть, уже обрядили их.

И от этого непонятного слова тоскливо сжалось Алешино сердце.

Тетя Нюша рассказывала, как папа все откладывал свою операцию, а больные все шли и шли к нему и не уходили, пока не давал он им слова, что будет оперировать их сам. А после обхода все чаще ложился в кабинете «передохнуть», глотал порошки и много курил. Алеша вспомнил: летом на даче он услышал ночью стон.

— Что с тобой, папа? — спросил он тревожно.

— Ничего, дружок мой, спи спокойно!

Папа лежал, не шевелясь, и смотрел в одну точку. Алеша понял, что ему больно. Алеша притворился тогда спящим, чтобы не мешать папе. Но, может быть, ему лучше было подойти к отцу, присесть на постель, принести папиросы, пододвинуть пепельницу, прикрыть пледом ноги? Папа лежал так неподвижно, что Алеше стало страшно.

Алеша вошел в папину комнату. Мертвенно темнели книги на книжных полках, стыли вещи на письменном столе; все было чужим и холодным, как этот дом, как весь мир без папы.

В соседней комнате несколько раз хлопнули дверью, раздался беспорядочный топот ног, долетали слова:

— Заноси левей, теперь правым углом. Так, опустили.

Всхлипнул стол.

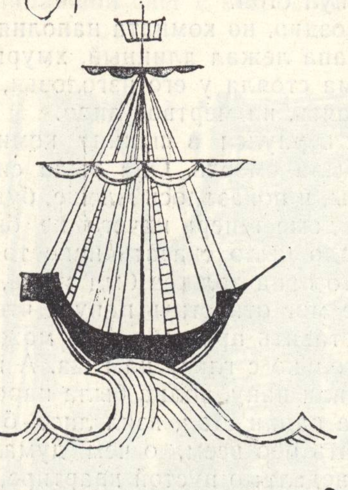
Было поздно, но комната наполнялась народом. Папа лежал длинный, хмурый и чужой. Мама стояла у его изголовья, смотря, не отрываясь, на мертвое лицо.

Алеша вернулся в папину комнату. За дверью была смерть. Она была сильнее и его и папы, и показалось Алеше, будто, кроме нее, в доме теперь ничего не было. Но Алеше надо было сказать папе то единственное, что папа должен был знать, без чего Алеша не мог отпустить папу и что Алеша не мог оставить при себе. Это можно было сказать только с глазу на глаз. А комната, где оставили папу, полна была народу. Алеша сел за папин стол, взял лист бумаги и стал писать обо всем, о чем думал в эти трудные недели: о пустой квартире, о маме, о том, как хотелось ему обнять папу, прижаться к нему, потереться щекой о его щеку, вернуться домой зимним вечером и крикнуть маме: «А мы, мужчины, проголодались!» Но всего этого никогда уже не будет. К дому теперь побегут не две неровных лыжни, а только его, Алешина. Он писал, почему не был «молодцом» в эти дни: он обещал, как друг обещает другу, как мужчина мужчине, стать таким, каким не смог быть раньше: мужественным и справедливым. «Я не буду лгать, никогда не буду. Пусть будет трудно, а я не буду! Я буду любить других, я всегда буду, даже теперь, сейчас; я буду их жалеть и любить». Он писал, боясь лишь одного: что отец сможет не поверить ему, он хотел, чтоб слова пришли к нему так, как эти слезы, которые он не мог больше сдерживать.

Он кончил. Сложил письмо, не читая, и, подбежав на цыпочках к гробу (в комнате в ту минуту никого не было), вложил письмо в карман папиного пиджака и выбежал из комнаты.

Он больше не входил туда. Он попрощался с отцом навсегда. В день похорон, когда в воздухе плыли звуки траурного марша, и люди несли венки и папины ордена, а мама с трудом шла за папиным гробом, Алеша взял ее под руку — уверенно и бережно, как это всегда делал папа, и осторожно свел ее с обледенелых ступеней крыльца.

Журнал в журнале

Кораблик

печатает только тебя

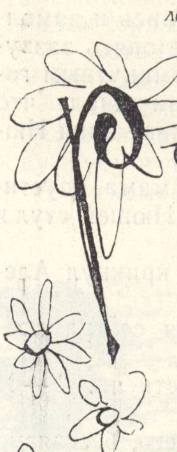

Обезьяна Ритичи
Покупала кирпичи,—
Приоткрыла кошелек
И сложила в кузовок
Пять кирпичиков, и вот
Ритичи домой идет.
По дороге Ритичи
Потеряла кирпичи!
Пять кирпичиков! И вот
Сумку маме не несет.
Обезьяна Ритичи
Отыскала кирпичи!
Пять кирпичиков! И вот
Сумку маме подает.

Светлана КУКИНА
5 лет,
г. Александров.

Стихи Сережи Зяблицева

Сережа Зяблицев живет на реке Вятке, в селе Рожки, Кировской области. Ему 13 лет. Вот его стихи.

Ромашки

Пропитаны, как промокашки,
Медовою водой дождей,
Пестреют нежные ромашки
Средь тихой заводи полей.
Родились в травяной постели
Они весеннею зарей,
На них природа акварели
Пролила щедрою рукой.
Им ветер сновиденья теплил,
Их убаюкивала высь.
Вот выросли они, окрепли,
И в них ручьем забила жизнь.
Ромашкам солнце ярко светит,
Они от рос хмельных пьяны,
Родные, маленькие дети
Моей завятской стороны.

* * *

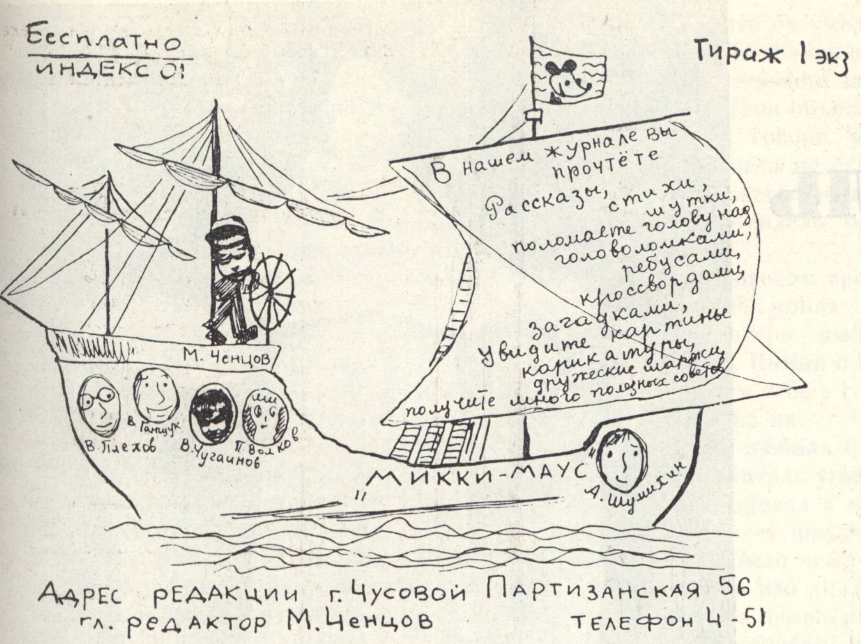
Я в поле вышел в полночный час
И шел, спотыкаясь впотьмах.
А ветер ревел, как сверхмодный джаз,
Запутавшись в проводах.
Устал, заплутал я, на землю сел;
Все было вокруг темно,
А ветер все ту же песню ревел,
Знакомую мне давно.
Гудя, провода издавали свист,
И в бледном свете луны,
Как черти, во мгле танцевали твист
Коряги и валуны.
Но вдруг замигали вдали огоньки,
Виденья схлынули прочь,—
Там, по дороге, грузовики
Неслись, разрезая ночь.
И я засмеялся, я на ноги встал,
Закинул за спину плед,
Вздохнул всей грудью и зашагал
На яркий, зовущий свет.
Сияли, как звезды, машин огоньки,
Была не страшна мне тьма:
На эти зовущие маяки
Вела меня жизнь сама.

На теплоходе

Вздыхала мерно пристань под ногами,
Как дымка, наплывал прозрачный сон,
Но теплоход, стрельнув во тьму огнями,
Меня унес в вечерний шорох волн.

С лугов тянуло ароматом травным,
Созревшей земляникою лесной.
И я смотрел, вдыхая воздух пряный,
На пенный след, бегущий за кормой.

Познакомьтесь — МИККИ-МАУС

На Урале, в городе Чусовом, есть маленькая редакция. Все ее сотрудники — ребята.

Эта редакция выпускает журнал «Микки-Маус».

Редактор журнала — Миша Ченцов. Ему девять лет. Он-то и прислал «Кораблику» последний номер «Микки-Мауса». Перепечатываем оттуда одну страничку — репортаж. И не просто репортаж, а очень веселый. Да и весь журнал «Микки-Маус» такой же веселый.

СДЕЛАЙ САМ СЕБЕ САМОКАТ

Старая русская пословица гласит: «Готовь сани летом, а телегу зимой». Мы слегка перефразировали ее: «Готовь сани летом, а самокат зимой». Внимая этому мудрому совету, мы поместили небольшое пособие для строителей самокатов.

Беседа нашего специального корреспондента В. Ганцука с конструктором Чугаиновым.

Ганцук. Как пришла вам в голову мысль сделать свой самокат и как вы претворили ее в жизнь?

Чугаинов. Разломала мамка старый самокат на дрова, я и стал делать новый. А после ящик приделал.

Ганцук. Были ли у вас трудности при постройке самоката?

Чугаинов. Мамка гвоздей не давала, да и колес не мог найти.

Ганцук. Мы слышали, что в процессе строительства вам помогали родители. Правда ли это?

Чугаинов. Как бы не так! Сам все сделал! Сам! (И он с гордостью показал нам свои натруженные руки.)

Ганцук. Из каких материалов была построена ваша машина?

Чугаинов. Рама деревянная. Гвозди Ежик[1] дал, а колеса — от детского велосипеда.

(Как видите, даже из таких материалов уличный умелец создал замечательную машину.— РЕДАКЦИЯ «МИККИ-МАУСА».)

Чугаинов. Между нами говоря, это совсем не самокат, потому что меня катают на нем.

Ганцук. Другокат?

Чугаинов. Нет, я его вездеходом зову.

Ганцук. Очень удачное название. Разрешите узнать, применяли ли вы при постройке вездехода синтетические материалы, как, например, поролон, синтетический каучук, пластмассы, пенопласт?

Чугаинов. Обод резиновый. Хотел сиденье с губкой сделать. Да разве найдешь. Мало еще наша промышленность выпускает материалов!

Ганцук. Каковы ваши дальнейшие планы?

Чугаинов. Заменить хочу переднее колесо, увеличить полезную площадь и сделать тормоза. Есть у меня заветная мечта — сделать педальный автомобиль.

В заключение редакция «Микки-Мауса» сообщает, что вездеход ВЧ-1 работает без единой неполадки. Мы счастливы также сообщить, что умелец нашел переднее колесо.

[1] Ежиком у нас во дворе называют Валерия Южанова.

Звонкий крик раздался
Внезапно надо мной
И тотчас повторился
Опять над головой.
Махая редко крыльями,
Летели журавли
И перекличку в небе
Между собой вели.
И странно было видеть,
Что в вышине такой
Совсем чуть-чуть заметные
Крик подняли большой.

Люся ОНИЩЕНКО
15 лет,
г. Прокопьевск,
Кемеровская область.

УЧИТЕЛЬ ИЗ БРНО

Борис ВОЛОДИН

Он и сейчас стоит там, учитель Мендель... Этот мраморный памятник в 1910 году был сооружен в Брно на средства ученых всего мира.

ЧТО О НЕМ ЗНАЛИ, КОГДА ОН ЖИЛ

Он жил сто лет назад. Он жил в чешском городе Брно, который тогда называли на немецкий лад Брюнном, потому что Чехия входила в состав тогдашней Австро-Венгерской империи.

В брненской реальной школе, где он работал, было около тысячи учеников и двадцать учителей. Из этих двадцати учителей у тысячи мальчишек-«реалистов» одним из самых любимых был именно он — преподаватель физики и естествознания Грегор Мендель, «патер Грегор», то есть «отец Грегор».

Его называли так потому, что он, учитель Мендель, был еще и монахом. Монахом брненского монастыря святого Томаша.

О нем тогда знали, что он был сыном крестьянина,— даже много лет спустя после того, как он уехал из своей родной деревни Хинчице, в его речи сохранился чуть шепелявый говорок местности, где прошло его детство.

Знали, что он был очень способным и всегда блестяще учился — в сельской школе, потом в окружной школе, потом в гимназии. Но у родителей Менделя не было денег, чтобы дальше платить за его учение. И он никуда не мог поступить на службу, потому что был сыном простого крестьянина. Чтобы пробить себе дорогу, Иоганну Менделю (с рождения его звали Иоганном) пришлось поступить в монастырь и по

церковному обычаю принять другое имя — Грегор.

Он поступил в монастырь святого Томаша и стал учиться в богословской школе. И там тоже проявил блестящие способности и невероятное усердие. Он должен был стать доктором богословия — ему совсем немного оставалось до этого. Но экзаменов на степень доктора богословия патер Мендель не стал сдавать, потому что карьера богослова его не интересовала.

Он добился другого. Добился, чтоб его направили учителем в гимназию маленького города Зноймо, на юге Чехословакии.

В этой гимназии он стал преподавать не закон божий, а математику и греческий язык. Однако и это его не удовлетворяло. С юности у него была другая привязанность: он очень любил физику и естествознание и много времени тратил на их изучение.

Путь самоучки — тернистый путь. Через год после того, как он стал преподавать в Зноймо, Мендель попытался сдать экстерном экзамены на звание учителя физики и естествознания.

Он провалился на этих экзаменах, потому что, как у всякого самоучки, знания его были отрывочны.

И тогда Мендель добился еще одного: он добился, что монастырское начальство послало его в Вену, в университет.

В ту пору все преподавание в Австрии находилось в руках церкви. Церковному начальству было важно, чтобы монахи-учителя обладали необходимыми знаниями. Потому-то Менделя и послали в университет.

Он проучился в Вене два года. И все эти два года он посещал занятия только по физике, по математике и по естественным дисциплинам.

Он снова проявил себя удивительно способным — его даже взяли на работу помощником ассистента на кафедру знаменитого физика-экспериментатора Христиана Допплера, открывшего важный физический эффект, названный в его честь «Допплер-эффектом».

И еще Мендель работал в лаборатории замечательного австрийского биолога Коллара.

Он прошел настоящую научную школу. Он мечтал заниматься научными исследованиями, но ему приказали вернуться в монастырь святого Томаша.

Ничего нельзя было поделать. Он был монахом и должен был подчиняться монастырской дисциплине. Мендель вернулся в Брно, стал жить в монастыре и преподавать экспериментальную физику и естествознание в реальной школе.

Он был одним из самых любимых учителей этой школы: во-первых, потому, что очень хорошо знал предметы, которые преподавал, и еще потому, что он умел удивительно интересно и просто объяснять самые сложные физические и биологические законы. Он объяснял их, иллюстрируя свои объяснения опытами. Он был монахом, но, говоря ученикам о явлениях природы, никогда не ссылался на бога, божью волю и сверхъестественные силы. Явления природы монах Мендель объяснял как материалист.

Он был человеком веселым и добрым.

В монастыре монах Грегор занимал тогда должность «патера кюхенмайстера» — главного над кухней. Помня о своей голодной юности, он приглашал к себе в гости учеников победней и подкармливал их.

Но ученики любили бывать у него совсем не потому, что учитель угощал их чем-то вкусным. Мендель выращивал в монастырском саду редкие для тех мест фруктовые деревья и красивые цветы — было чему подивиться.

Еще учитель изо дня в день вел наблюдения за погодой и за изменениями на Солнце — это тоже было интересно. Один из его учеников стал потом профессором метеорологии и писал в воспоминаниях, что любовь к этой науке привил ему учитель Мендель.

Ученики знали, что в углу сада под самыми окнами одного из монастырских зданий отгорожен маленький участок — всего тридцать пять на семь метров. На том участке учитель Мендель выращивал совсем неинтересное: обычный горох разных сортов. Этому гороху учитель уделял, право же, слишком много труда и внимания. Что-то он с ним делал... Кажется, скрещивал... Об этом он не рассказывал ученикам ничего.

СЛАВА НЕ ТОРОПИТСЯ

Он умер, и довольно скоро жители Брно стали забывать о том, что в их городе жил человек по имени Грегор Мендель. Только ученики его помнили—патер Грегор был хорошим учителем.

И вдруг шестнадцать лет спустя после его смерти, в 1900 году, к Менделю пришла слава. О нем заговорил весь мир.

Было так.

В 1900 году трое ученых, исследовавших явления наследственности, вывели из своих опытов законы, по которым при скрещивании разных растений и животных признаки передают-

ся по наследству потомству. И когда эти ученые, независимо один от другого, стали готовить для печати свои труды, то, просматривая литературу, каждый из них неожиданно узнал, что эти законы уже открыты учителем из города Брно Грегором Менделем. Открыты в тех опытах с горохом, который рос на крохотном участке в углу монастырского сада.

Учитель ничего не рассказывал мальчишкам из реальной школы, но в Брно существовало общество любителей природы. На одном из заседаний общества Грегор Мендель сделал доклад «Опыты над растительными гибридами». Он рассказал в нем о работе, на которую ушло целых восемь лет.

Конспект доклада Менделя был напечатан в журнале и разослан в сто двадцать библиотек разных городов Европы.

Почему же только через шестнадцать лет ученые обратили внимание на эту работу?

Может быть, никто прежде не открывал журнала? Не читал доклада?

Почему слава великого ученого так не торопилась прийти к Менделю?

Сначала нужно узнать, что же именно он открыл.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛ САДОВЫЙ ГОРОХ

Дети похожи на пап и мам. Одни — больше на пап. Другие — больше на мам. Третьи — и на папу и на маму, или на бабушку, или на дедушку. Дети животных тоже похожи на родителей. Дети-растения — тоже.

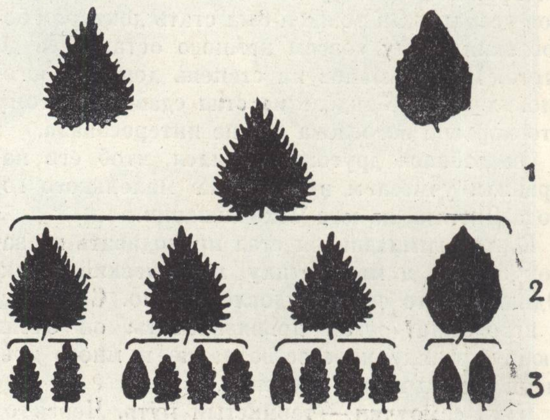
Все это люди заметили очень давно.

Очень давно ученые знали о существовании наследственности.

Но науке мало знать, что признаки родителей передаются по наследству их потомкам. Она обязана ответить на самые каверзные вопросы: «Почему это происходит?», «Как происходит?»

Многие ученые ломали голову над загадкой наследственности. Не хватило бы всего номера журнала, чтобы пересказать, какие были у них предположения, как блуждали исследователи разных времен, пытаясь понять суть сложного явления.

Но вот за сто лет до Менделя петербургский ботаник академик Кельрейтер стал скрещивать два разных сорта гвоздики. Он заметил, что у первого поколения гвоздик, выращенного из семян, полученных при скрещивании, одни признаки, например, окраска цветов, такие, как

Законы Менделя открыты на горохе, но их можно видеть на многих растениях. Скрещивали два вида крапивы. Посмотри, как выглядят листья у родителей, принадлежавших к разным видам, у их детей — гибридов крапивы — и внуков.

были у растения-отца, другие, например, махровые цветы, как у растения-матери. Смешанных признаков не бывает. Но самое интересное: у второго поколения — у части потомков гибридов — распускались не махровые цветы — появлялись признаки растения-дедушки или растения-бабушки, которых у родителей не было.

Такие же опыты проводили на протяжении ста лет многие исследователи — французы, англичане, немцы, чехи. Все они подтверждали, что у первого поколения растений-гибридов господствует признак одного из родителей, а у части растений-внуков проявляется признак бабушки или дедушки, у их родителя «отступивший».

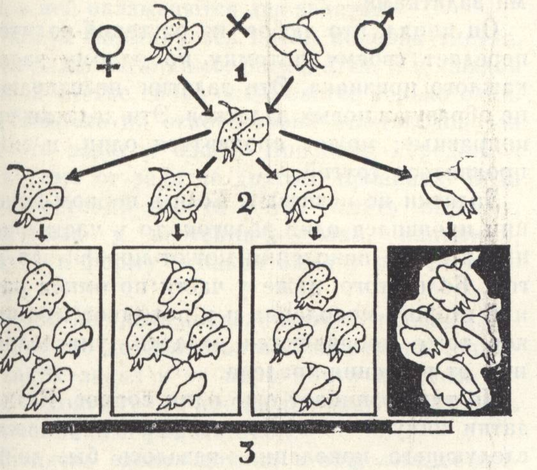
Ученые пытались выяснить, по каким же законам признаки «отступают» и проявляются вновь. Они выращивали на опытных участках сотни растений-гибридов, описывали, как передаются потомству признаки — все сразу: форма цветов и листьев, величина стебля, расположение листьев и цветов, форма и окраска семян и так далее,— но никаких четких закономерностей вывести им не удавалось.

В 1856 году за работу взялся Мендель.

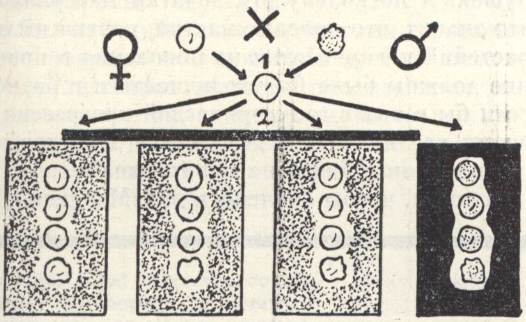
Для своих опытов Мендель выбрал разные сорта гороха. И решил следить за передачей не всех сразу, а лишь одной пары признаков.

Подобрал по нескольку пар растений с противоположными признаками, например, горох с желтыми и горох с зелеными зернами, с красными и белыми цветами.

Он обрывал на несозревших цветах гороха пыльники, чтобы растения не опылялись сами, а затем наносил на пестики растений с желтыми зернами пыльцу растений с зелеными зер-

Вот что увидел Мендель в первом, втором и третьем поколении гибридов гороха. Он получил их, скрещивая растения с красными цветами и растения с белыми цветами.

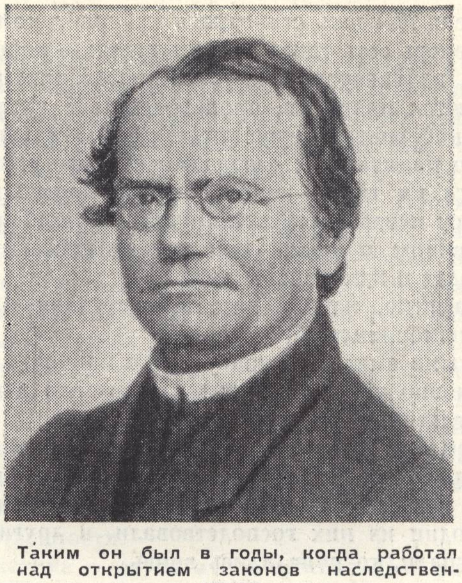
На этом рисунке хорошо видно, что разные признаки (окраска и морщинистость горошка), передаваемые потомству, друг с другом не связаны.

нами и на пестики растений с зелеными зернами — пыльцу растений с желтыми.

Что получилось? Потомки всех растений принесли желтые зерна. Признак одного из родителей господствовал у них у всех.

На следующий год Мендель дал этим растениям возможность опылиться собственной пыльцой и, чтобы в опыте не произошло никакой случайности, накрыл цветы бумажными колпачками-изоляторами. Ведь может же быть так, что жуки занесут чужую пыльцу на пестик?.. Изоляторы охраняли цветы от этого. Когда в стручках созрели зерна, оказалось, что три четверти этих зерен — желтые, а одна четверть — зеленые, такие, как были не у родителей, а у бабушки или дедушки.

На следующий год Мендель снова посеял эти зерна. И снова оказалось, что в стручках гиб-

Таким он был в годы, когда работал над открытием законов наследственности.

ридных растений, выращенных из желтых зерен, три четверти зерен имеют желтую окраску, а четверть — зеленую, такую, какая была уже не у растений — бабушки и дедушки, а у прабабушки или прадедушки. И с окраской зерен и с их формой, и с окраской цветов и расположением их на стебле, и с длиной стебля, и с другими признаками происходило одно и то же. Каждый признак передавался потомству, строго подчиняясь одним и тем же правилам. И передача одного признака не зависела от передачи другого.

Вот и все, что показали опыты. Как видите, Мендель на большом количестве растений проследил то, что было известно и раньше.

Однако он сделал больше своих предшественников: он объяснил увиденное.

КЕМ ЖЕ ОН БЫЛ?

Он был учителем: давал в школе уроки, ходил с учениками на экскурсии, собирал растения для гербариев.

Он был монахом: ведал монастырской кухней, а потом и всем монастырским хозяйством. Но, сидя вечерами за письменным столом, устланным листочками с записями наблюдений,

учитель Мендель становился кибернетиком. Да, да, теперь есть такая область науки — кибернетика, изучающая, как управляются, как регулируются процессы, происходящие в природе.

В кибернетике существует группа задач, условно называемых «задачами черного ящика». Смысл их таков: некие сигналы поступают в прибор неизвестной конструкции. В приборе — в «черном ящике» — они перерабатываются и выходят в измененном виде.

Известно, какие сигналы поступали и как они изменились.

Нужно выяснить, как устроен прибор.

Именно такую задачу и предстояло решить учителю из Брно.

Менделю было известно, какими признаками обладали растения-родители. Ему стало известно, как эти признаки передавались потомкам, как одни из них господствовали, а другие то отступали, то появлялись вновь.

Он знал еще одно: признаки передавались через пыльцу и яйцеклетки, из которых развивались семена растений. Ни пыльца, ни яйцеклетки не имели — как ни рассматривай их в микроскоп — ни стеблей, ни цветов, но из них получались совсем непохожие желтые или зеленые зерна — семена. Из семян вырастали непохожие на них стебли, затем распускались цветы той или иной окраски.

И Мендель — впервые в истории науки — понял, что от растений-родителей растениям-детям через пыльцу и яйцеклетки передаются не сами признаки, не окраска и форма цветов и семян, а нечто другое — невидимые глазу частицы, благодаря которым эти признаки появляются. Он назвал эти частицы наследственными задатками.

Он понял, что любое из растений-родителей передает своему потомку по одному задатку каждого признака. Эти задатки не сливаются, не образуют новых задатков. Эти задатки «равноправны»: может проявиться один, и может проявиться другой.

Задатки не исчезают. Если в первом поколении проявился один задаток, то у части растений второго поколения может проявиться другой. Более того: даже у части потомков растений второго поколения и у потомков их потомков тоже проявляются задатки, унаследованные от растения-прадеда.

Но тут возникает еще один вопрос. Если задатки никуда не исчезают, значит, у каждого следующего поколения, казалось бы, должно накапливаться по множеству задатков одного и того же признака, полученного от отцов, матерей, дедушек, бабушек, прадедушек и прабабушек. А поскольку эти задатки материальны, это значит, что половые клетки, клетки пыльцы растений и яйцеклетки из поколения в поколение должны были бы увеличиваться в размере, если бы в них в геометрической прогрессии все время увеличивалось количество задатков.

Ничего подобного не происходило...

И тогда, чтобы объяснить это, Мендель пред-

ЧТО СКАЖЕТ ВОЛОДЯ

Сейчас ты прочитаешь несколько ответов на письма. Ты увидишь, что письма пришли из самых разных городов и деревень, и заметишь, конечно, что вопросы в письмах такие, которые не задают первому встречному.

Володе, который отвечал на эти письма, девятнадцать лет. Он учится на 3-м курсе университета и с шестнадцати лет сотрудничает в Институте ядерной физики. Володя Мазепус — физик, но он еще сочиняет музыку и увлекается научно-фантастическими книгами. Он занимался в детстве фехтованием и плаванием, изобретал ракеты и создавал математические теории.

Наверно, тебе захочется подружиться с Володей, захочется знать, что скажет Володя?

●

Я хорошо играю в хоккей, но когда мы играем с сильной командой, я играю плохо, потому что волнуюсь. Что мне делать?

Боря ВОЙТИК,
Куйбышев.

Не знаю, как другие, но я тоже не всегда могу справиться с волнением. Приходится стараться делать так, чтобы и оно пошло на пользу. Ведь если ты волнуешься, значит, очень хочешь победить. Значит, можно допустить, что именно это помогает следить за собой во время игры. Даже Валерий Брумель волнуется перед прыжком. А как он прыгает, мы знаем.

●

Что ты скажешь, если я не буду учить алгебру и геометрию?

Толя ВОРОНИН,
Вологда.

Не знать математики?! Что я мог бы тебе сказать, если бы ты заявил, что отныне избираешь для жизни только ночи, а дни отвергаешь?

●

На уроках я все время мечтаю. Говорят, это плохо. Зато уроки проходят быстро.

Вера ЛЕБЕДЕВА,
Ленинград.

положил, что каждая половая клетка несет всегда только по одному задатку каждого признака, а при оплодотворении яйца, при формировании клетки, из которой разовьется зародыш, в ней оказываются два задатка.

А когда формируется новая половая клетка, то эти задатки, видимо, расходятся, и в каждой половой клетке снова оказывается только один.

И Мендель на основе своих опытов доказал еще, что задаток одного признака передается независимо от задатка другого признака. Ведь зерна растений гороха могут иметь окраску, какая была у растения-дедушки, например, желтую, а форму — какая была у растения-бабушки.

Все это Мендель доказал математическим путем. Все его доказательства были очень точными, таких задач в ту пору никто не умел решать. А поэтому его предположения показались современникам фантастикой.

...Мендель сделал доклад в обществе естествоиспытателей города Брно.

Журнал с его докладом вышел в свет и попал в сто двадцать библиотек университетов разных городов Европы.

Он был прочитан, видимо, многими серьезными естествоиспытателями. Но в ту пору биологи не имели точных знаний о том, как происходит деление клеток, из каких удивительных событий состоит этот процесс.

И работа Менделя была никем не понята. Работа Менделя была забыта...

Шли годы. В конце 70-х годов прошлого века биологи научились окрашивать клеточные ядра.

И тогда было обнаружено, что перед делением клеток в ядрах выявляются особые тельца — «хромосомы» (по-гречески это слово означает «окрашивающиеся тельца»). Наблюдая над развитием оплодотворенной клетки, биологи предположили, что хромосомы имеют отношение к передаче наследственных признаков.

А в 1900 году другими учеными были заново открыты законы Менделя. Потом были снова прочитаны его работы. И оказалось, что, не видя того, что происходит в ядрах клеток, Мендель создал теорию передачи наследственных задатков. Так сто лет назад учитель физики и биологии из чешского города Брно положил начало новой науке — генетике, науке о наследственности.

Генетика — наука очень важная. Она распознает, как происходят наследственные изменения животных и растений. А ведь только зная суть таких сложных процессов, можно выводить новые породы животных и новые сорта растений, предупреждать многие наследственные болезни у людей.

За сто лет в науке о наследственности было много событий. В ней возникало немало теорий, и немало теорий было в ней опровергнуто. Но то, что сто лет назад понял скромный и гениальный брненский учитель, осталось незыблемым.

Отлично, Вера! Остается совсем немного. Договорись с учителями, пусть они как можно тише ведут уроки и не мешают тебе мечтать...

●

Я староста и должна давать классному руководителю рапортичку, кто как себя ведет на уроках. Перед ребятами стыдно, а я боюсь сказать Надежде Егоровне.

Таня КАЮКОВА,
село Каменка.

Я что-то не понимаю: на уроках все равны, все должны заниматься, а не подсматривать друг за другом. Не бойся, поговори с Надеждой Егоровной, и недоразумение выяснится.

●

Моя сестра пристает ко мне. Она придумала глупость под названием «Воздух». Когда я читаю или занимаюсь, она подойдет, водит рукой перед моими глазами и говорит: «Воздух, воздух!» Я выхожу из себя и бью ее, а Галя говорит: «Где хочу держать руки, там и держу. Воздух общий». Приходится ее бить. А что делать?

Шурик АКОПОВ,
Баку.

Попробуй один раз потерпеть. Будет трудно, считай до ста и даже больше, если придется терпеть долго. Но увидишь, не придется: Гале быстро надоест бесполезное занятие, да и рука устанет. Вспыльчивых легко раздразнить, а ты возьми и докажи, что ты «железный человек». Конечно, это трудно. И все-таки... посчитай до ста... Если бы у меня была сестренка, я бы ее любил. Я бы ее и пальцем не тронул.

●

У меня есть кот Муся. Он очень постарел, и его не хотят держать дома. Что делать?

Володя МИХАЙЛОВ,
Ижевск.

Володя, немедленно возьми заботы о Мусе на себя. Может быть, тогда он сможет жить дома? И еще, Володя, вот что я должен тебе сказать. Если Муся очень старый, то однажды он может уйти из дома и больше не вернуться. Старые животные часто сами уходят из дома...

●

Мне противно делать домашнюю работу, например, мыть посуду. Другое дело, если бы что-нибудь забивать или передвигать.

Хайчик ПОРУЙРОВ,
Гудаута.

Я согласен с тобой. Мужская работа — для мужчин, а женская — для женщин. Договорись с мамой, что ты будешь выполнять всю мужскую работу: забивать, передвигать, ходить за хлебом. Но если, кроме тебя, некому мыть посуду, скажи себе: «Пусть это будет самой большой бедой в моей жизни»,—и делай работу так, словно она доставляет тебе удовольствие. Весело. Очень чисто. Без жалоб. Как мужчина.

ПОДСКАЗКИ

Октябрятский семицветик

Что, если план октябрятской группы на месяц писать не на обычном листке из тетрадки, а взять и записать самое главное, общие желания октябрят на большом веселом «цветике-семицветике»? Посадили октябрята в школьной теплице свою грядку редиски, чтобы порадовать мам к 8 Марта, и оторвали зеленый листок со словом «редиска», принялись разучивать веселую сценку к празднику — и оторвали другой — желтый листок. Не правда ли, так интереснее?

Операция «мамины заботы»

Можно еще предложить октябрятам провести дома такое секретное дело: пусть каждый внимательно последит один день за всеми домашними хлопотами мамы, чтобы потом подумать, чем каждый из октябрят и все вместе они могут мамам помочь.

«Не сержусь на Витьку»

Октябрята любят соревноваться в играх, но уж очень часто при этом спорят и ссорятся.

Но вот что придумали вожатые польских октябрят — зухов. Каждый из октябрят, который сердит за что-то на другого, пишет на доске свое имя и имя того, на кого он гневается. Потом, когда окончена игра, октябрята и вожатые вместе во всем разбираются. Но бывает, что, поразмыслив, человек приходит к выводу: «А стоит ли сердиться из-за пустяков?» Тогда он может подойти к доске и нарисовать на своей строчке кружочек. Конфликт улажен!

На полотне день сегодняшний

«Отбирать самое главное... Остальное... убирать, убирать уверенно, безжалостно»,— записал когда-то Георгий Григорьевич Нисский у себя в дневнике. Картины, воспроизведенные здесь, в журнале, показывают, что художник верен своему слову.

«Ночь. 1941 год»... Что, собственно, изображено на этом полотне?.. Снежная земля, да две тонких ели, да небо, пронизанное лучами прожекторов. Вот как будто и все — несколько скупо отобранных деталей... Но как точно передают они атмосферу, самый воздух тех зимних ночей!.. Ведь, наверно, даже у вас, знающих военное время только понаслышке, эта картина рождает чувство тревоги, опасности... Художник уловил что-то самое существенное, самое характерное для той жестокой зимы и показал это главное, уверенно пожертвовав случайными подробностями.

Другой зимний пейзаж — «Над снегами». Снова белая равнина, снова ели и много зимнего неба... Детали почти те же, что и в той картине, о которой мы только что говорили. Те же, если просто перечислять их... Но сухой перечень ничего не объясняет в искусстве. Здесь все другое: и ели, и снег, и небо... В «Ночи 41 года» оно как бы угрожает земле, на этом полотне оно просторное, спокойное, а земля, как нам кажется, плавно удаляется от него... У зрителя, смотрящего на это полотно, возникает ощущение полета. И не только потому, что в небе краснеет самолет. Нет, этим настроением пронизана вся картина.

Это глубоко современное произведение. Пусть отдельные части — и лес, и снег, и бегущую лошадку — не раз писали художники прошлого, всю картину, такую картину мог создать только человек двадцатого столетия, уже привыкший летать...

Георгий Нисский не просто пишет природу. В каждой своей вещи он стремится передать глубокую мысль и чувство. У каждого пейзажа своя тема. Мир, омытый дождем, влажный, точно возрожденный, предстает перед нами в картине «Радуга». Ожидание грозы, объединившее людей, горы, море — тема другой вещи, «Перед штормом». Здесь все трагично, все напряжено... И совсем по-другому звучат краски в пейзаже «Подмосковье, февраль», посвященном скромным красотам нашей подмосковной природы. С какой нежностью пишет художник это розовое небо, подтаявший снег, поезд, шум которого мы как будто даже слышим! Как все это радостно, как знакомо и человечно!

Ну да, человечно! Даже в тех работах Нисского, где не изображено ни одной человеческой фигурки, ощутимо присутствие людей. И не только в вещах, сделанных людскими руками,— в изображениях теплохода, поезда, великолепной дуги моста, выгнутой наподобие небесной дуги-радуги, оно прежде всего в тех живых, поэтических чувствах, которыми насытил свои пейзажи зоркий, чуткий человек — художник.

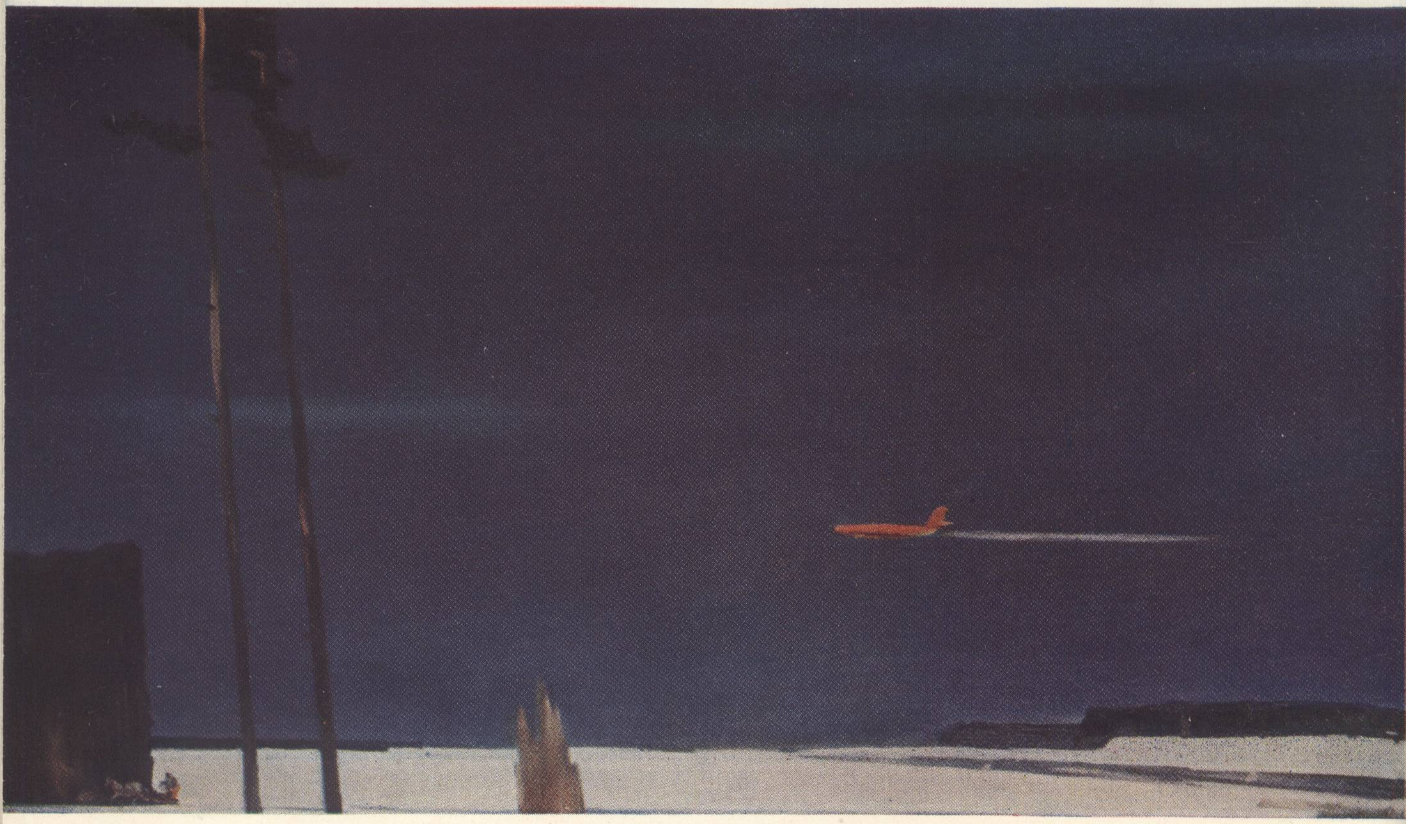

РАДУГА Г. Нисский

НОЧЬ. 1941 год. Г. Нисский

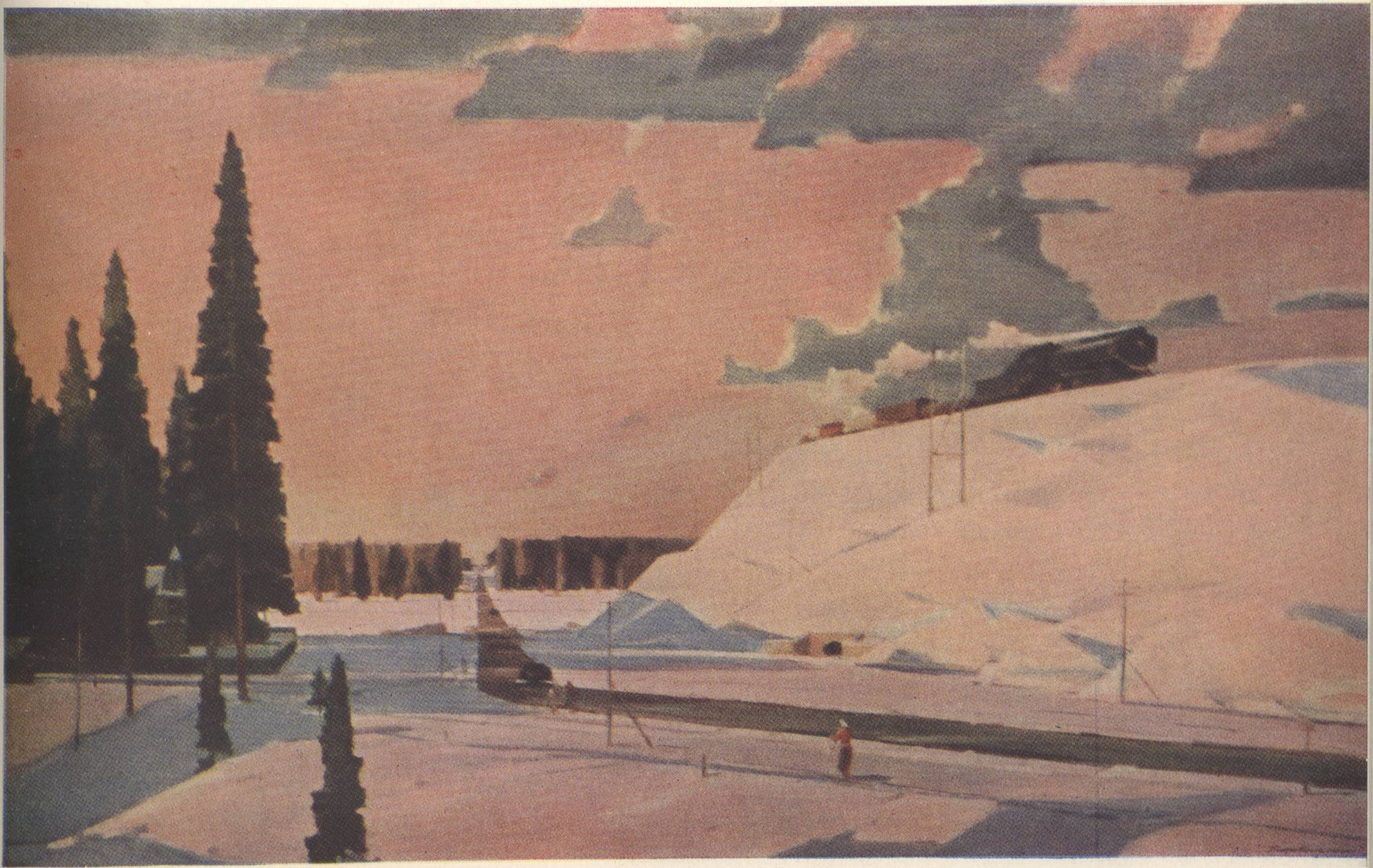
ЗИМОЙ Г. Нисский

ШТОРМ ИДЕТ — Г. Нисский

ПОДМОСКОВЬЕ. ФЕВРАЛЬ — Г. Нисский

Рисунки А. БРЕЯ.

Учёный пёс

Фазу АЛИЕВА

На этом маленьком портрете
Ты видишь пса на табурете.
Еще недавно он гулял,
И рыжим хвостиком вилял,
И спал в собачьей конуре,
И с кошкой дрался во дворе.

Но для него учебный план
Составил пионер Осман.
— Ко мне! — он крикнул псу.
— Ко мне!
Ты подходящий зверь вполне.
Не буду от тебя скрывать:
Хочу тебя дрессировать.
Я позабочусь обо всем,
Ты должен стать ученым псом!

Ах, чудо-чудо-чудеса,
Бежали все глядеть на пса,
Он по веревке бельевой
Ходил, как клоун цирковой,
Тетрадки собирал в портфель,
«Мурзилку» подавал в постель,
Плясал у школы за углом,
Таскал утиль, металлолом,
Бутылки, спицы от колес —

На редкость был способный пес!
Он приносил в зубах калач
И надувал футбольный мяч,
Осману собирал в подарок
Коллекцию почтовых марок
И отправлялся под кровать
Искать пропавшую тетрадь,
Шнурок, расческу для волос,—
Клянусь, он был волшебный пес!

И обещал Осман ему:
— Я научу тебя всему,—
Читать, писать, решать задачи.
Но все окончилось иначе.

Однажды утром этот пес
Находку редкую принес:
Он обнаружил на помойке
Дневник, в котором были двойки.
И оказалось, как ни странно,
Что это был дневник Османа,
Дневник, который утонул,
Когда портфель в ручей нырнул,
Дневник, который загорелся,
Когда портфель на солнце грелся,
Дневник, который ветром сдуло,
Когда портфель упал со стула.
Его бы мусорщик увез,
Но прискакал ученый пес.

— Предатель! — закричал Осман
И разорвал учебный план.—
Я позабочусь обо всем:
Не будешь ты ученым псом,
Ты обманул мое доверье!
Пес убежал и хлопнул дверью.
Рассказывали две сестрички,
Что пес уехал в электричке,
И где-то видели мальчишки,
Что он купил в киоске книжки.

Осман повесил объявленье,
Но пес не найден, к сожаленью,
Ведь напоследок в слово «ПЬЕС»
Осман и то ошибку внес!

Перевела с аварского Юнна Мориц.

Януш **КОРЧАК**

Король Матиуш Первый

(Продолжение)

Перевела с польского Муза Павлова. **Рисунки Ю. ВЛАДИМИРОВА и Ф. ТЕРЛЕЦКОГО.**

Ребята, книга о маленьком короле и толстая и очень интересная, и это, конечно, прекрасно. Нам с вами повезло. Но журнал-то у нас невелик... Поэтому, чтобы напечатать книгу, да еще с картинками, нам придется некоторые главы выпустить, к сожалению. А чтобы и без них все было вам понятно, эти пропущенные нами главы мы будем обязательно пересказывать, только коротко.

Итак, в прошлый раз мы остановились на том, что король Матиуш познакомился с мальчиком Фелеком. Они стали украдкой встречаться, условились писать письма друг дружке, вместе играть. И вдруг — война! Сразу три государства напали на страну маленького короля. Фелек тут же собрался бежать на фронт. А Матиуша, конечно же, никуда и ни за что не выпустят из дворца министры и генералы! Словом, Матиуш решает бежать вместе с Фелеком. Они так и делают ночью. Упрашивают солдат, чтобы те спрятали их в своем вагоне; затем поезд трогается и едет.

Солдаты добродушно посмеивались над Матиушем, конечно, и не ведая о том, кто это с ними рядом, но Матиуш не обижался и не сердился,— он был умный мальчик, незлой, ко всему присматривался и обо всем думал. По дороге обогнал их королевский поезд с военным министром, для которого играла музыка, которому несли цветы и все отдавали честь. Но Матиуш не позавидовал: он и сам ехал на войну. А для того, чтобы никто не узнал в нем короля, мальчики уговорились: Матиуш теперь как бы и не король вовсе, да и не Матиуш, а Томек...

А теперь читайте по порядку дальше.

Теперь мы должны рассказать вам, что́ происходило во дворце, когда заметили исчезновение короля.

Входит утром в спальню старший лакей и не верит глазам: окно открыто, постель разбросана, а Матиуша и след простыл.

Умный был королевский лакей: запер спальню на ключ, побежал к церемониймейстеру, который еще спал, разбудил его и сказал на ухо:

— Господин церемониймейстер, король исчез!

Церемониймейстер совершенно секретно сообщил об этом по телефону старшему министру. Не прошло и десяти минут, как с бешеной скоростью подкатили три автомобиля:

старшего министра,
министра внутренних дел,
префекта полиции.

Короля украли!

Это совершенно ясно. Неприятелю было очень важно украсть короля. Войско узнает, что короля нет, не захочет драться, и неприятель без боя овладеет столицей.

— Кто знает, что короля нет?

— Никто не знает.

— Это хорошо.

— Мы должны только выяснить, увели Матиуша или убили. Господин префект полиции, прошу вас выяснить это. Через час жду ответа.

В королевском парке был пруд. Может быть, Матиуша утопили? Из министерства морского флота привезли костюм водолаза. Костюм водолаза — это такой железный колпак с окошками и трубкой, через которую накачивается воздух. Префект полиции надел на голову этот колпак и спустился на дно пруда, где долго ходил и искал. А сверху матросы накачивали для него воздух. Но Матиуша он так и не нашел.

Во дворец вызвали доктора и министра торговли. Все делалось в строжайшем секрете, но ведь надо было что-то сказать, так как слуги знали, что случилось нечто важное, если министры с самого утра бегают, как безумные.

Итак, сказали, что Матиуш нездоров и доктор прописал ему на завтрак раков. И поэтому префект полиции лазил в пруд.

Иностранному воспитателю было сказано, что урока не будет, так как Матиуш лежит в постели. Присутствие доктора убедило всех, что это именно так.

— Ну хорошо, значит, сегодня мы можем быть спокойны,— сказал министр внутренних дел,— но что мы будем делать завтра?

— Я являюсь председателем совета министров, и голова у меня на плечах не для парада. Сейчас вы в этом убедитесь.

Приехал министр торговли.

— Вы помните куклу, которую Матиуш приказал купить для Иренки?

— Отлично помню.

— Так поезжайте сию же минуту к фабриканту и скажите, что к завтрашнему дню должна быть сделана по фотографии Матиуша такая кукла, чтобы никто, абсолютно никто ее не узнал и все думали, что это живой Матиуш.

Префект полиции вылез из пруда и для маскировки вынес десяток раков, которые тотчас же

были отосланы с большим шумом на королевскую кухню. А доктор написал под диктовку рецепт:

Раковый суп
из 10 раков
через два часа по столовой ложке.

Когда поставщик двора его величества услышал, что сам министр торговли ждет его в кабинете, он от радости стал потирать руки:

— Опять Матиушу что-то пришло в голову!

Заказ был ему тем более нужен, что с момента начала войны почти все отцы и дяди уехали на фронт и было не до кукол.

— Господин фабрикант, срочный заказ. Кукла должна быть готова завтра.

— Это будет трудно. Почти все мои рабочие ушли на войну, остались только работницы и больные. К тому же я завален работой: ведь почти каждый отец, уходя на войну, покупает детям куклу, чтобы они не плакали, не грустили и слушались старших.

Фабрикант врал. Никто из его рабочих не пошел на войну, так как он платил им так мало, что все они от голода были больны и непригодны к военной службе. Никаких заказов у него не было, а сказал он так потому, что хотел содрать за куклу подороже.

У него даже глаза засмеялись, когда он узнал, что этой куклой должен быть Матиуш.

— Видите ли, король должен часто показываться. Ему придется ездить в коляске по городу, чтобы не думали, что он боится войны и прячется. А для чего ребенка все время возить по городу? Может пойти дождь, он простудится или еще что. А вы понимаете, что именно теперь надо заботиться о здоровье короля.

Префект полиции вылез из пруда.

Фабрикант был не так глуп, чтобы не подумать о какой-то тайне, которую от него явно хотели скрыть. Он переспросил:

— Значит, непременно завтра?

— Завтра, в девять утра.

— Хорошо, господин министр торговли, если бы не война — я ведь понимаю, сейчас большие расходы на армию,— если бы не война, вы бы заплатили в два раза больше. Итак, пусть будет меньше, но уж это крайняя цена...

И он назвал такую сумму, что министр даже застонал.

— Но это же грабеж!

— Господин министр, вы оскорбляете народную промышленность.

Министр позвонил по телефону старшему министру,— сам он не решался заплатить столько денег. Но, боясь, как бы кто-нибудь не подслушал их разговор, вместо «кукла» сказал «пушка».

— Господин старший министр, слишком дорого хотят за эту «пушку».

Старший министр догадался, о чем идет речь, и сказал:

— Не торгуйтесь, только скажите, чтобы она, чуть дернешь за шнурок, отдавала честь.

Фабриканта одолела жадность.

И только телефонистка очень удивилась новым пушкам, которые должны отдавать честь.

Фабрикант заметался, его одолела жадность.

Ему придется еще доложить своих денег, и это не его дело. Пусть обратятся к королевскому механику или к часовому мастеру. Он солидный промышленник, а не фокусник. Матиуш будет закрывать глаза, но отдавать честь не будет — и баста. В конце концов он согласен и на это, но уж не уступит ни одного гроша.

Вспотевший и голодный, возвращался министр торговли домой.

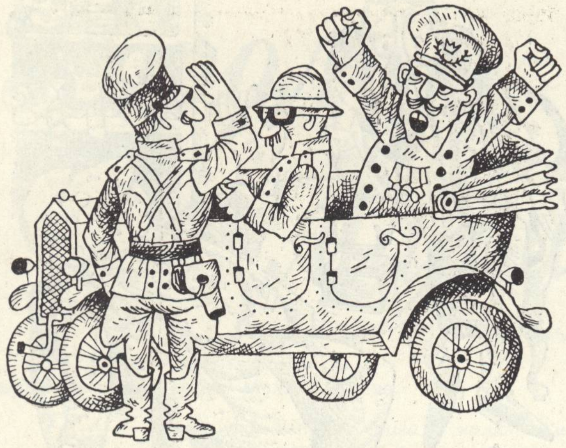
Вспотевший и голодный, вернулся префект полиции во дворец.

— Я уже знаю, как выкрали Матиуша. Я все обстоятельно осмотрел.

Было так: когда Матиуш спал, ему набросили на голову мешок и унесли в королевский сад, туда, где растет малина. В малиннике есть вытоптанное место. Там Матиуш упал в обморок. Чтобы он пришел в себя, ему дали малины и вишен. Обнаружено шесть вишневых косточек. Когда Матиуша переносили через ограду, он, должно быть, защищался: на коре дерева видны следы голубой крови. Потом его посадили на корову. Префект сам видел следы коровьих ног. Дорога уходит в лес, там найден пустой мешок, но где Матиуш, префект еще не знает: у него было мало времени, и он не мог никого спросить, боясь выдать тайну. Надлежит следить за

Доктор написал рецепт: «Раковый суп. Через два часа по столовой ложке».

Как-то раз мчится в автомобиле полковник, кричит, машет кулаками, грозит.

иностранным воспитателем, он очень подозрителен: спрашивал, может ли он проведать Матиуша.

— А вот косточки от вишен и мешок.

Старший министр положил мешок и косточки в ящик, запер его на замок и опечатал красным сургучом, а сверху написал по-латыни: «corpus delicti». Так уж принято, что если кто-нибудь чего-нибудь не знает и не хочет, чтобы знали другие, он пишет по-латыни.

На следующий день военный министр отдавал последний рапорт, а кукла-Матиуш ничего не говорила и только отдавала честь.

На всех углах улиц вывесили объявления, что жители столицы могут спокойно работать: король Матиуш ежедневно в открытой машине будет выезжать на прогулку.

План военного министра удался прекрасно. Три врага думали, что войска Матиуша пойдут сразу на всех. А тем временем министр собрал солдат в одно место, со всей силой ударил на одного и разбил его. Взял большие трофеи и роздал ружья, сапоги и солдатские мешки всем, кому их не хватало.

Матиуш прибыл на фронт как раз тогда, когда шел дележ военной добычи.

— А это что за вояки? — удивился главный интендант войска, то есть тот, кто выдает одежду и еду.

— Мы такие же вояки, как и все,— сказал Фелек,— только немного поменьше.

Фелек и Матиуш выбрали себе по паре сапог, револьвер, ружье и мешок. Фелек жалел, что взял у отца пояс и складной нож и совершенно зря получил за это по затылку. Но кто может предвидеть, какие неожиданности принесет война!

Говорили все же, что главнокомандующий поступил не слишком умно. Вместо того чтобы взять трофеи, отойти и окопаться, он пошел вперед. Забрал пять или шесть городов, совершенно ему ненужных, и только тогда приказал рыть окопы. Но было уже слишком поздно: на помощь неприятелю шли два других государства.

Так говорили потом, но отряд Матиуша ничего не знал: на войне все держится в секрете.

Пришел приказ идти туда-то и туда-то, пришел приказ делать то-то и то-то. Иди и делай, ни о чем не спрашивай и сам не болтай.

Когда вошли в чужеземный побежденный город, Матиушу все очень понравилось. Спали в больших, удобных комнатах, правда, на полу, но это все же лучше, чем в тесной хате или в поле.

С нетерпением ждал Матиуш первого сражения. За это время он повидал и услышал много интересного, а настоящей войны не видел.

В городе стояли только одну ночь, на другой день двинулись дальше.

— Остановиться и копать!

Матиуш совершенно не знал современной войны. Он думал, что войско только дерется, идет все дальше и дальше, топча врага. А то, что солдаты копают рвы, вбивают колья с колючей проволокой и сидят в них неделями, Матиушу и не снилось. Не очень-то охотно принялся он за работу. Устал, все кости у него болели; драться — это королевское дело, но копать...

А тут приходит приказ за приказом торопиться: неприятель приближается; уже были слышны издалека пушечные выстрелы.

Как-то раз мчится на автомобиле полковник саперов, кричит, машет кулаками, грозит, что расстреляет тех, кто плохо копает. Завтра сражение, а они ничего не сделали!

— А эти два здесь зачем? — крикнул он со злостью.— Что это за Валигора и Вырвидуб?

И весь гнев полковника мог бы обрушиться на двух добровольцев, но, по счастью, над головами послышалось жужжание самолета.

Полковник посмотрел в бинокль на небо, быстро повернулся, сел в машину и поспешно уехал. И тут бух-бух-бух — одна за другой упали три бомбы. Правда, никого не ранило, но все попрятались в окопы: там было безопаснее.

Бомбы и орудийные снаряды так устроены, что в них есть много пуль и кусков железа. И как только снаряд разорвется, все это разлетается в разные стороны, ранит и убивает. А кто сидит внизу, в окопах, у того все это пролетает над головой. Разве уж снаряд угодит в самый окоп!

Бомбы многому научили Матиуша. Он уже не дулся и не бунтовал, молча взял лопату и работал до тех пор, пока его усталые руки сами не опустились и он, как колода, свалился, подкошенный тяжелым сном, на самое дно окопа.

Солдаты не будили его, а сами работали всю ночь при свете ракет. С рассветом обрушилась на них первая атака врага.

Показались четыре неприятельских всадника. Это были разведчики.

По всадникам начали стрелять, один упал с лошади, должно быть, убитый, а трое ускакали.

— Сейчас будет сражение! — кричал поручик. — Лежать в окопах, только ружья выставить и ждать!

Вскоре показалось неприятельское войско. Стали стрелять с обеих сторон. Но отряд Ма-

Вражеские разведчики.

тиуша был в окопах, а те шли через открытое поле. Неприятельские пули перелетали за окопы, над головами укрытых солдат, слышны были только их свист и жужжание, а идущих разили частые пули.

Сражение продолжалось весь день. Наконец неприятель понял, что ничего не достигнет, он только теряет людей, а подойти не может: мешают проволочные заграждения,— и, отступив, тоже решил окопаться. Но одно дело — копать спокойно, когда никто не мешает, а другое — копать под выстрелами, когда отовсюду падают пули.

Ночью ежеминутно взлетали ракеты, было все видно, и хотя стреляли меньше, так как измученные солдаты по очереди спали, но бой продолжался и ночью.

— Мы не сдались! — говорили довольные солдаты.

— Мы не сдались! — сообщил поручик по телефону в штаб.

Каково же было их удивление и гнев, когда назавтра был получен приказ отступать!

— Почему? Мы вырыли окопы, задержали врага, можем обороняться!

Если бы Матиуш был поручиком, он, наверно, не послушался бы приказа. Это какая-то ошибка! Пусть сам полковник придет сюда, пусть посмотрит, как хорошо они сражаются. У врага полно убитых, а у них только один раненный в руку! Да и как полковник издалека может знать, что́ тут происходит?

Была минута, когда Матиуш готов был крикнуть: «Я король Матиуш! Пусть полковник приказывает, что хочет, а я не позволю отступать! Король старше полковника!»

Если он не сделал этого, то потому только, что не был уверен, поверят ли ему и не поднимут ли на смех.

Ах, как неприятно было бросать с таким трудом вырытые окопы, оставлять даже часть запасов хлеба, сахара и солонины! Неприятно было возвращаться через деревню, где удивленные жители спрашивали:

— Почему удираете?

Уже в дороге догнал их конный вестовой с письмом, чтобы шли быстро, без отдыха.

Легко сказать, без отдыха! Но после двух бессонных ночей, когда одну ночь копали, а другую сражались, идти без отдыха нельзя. При этом было мало провизии, и вдобавок все были злы и опечалены. Идти вперед всегда хочется, последние силы напрягаешь и мчишься, но возвращаться — тут силы иссякают быстро.

Идут, идут, идут, идут — и вдруг с двух сторон выстрелы: справа и слева.

— Понимаю! — крикнул поручик.— Мы ушли слишком далеко вперед, а неприятель зашел с тыла. Полковник был прав, когда приказал быстро отступать. Нас бы взяли в плен!

— Хорошенькая история, теперь мы должны прорываться! — со злостью сказал один солдат.

Ох, как было тяжело! Теперь неприятель сидел в окопах и стрелял с двух сторон, а они должны были удирать.

Теперь Матиуш понял, почему на заседании совета министров говорили о сапогах, овсе для лошадей и сухарях.

Если бы у них не было в мешках сухарей, они умерли бы с голоду, три дня они грызли одни сухари. Спали по очереди. А ноги у них были такие израненные, что кровь булькала в сапогах.

Тихо, как тени, пробирались они лесами, а поручик все смотрел на карту, нет ли поблизости оврага или зарослей, чтобы спрятаться.

То и дело появлялись вражеские разведчики, чтобы посмотреть, в какую сторону они удирают, и дать знать своим, чтобы их преследовать.

Если бы вы видели Матиуша! Он высох за эти дни, как щепка, сгорбился и стал еще меньше. Многие солдаты побросали ружья, но Матиуш упорно держал свое ружье в одеревеневших пальцах.

Как можно в несколько дней столько пережить!

«Папочка, папочка,— думал Матиуш,— о, как трудно быть королем, который ведет войну! Легко было сказать: «А мы не боимся, я одержу над вами победу, как мой великий прадед». Легко говорить, но трудно делать. Ох, каким я был тогда легкомысленным ребенком! Я думал только о том, как буду на белом коне покидать столицу, а народ будет бросать цветы под копыта моего коня. И не думал о том, сколько людей убивают».

А люди падали от пуль, и, может быть, Матиуш только потому остался в живых, что был маленький.

Ох, как же обрадовались они, когда, наконец, встретили свои войска и уже готовые окопы!

Ох, как тяжело было отступать...

«А теперь будут над нами смеяться!» — подумал Матиуш.

Но вскоре убедился, что даже на войне существует справедливость.

Когда, уже в окопах, они выспались и поели, им приказали отойти в резерв. Новые солдаты заняли окопы и начали стрелять, а они прошли еще пять верст в тыл, в небольшой городок.

Здесь, на площади, встретил их полковник саперов, но теперь он вовсе не был сердит, только сказал:

— Ну, что, молодцы, поняли теперь, для чего нужны окопы?

О, и как еще поняли!

Потом отделили тех солдат, которые бросили свои ружья, от тех, которые вернулись с ружьями. И к этим последним генерал обратился с такой речью:

— Честь вам и хвала за то, что сохранили оружие! Настоящие герои узнаются не в успехе, а в поражении. Смотрите, эти два малыша здесь! — воскликнул полковник.— Да здравствуют храбрые братья Валигора и Вырвидуб!

С той поры Фелек стал Валигорой, а Матиуш — Вырвидубом. И уж иначе их не называли:

— Эй, Валигора, принеси-ка воды!

— Ты, Вырвидуб, подбрось дровишек в огонь!

И отряд полюбил своих мальчиков.

Тут, на отдыхе, узнали, что военный министр поругался с главнокомандующим и только король Матиуш их помирил. Матиуш ничего не знал о кукле, которая заменила его в столице, и очень удивлялся, что говорили так, как будто бы он был дома. Матиуш был еще очень молодой король и не знал, что такое дипломатия.

Ну, отдохнули, подкормились и засели в окопах. И началась так называемая позиционная война. И они и враждебная сторона стреляли друг в друга, но пули перелетали над головами, потому что солдаты сидели под землей.

По временам, когда становилось уж очень скучно, шли в атаку то те, то эти, и тогда или одни, или другие продвигались на несколько верст либо вперед, либо назад, в тыл.

Солдаты в окопах играли, пели, дулись в карты, а Матиуш усердно учился.

Учил Матиуша поручик, которому тоже было скучно. Поставит утром часовых, чтобы следили, не идет ли неприятель в атаку, позвонит в штаб, что все в порядке, и целый день ему нечего делать.

Он охотно согласился учить маленького Вырвидуба. Это были чудесные уроки. Сидит Матиуш в окопе и учится географии, поют жаворонки, иногда только раздастся выстрел. Тихо и приятно.

И вдруг точно собаки завыли!

Начинается!

Это маленькие полевые орудия.

Потом — бух-бух — как залает большая пушка!

И начнется! Ружья квакают, как лягушки. Тут свистит, там шипит и гудит и раз за разом, бац-бац-бах-бух!

Так продолжается полчаса — час. Иногда снаряд попадет в окоп и там взорвется, уложит несколько человек, нескольких покалечит. Но товарищи, уже привыкшие к этому, посмотрят и скажут только:

— Жаль, хороший был парень!

— Царство небесное! — перекрестится кто-нибудь.

Доктор перевяжет раненых и ночью отошлет в полевой госпиталь.

Ну что ж, война!

Не избег раны и Матиуш. Ему было очень неприятно идти в госпиталь. Такая маленькая рана, даже кость не задета. Но доктор уперся и отослал.

Лежит Матиуш на кровати — первый раз за четыре месяца. Ах, какое блаженство! Матрац, подушка, одеяло, белоснежная простыня, полотняное полотенце, белый столик возле кровати,

— Смотри,— сказала однажды жена полковника мужу,— как он похож на нашего короля Матиуша!

кружка, тарелка, ложка, немножко похожая на те, которыми он ел в королевском дворце.

Рана заживала быстро, сестры и врачи были очень милые, и Матиуш чувствовал бы себя прекрасно, если бы не одна страшная опасность.

— Смотрите, как он похож на короля Матиуша! — сказала однажды жена полковника.

— Правда! И мне показалось лицо его знакомым, но я не мог припомнить...

И решили его сфотографировать для газеты.

— Ни за что на свете!

Напрасно ему объясняли, что, может быть, король Матиуш пришлет ему медаль, когда, просматривая картинки, увидит такого маленького солдата.

— Глупенький, пошлешь отцу свою фотографию, вот он обрадуется!

— Нет и нет!

Он перепугался не на шутку: а вдруг узнают, догадаются?

— Оставьте его в покое, раз он не хочет. Может быть, он прав. Еще король Матиуш обидится, будет неприятно, что в то время, когда он разъезжает по столице в автомобиле, его ровесники получают раны.

«Что это, к дьяволу, за Матиуш, о котором все говорят?»

Матиуш так и подумал: «К дьяволу»,— он давно уже забыл этикет и научился солдатским выражениям.

«Как хорошо, что я удрал и нахожусь на фронте!» — подумал король Матиуш.

Матиуша не хотели выписывать из госпиталя, даже очень просили, чтобы он остался, говорили, что пригодится: будет подавать раненым чай, на кухне поможет.

Матиуш возмутился.

Нет, ни за какие сокровища! Пусть этот раскрашенный Матиуш в столице раздает подарки в госпиталях и ходит на похороны офицеров, он, настоящий король, снова пойдет в окопы.

И вернулся.

Где Фелек?

— Нет Фелека.

Фелеку надоела служба в окопах. Живой был мальчик, ни минуты не мог усидеть на месте. А тут сиди в окопе по целым неделям и головы не высунь, не то сейчас же выстрелят, а поручик злится.

— Нагнешь ты свою глупую голову или нет? — кричит поручик.

— Подстрелят глупца, а потом вози его по госпиталям, делай перевязки! И без тебя хватает хлопот.

Раз и другой только покричал, а на третий раз посадил Фелека в карцер на три дня на хлеб и на воду.

А было это так. В неприятельских окопах сменился отряд. Старый пошел на отдых, а новый отряд ночью занял его место. Окопы были теперь так близко друг от друга, что одни слышали разговоры других. И противники стали оскорблять друг друга.

— Ваш король сопляк! — кричат из неприятельского окопа.

— А ваш немощный старец!

— Сами вы старцы! Сапоги у вас дырявые!

— А вы голодные глотки, бурду пьете вместо кофе!

— А ты приди, попробуй!

— Кого ни возьмем из ваших в плен, так все голодные, как волки!

— А ваши ободранные и голодные!

— А вы славно от нас удирали!

— А мы вам напоследок всыпали!

— Стрелять не умеете. Ваши пули летят к воронам!

— А вы умеете?

— Конечно, умеем.

Рассердился Фелек, выскочил из окопа, повернулся спиной к врагам, нагнулся, подобрал плащ и крикнул:

— А ну, стреляйте!

Грянуло четыре выстрела, но пули не попали.

— Эх вы, стрелки!

Солдаты смеялись, но поручик очень рассердился и посадил Фелека в карцер.

Только два дня просидел Фелек в деревянной клетке под землей, поручик простил его. Но и этого было слишком много.

— Не хочу служить в пехоте.

— А куда пойдешь?

— На самолет.

В государстве Матиуша не хватало бензина. А без бензина трудно самолетам возить большие тяжести. Так что пришел приказ, чтобы на самолеты брать только легких солдат.

Посоветовались, решили: Фелек пойдет. Кто же может быть легче двенадцатилетнего мальчика? Пилот будет управлять самолетом, а Фелек будет сбрасывать бомбы.

Матиуш огорчился, что Фелека нет, но и обрадовался.

Фелек один знал, что Матиуш — король. Правда, Матиуш сам просил называть его Томеком. Но как-никак, это было не совсем хорошо, что Фелек считал его ровней. И если бы еще ровней, так нет! Матиуш был младше, и Фелек им пренебрегал.

Фелек пил водку и курил папиросы, а когда кто-нибудь хотел угостить Матиуша, сейчас же говорил:

— Ему не давайте, он маленький.

Матиуш не любил ни пить, ни курить, но он сам мог бы сказать, что благодарит, но ему не хочется...

Когда по ночам солдаты уходили в разведку, Фелек всегда делал так, что брали его.

— Не берите Томека: чем он вам поможет?

В разведке было опасно и трудно. Надо было тихо ползти на животе до проволочных заграждений неприятеля, перерезать их ножницами или искать укрытых вражеских часовых. Иногда нужно было пролежать тихо целый час, потому что, как только в неприятельском лагере слышали шорох, сейчас же пускали ракеты и стреляли в смельчаков. Солдаты жалели Матиуша и чаще брали Фелека. А Матиушу это было неприятно.

Теперь он остался один и оказывал отряду большие услуги: носил часовым патроны, пролезал под проволокой в неприятельские окопы и дважды даже пробирался переодетый на сторону врага.

Переоделся Матиуш пастушком, пробрался через проволоку, ушел версты за две, сел перед разбитой хатой и притворился, что плачет.

— Чего плачешь? — заметил его какой-то солдат.

— Как же мне не плакать, хату нашу спалили, мамка куда-то ушла, а куда, не знаю.

Привели Матиуша в штаб, напоили кофе. Неловко было Матиушу. Вот добрые люди накормили да еще какой-то старый кафтан дали, — переодетый в лохмотья, он дрожал от холода. Вот добрые люди, а он, Матиуш, их обманывает: пришел шпионить.

И Матиуш решил про себя, что раз уж так, он ничего своим не расскажет. Пусть говорят, что он глупый, ничего не знает, и пусть-пусть его больше не посылают. Не хочет он быть шпионом. Но тут позвали его к штабному офицеру.

— Как тебя зовут, малыш?

— Меня зовут Томек.

— Так вот слушай, Томек. Можешь остаться при войске, если хочешь, пока твоя мама не вернется. Получишь одежду, солдатский котелок, суп и деньги. Но ты должен прокрасться к ним и посмотреть, где у них арсенал.

— Что такое «арсенал»? — притворился Матиуш.

— Чего плачешь? — спросил Матиуша-«пастушка» какой-то солдат.

И тут его повели и показали, где находятся пушечные снаряды, где бомбы и гранаты, где порох и патроны.

— Теперь знаешь?

— Знаю.

— Ну, так пойдешь, посмотришь, где все это у них спрятано, а потом вернешься и расскажешь.

— Хорошо,— согласился Матиуш.

Офицер был доволен, что ему все так легко удалось. Даже дал Матиушу целую плитку шоколада.

«Значит, так,— подумал с облегчением Матиуш.— Уж если я должен быть разведчиком, то предпочитаю делать это для своих».

Его проводили к окопам и отпустили. А чтобы не было слышно шагов, для маскировки постреляли в воздух.

Возвращается Матиуш, и такой довольный, грызет шоколад, то крадется на четвереньках, то ползет на животе.

Вдруг бац-бац — свои в него стреляют! Они могли его даже убить, когда заметили, что кто-то подкрадывается, а кто, не знали.

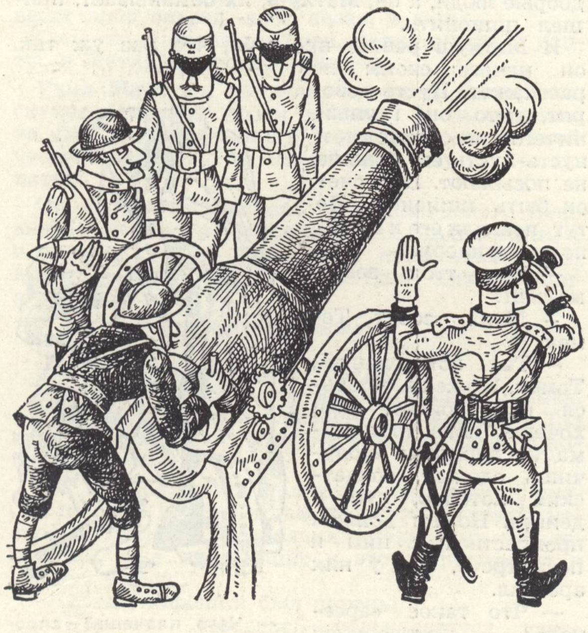
— Пустить три ракеты! — крикнул поручик.

А сам взял бинокль, смотрит и вдруг даже затрясся от страха.

— Не стрелять! Кажется, Вырвидуб возвращается.

И уже беспрепятственно вернулся Матиуш к своим и рассказал все, что видел. Поручик сейчас же позвонил в штаб артиллерии. Сейчас же начали стрелять в пороховые склады неприятеля. Двенадцать снарядов не попали, но тринадцатый, по-видимому, угодил в самый пороховой склад. Грохнуло так, что даже небо стало красным, и такой дым пошел, что можно было задохнуться.

Закипело в неприятельских окопах. Поручик подбросил вверх Матиуша и три раза воскликнул:

Грохнуло так, что даже небо стало красным...

И такой дым пошел, что можно было задохнуться...

— Ай-да, молодец, ай-да, молодец, ай-да, молодец!

Еще больше полюбили Матиуша в отряде. В награду им дали бочонок водки, и так как у неприятеля не было теперь пороха, то они целые три дня могли спать спокойно. Поручик даже позволил выходить ненадолго из окопов, расправить плечи. А те сидят и злятся, что ничего не могут сделать.

И снова все пошло по-старому. Днем Матиуш учится у поручика, иногда немного копает, потому что дождь все время портит окопы, то его вышлют в караул, то он постреляет. И много раз думал Матиуш:

«Удивительное дело! Я хотел изобрести такое увеличительное стекло, чтобы взорвать неприятельский пороховой склад. И хоть не совсем, но отчасти мое желание исполнилось».

Так окончилась осень, и наступила зима.

Тихо было в окопах на фронте, зато огромная работа шла в столице. Нужно было приготовить все, чтобы, собрав войска в одном месте, всей силой ударить на неприятеля и прорвать фронт.

К концу зимы поручик стал уже капитаном, а Матиуш получил медаль. Как он радовался! Отряд их был дважды отмечен за отличную службу.

Сам генерал приехал в окопы и читал приказ:

— «Именем короля Матиуша благодарю отряд за взрыв пороховых складов и за отличную службу на пользу отечеству и родному народу. Даю вам секретное поручение прорвать линию фронта, как только станет тепло».

Это была большая честь.

Начались секретные приготовления. Привезли много пушек и снарядов. В тылу собралась конница.

Каждый день смотрели солдаты на солнце, когда же наконец станет тепло. Им было очень скучно.

Так, бедные, ждали, так готовились. А не знали, сколько им придется вытерпеть. Капитан их придумал такой хитрый маневр — не нападать всей силой, а в первый день послать в атаку только часть войска, только для виду и сейчас же возвратиться. Тогда неприятель подумает, что они слабые, а на другой день бросить все силы и прорвать линию окопов.

Так он и сделал.

Послал половину войска в атаку. Перед атакой приказал артиллерии долго стрелять по проволочным заграждениям, чтобы их разорвать и открыть дорогу пехоте.

— Вперед!

Ох, как приятно выбежать из этих несносных окопов, мокрых рвов, бежать что есть силы и

кричать: «Ура, вперед!»! Испугался неприятель, когда увидел, что они кинулись на него, выставив штыки, даже стрелял мало и невпопад. Уже дошли до заграждений, и тут капитан дал сигнал к отступлению.

Но Матиуш и еще несколько солдат или не слыхали приказа, или прошли немного дальше и, окруженные, попали в плен.

— Ага, испугались ваши,— издевались солдаты.— Летели, летели, шуму наделали, а как до нас добежали, сразу удирать!

Так кричали неприятельские солдаты: им было стыдно, что они струсили и от страха даже не стреляли.

Во второй раз шел Матиуш в штаб, но тогда, в первый раз, он был переодет и шел как военный разведчик, а сейчас был в солдатской шинели и шел как пленный.

— А, знаем мы тебя, птичка! — крикнул со злобой неприятельский офицер.

— Это ты был у нас зимой, это из-за тебя наши пороховые склады взорвали! Хо-хо! Уж теперь-то ты не уйдешь. Возьмите старших солдат в лагерь военнопленных, а мальчишка за шпионаж будет повешен.

— Я солдат! — крикнул Матиуш.— Вы можете меня расстрелять, но не вешать.

— Какой ты умный! — крикнул офицер.— Смотрите, чего ему захотелось! Теперь, может быть, ты солдат, но тогда был Томеком и предал нас. И мы тебя повесим.

— Не имеете права! — настаивал Матиуш.— Я тогда тоже был солдатом и пришел сюда переодетым и нарочно уселся перед сожженной хатой.

— Ну, довольно болтать! Отвести его под усиленной охраной в тюрьму. Завтра полевой суд рассмотрит его дело. Если действительно ты был тогда солдатом, то, может быть, выйдет по-твоему, хотя я предпочел бы для тебя веревку, а не пулю.

На другой день состоялся полевой суд.

— Обвиняю этого мальчика,— говорит офицер на суде,— в том, что зимой он шпионил, он разнюхал, где находились наши пороховые склады, и донес неприятельской артиллерии. Двенадцать раз они стреляли и не попали, а на тринадцатый раз попали и взорвали пороховые склады.

— Так это было, признаешь себя виновным? — спросил седой судья-генерал.

— Нет, это было иначе. Не я высматривал, где ваши пороховые склады, а этот офицер сам повел меня, показал мне все и приказал идти посмотреть, где у нас пороховые склады, и донести ему. И за это дал мне шоколад. Может быть, не так было?

Офицер густо покраснел.

— Я был солдатом, и меня послали в разведку, а ваш офицер хотел сделать из меня шпиона! — смело продолжал Матиуш.

— А откуда я мог знать? — начал оправдываться офицер.

Но генерал не дал ему договорить.

— Стыдно, господин офицер, что такой малыш вас надул. Плохо вы поступили и за это будете наказаны. Но и этому парню простить нельзя. Что вы скажете, господин адвокат?

Адвокат стал защищать Матиуша:

— Господа судьи, обвиняемый, который то выдает себя за Вырвидуба, то за Томека Палюха, невиновен. Он был солдатом и должен был повиноваться. Пошел в разведку, потому что его послали. Считаю, что он должен быть послан в лагерь военнопленных.

Генерал заметно обрадовался, ему было жаль мальчика. Но он ничего не сказал: военный не должен показывать, что жалеет кого-то, а тем более неприятельского солдата.

Он только склонился над книгой, где были написаны все военные законы, и стал читать главу о военных шпионах.

— Мы тебя повесим! — крикнул Матиушу офицер.

— О-о-о, есть,— сказал он наконец.— Шпионов гражданских, которые изменяют за деньги, следует сразу вешать, шпионов военных можно немедленно расстрелять или, если адвокат не согласен, отослать все бумаги в верховный суд и с расстрелом подождать.

— Итак, я требую,— сказал адвокат,— чтобы дело было послано в верховный суд.

— Хорошо,— согласился генерал и все судьи.

И Матиуша снова отвели в тюрьму. Это была обыкновенная деревенская хата, под окнами и перед дверями стояли по два солдата с заряженными револьверами и ружьями.

Сидит Матиуш и думает о своей судьбе, но не теряет надежды:

«Меня должны были повесить и не повесили. Может быть, и от пули увернусь. Уж столько пуль возле меня крутилось!»

С аппетитом съел он ужин, довольно вкусный. Осужденных на смерть кормят хорошо — таков уж закон. А Матиуш считался осужденным на смерть.

Уселся Матиуш у окна и стал смотреть на небо, где летали самолеты.

«Наши это или неприятельские?» — подумал он.

И вдруг как грохнут сразу три бомбы, и все недалеко от тюрьмы Матиуша.

Что было потом, Матиуш не помнит. Потому что снова упал град бомб. Одна ударила в хату — что-то затрещало. Какие-то стоны, крики, шипение. Кто-то подхватил его. Потом что-то ужасно клокотало, а когда наконец он пришел в себя,

он лежал на широкой кровати в какой-то красиво обставленной комнате.

— Как себя чувствует ваше королевское величество? — спросил его, отдавая честь, тот самый старый генерал, который зимой приколол ему медаль за взрыв пороховых складов.

— Я Томек Палюх, Вырвидуб, простой солдат, господин генерал! — крикнул Матиуш, вскочив с кровати.

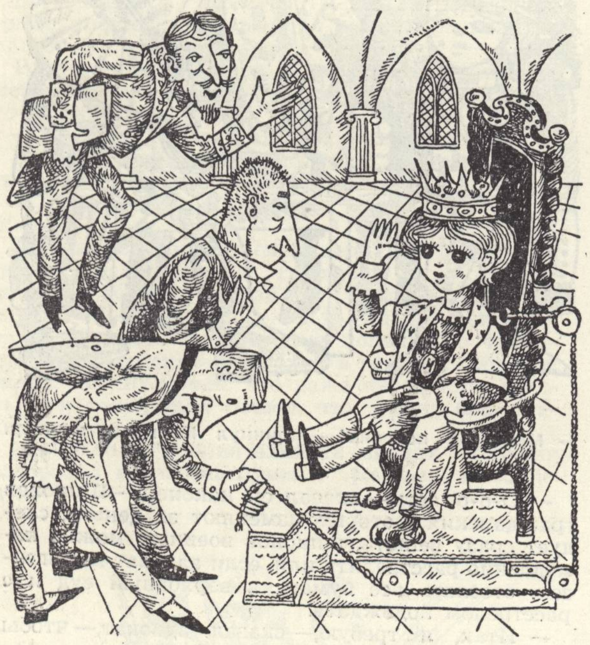
— Уж будто! — рассмеялся генерал.— Сейчас убедимся. Эй, позвать сюда Фелека.

Вошел Фелек в мундире летчика.

— Скажи, Фелек, кто это?

— Это его королевское величество, король Матиуш Первый.

Матиуш не мог больше запираться. Наоборот,

Когда дергали за шнурок, кукла кивала головой и отдавала честь.

военная обстановка требовала, чтобы громко, на все войско, на всю страну крикнуть, что король Матиуш жив и находится на фронте.

— Ваше королевское величество может уже принять участие в совещании?

— Могу,— ответил Матиуш.

И генерал рассказал, как вместо Матиуша сделали куклу, как эта кукла каждый день ездила в машине по столице, как старший министр во время аудиенции даже сажал ее на трон, и она, если дернуть за шнурок, кивала головой и отдавала честь.

В машину куклу вносили на руках, потому что король Матиуш — так писали в газетах — дал слово, что нога его не ступит на землю, пока земля не будет свободна от вражеских солдат.

И долго этот фокус удавался, и люди верили, хоть странно им было, что король Матиуш всегда одинаково сидит на троне и в карете, никогда не улыбнется и ничего не скажет, только иногда кивнет головой и козырнет.

Кое-кто подозревал, а было много и таких, которые знали об исчезновении короля Матиуша.

Неприятель тоже стал кое о чем догадываться, предупрежденный своими шпионами, но делал вид, что это его не касается. Была зима, а зимой все равно только сидишь в окопах.

Только когда враги узнали, что войска Матиуша хотят прорвать фронт, они начали всерьез разведывать и раскрыли тайну. Тогда наняли какого-то бродягу, который бросил камень в куклу Матиуша. Фарфор рассыпался, только рука куклы продолжала отдавать честь, но головы уже не было. И тут одни пришли в отчаяние, другие стали злиться, что их надувают, а третьи смеялись.

Когда назавтра после пробной атаки, в которой Матиуш попал в плен, должно было начаться генеральное наступление, над войсками внезапно появились самолеты, только вместо бомб они бросали листовки. Это были прокламации.

«Солдаты! — было написано там.— Генералы и министры вас обманывают. Матиуша уже нет. С начала войны по столице ездит фарфоровая кукла, которую сегодня разбил какой-то бродяга. Идите домой, перестаньте драться с нами!»

С трудом удалось убедить солдат, чтобы они еще немного подождали, что, может быть, это ложь. Но никто уже не хотел идти в наступление.

И тогда-то Фелек все рассказал.

Обрадовались генералы, позвонили капитану, чтобы тот немедленно прислал Матиуша в штаб. И как же все перепугались, когда узнали, что Матиуш в пробной атаке попал в плен.

Что делать?

Сказать взбунтовавшимся солдатам, что Матиуш в плену,— раз обманутые, они не захотят этому поверить. На чрезвычайном совещании постановили послать на неприятеля самолеты и в переполохе украсть Матиуша.

Все самолеты разделили на четыре отряда. Один должен был напасть на лагерь военнопленных, другой — на тюрьму, третий — на пороховые склады, а четвертый — на офицерский штаб.

Так и сделали. Забросали бомбами дом, где были все офицеры, некому стало отдавать приказы. Бросили много бомб туда, где, как, казалось, находятся пороховые склады, но безрезультатно. Третий отряд напал на лагерь военнопленных, но Матиуша не нашли. И только четвертый отряд нашел Матиуша в обморочном состоянии и с большим трудом доставил к своим.

— Задание выполнили отлично, господа. А сколько потеряли самолетов?

— Мы посылали тридцать четыре самолета, вернулось пятнадцать.

— Сколько времени продолжалась атака? — спросил Матиуш.

— С момента вылета до возвращения прошло сорок минут.

— Хорошо,— сказал он.— Итак, завтра генеральное наступление.

Офицеры от радости даже захлопали в ладоши.

— Вот неожиданность! Прекрасно! Солдаты на всей линии узнают этой же ночью, что король Матиуш жив, находится среди них и сам поведет их в наступление. Здорово обрадуются парни и будут драться, как львы.

И тут же затрещали телефоны и телеграфы. Ночью вышли чрезвычайные бюллетени всех газет.

Два обращения написал Матиуш: одно — к солдатам, другое — к народу.

А молодежь и дети устроили самый настоящий кошачий концерт прямо перед дворцом старшего министра.

Сейчас же собрался совет министров и огласил свое обращение, где было сказано, что все это было сделано умышленно, чтобы обмануть врага.

В войсках был такой боевой дух, что солдаты не могли дождаться утра, то и дело спрашивали, который час.

И наконец ринулись в наступление.

С Матиушем воевали три короля. Одного разбили наголову и взяли в плен, другого так побили, что раньше чем через три месяца он не мог бы снова воевать: у него отняли почти все пушки и больше половины войска. Оставался только один, в резерве.

Когда битва кончилась, снова собрались на совещание.

— Преследовать врага или нет?

— Преследовать!— крикнул командующий войсками.

— А я говорю, нет,— возразил военный министр.— Мы уже были научены, когда слишком далеко пошли за неприятелем.

— Это было другое дело,— сказал главнокомандующий.

Все ждали, что скажет Матиуш.

Ужасно хотелось Матиушу хоть немного погнать побежденных, которые хотели его повесить. Ведь преследует обычно кавалерия, а Матиуш ни разу еще в этой войне не сидел на лошади. Он столько слышал о том, как короли побеждали верхом на коне. А он только ползал да сидел, сгорбившись в окопе.

Но и Матиуш помнил начало войны. Пошли слишком далеко и чуть не проиграли сражение. Помнил Матиуш, как о главнокомандующем говорили, что он болван.

И еще помнил Матиуш, что тогда обещал отъезжающим послам, что постарается быстро их победить и поставить мягкие условия мира.

Долго думал Матиуш, и все ждали в молчании.

— Где наш венценосный пленник? — спросил он вдруг.

— Он здесь, неподалеку.

— Приведите его.

Ввели закованного в кандалы вражеского короля.

— Снять кандалы! — крикнул Матиуш.

Приказ был выполнен в ту же минуту, стража приблизилась к пленному, чтобы он не убежал.

— Побежденный король,— сказал Матиуш,— я знаю, что такое неволя. Дарю тебе свободу. Ты разбит, так что прошу тебя остатки твоего войска убрать из моей страны!

И короля отвезли на автомобиле к самым окопам, там он перешел к своим.

На другой день пришла бумага, подписанная всеми тремя королями.

«Король Матиуш,— писали они,— ты отважный, разумный и благородный. Зачем нам драться? Мы хотим с тобой дружить. Мы возвращаемся к себе на родину. Ты согласен?»

Король Матиуш согласился.

Мир был заключен.

Порядочные солдаты все радовались, радовались их жены, матери и дети. Возможно, были и недовольные, те, кто на войне грабит и крадет, но таких было немного.

Радостно приветствовали Матиуша, когда королевским поездом возвращался он в столицу.

В столице ждал уже автомобиль, но Матиуш потребовал белого коня.

Обрадовался церемониймейстер, схватился за голову.

— Ах, какой этот Матиуш умница! Именно на коне должен король возвращаться с войны, а не на бензине.

Иноходью проехал Матиуш через весь город, изо всех окон глядели на него жители и главным образом дети.

Дети больше всех бросали ему цветы и громче всех кричали:

— Виват! Да здравствует король Матиуш! Виват, виват, виват!

Матиуш держался бодро, хотя очень устал.

А тут еще какой-то паренек подбросил в воздух шапку, и она упала как раз на голову коня. А конь был из королевских конюшен, породистый и очень норовистый. Конь бросился в сторону, и Матиуш упал на землю.

Сейчас же его перенесли в карету и галопом доставили во дворец. Матиуш ничего себе не повредил, даже не упал в обморок, а только крепко заснул. И спал, спал, спал до вечера, а потом до утра и еще до полудня.

— Жрать давайте, к дьяволу! — крикнул Матиуш так, что лакеи со страху побледнели, как бумага.

Через минуту на кровати, около кровати, под кроватью стояло сто блюд с яствами.

— Убрать сию же минуту эти заморские деликатесы! — крикнул Матиуш.— Хочу колбасы с капустой и пива.

Батюшки, в дворцовом буфете ни кусочка колбасы! Но, по счастью, капрал дворцовой охраны одолжил.

— Ах вы, мамины сынки, нюни, неженки, лизуны! — сыпал Матиуш всю свою солдатскую науку.— Уж я теперь за вас возьмусь!

Уплетает Матиуш колбасу, даже за ушами трещит, и думает про себя: «Теперь будут знать, что вернулся настоящий король, которого все должны слушаться».

Матиуш предчувствовал, что после победной войны он должен будет начать новую борьбу со своими министрами.

Еще на фронте дошли до него слухи, что министр финансов кипит от злости.

— Хорош победитель! — говорил он.— Почему не потребовал контрибуции? Всегда так было: кто проиграет, тот платит. Благородный? Прекрасно, пусть теперь сам хозяйничает, когда в казне пусто. Пусть платит фабрикантам за пушки, сапожникам — за сапоги, поставщикам — за овес, горох, крупу. Пока шла война, все ждали, а теперь — плати! А из чего платить?

Взбешен был и министр иностранных дел.

«С тех пор как свет стоит, еще не заключали мира без министра иностранных дел. Что же, я только для парада? Служащие надо мной смеются».

Министру торговли не давал покоя фабрикант.

— Плати,— говорит,— за фарфоровую куклу.

И у старшего министра совесть была не слишком-то чиста, и префект полиции немного побаивался: ведь он когда-то объяснил побег Матиуша не очень умно.

Матиуш кое-что знал, об остальном догадывался и решил навести порядок.

Хватит этих министерских управлений! Или они будут его слушаться, или — вон со двора!

Матиуш поел колбасы, плюнул на ковер и приказал вылить на себя ведро холодной воды.

— Это — солдатское купание,— сказал он довольный. Надел корону на голову и вошел в зал совещаний. Там был военный министр.

— А где остальные?

— Они не знали, что ваше королевское величество желает с ними совещаться.

— Может быть, они думали, что по возвращении с войны я засяду за уроки с иностранным воспитателем? А они будут делать, что захотят?.. К дьяволу, очень ошибаются... Господин министр, назначаю совещание на два часа. Когда все соберутся, пусть в коридоре потихоньку встанет взвод солдат. Взводный должен стоять у дверей и слушать, а как только я хлопну в ладоши, он должен войти с солдатами в зал. Скажу вам правду: если захотят делать все по-старому, как перед войной, прикажу их — сто тысяч чертей! — арестовать. Но это тайна.

— Слушаю, ваше королевское величество!

Матиуш снял корону и пошел во дворцовый сад. Он так давно здесь не был.

— Ах,— вскричал он,— я совсем забыл о Фелеке!

Свистнул и тут же услышал сигнал кукушки.

— Иди, Фелек, не бойся. Теперь я настоящий король, и мне не нужно ни перед кем оправдываться.

— Ну да, а что скажет мой отец?

— Скажи отцу, что ты королевский фаворит и я не разрешаю ему даже пальцем тебя тронуть.

— Если бы ваше величество изволили это написать...

— С удовольствием, пойдем в мой кабинет.

Фелек не стал ждать, чтобы ему повторяли это дважды.

— Господин государственный секретарь, прошу вас написать бумагу, что я назначаю Фелека своим фаворитом.

— Ваше величество, при дворе не было такой должности.

— Раньше не было, теперь будет. Такова моя королевская воля.

— Может быть, ваше величество изволит отложить написание такой бумаги до заседания совета министров? Промедление небольшое, зато будет соблюдена форма.

Матиуш готов был уступить, но Фелек незаметно потянул его за рукав.

— Я требую, чтобы бумага была написана немедленно, к дьяволу! — крикнул Матиуш.

Секретарь почесал в затылке и написал две бумаги. На одной было написано:

Я, король Матиуш, требую безотлагательно, чтобы немедленно написанная и для подписи поданная, а после этого скрепленная печатью, была вручена мне бумага о назначении Фелека придворным королевским фаворитом. В случае невыполнения этой моей воли и этого моего категорического приказа виновный подвергнется наисуровейшему и наистрожайшему наказанию. О чем и довожу до сведения господина государственного секретаря и собственной своей подписью подтверждаю.

Секретарь объяснил, что только после подписания этой бумаги будет иметь право выдать ту, вторую.

Король Матиуш подписал, после чего секретарь выдал скрепленную печатью бумагу о назначении Фелека фаворитом.

Потом пошли в королевскую гостиную, осматривали игрушки, книжки, разговаривали, вспоминали свои военные приключения, вместе обедали. Потом пошли в сад, куда Фелек позвал со двора своих ровесников, и они замечательно там веселились до самого заседания совета министров.

(Продолжение следует.)

Матиуш скакал на коне, а дети бросали ему цветы и все кричали: «Виват, виват!»

Выставка «Мы строим дом» закончила свою работу. Московские архитекторы Михаил Николаевич Круглов и Зиновий Моисеевич Розенфельд внимательно просмотрели все 198 проектов, присланных в редакцию нашего журнала. Михаил Николаевич и Зиновий Моисеевич захотели поговорить о проектах с директором выставки. Вот их разговор:

М. Н. Круглов. Молодцы ребята, славно потрудились! Хорошо умеют думать.

Задачи, которые попытались решить авторы проектов,— это и наши задачи, задачи взрослых архитекторов. А некоторые из ребят заглянули так далеко, что нам, взрослым, за ними и не угнаться. Валера Стадухин и Толя Зайцев из Свердловска, Лена Филатова из Москвы, Саша Акимов из Омска уже строят дома на Марсе и Сатурне. Сорок два дома из двухсот придуманы так, что не должны стоять на одном месте: дома-корабли Сережи Забалацова, Андрея Сурина, Димы Окунева плавают по морю; дома Сережи Грибина и Гены Никифорова — на колесах, свободно разъезжают по всей земле; а есть еще и дома-вертолеты, дома-самолеты, которые могут подниматься в воздух. Мы над такими проектами еще и не работали.

З. М. Розенфельд. Да ведь это мечта всех людей. Корабли и поезда, самолеты и, наконец, ракеты — все это возникло из человеческой мечты оторваться от одного постоянного места на Земле. А ребята даже и дома придумали такие, передвижные.

Директор. А знаете, в этой выдумке — громадный смысл. Движущиеся дома нужны людям, которые работают не на одном месте, например, геологам, строителям, археологам. Вот ведь и плотогоны ставят шалаш на плоту, есть домики и на баржах, а у строителей есть дома-вагончики, дома-фургоны, забредающие в глубь тайги.

М. Н. Круглов. Да, здесь для архитектора есть работа. Но мне хотелось бы сказать

еще и о другом. (Михаил Николаевич показывает на проект Юры Пономарева из Каменска-Уральского.) Как точно указано, что и где в доме размещается! Об удобствах человека заботится и Вера Плаксина из Пензы, и Витя Коржов из Ростова-на-Дону, и Алеша Норманн из Москвы, и Люда Пронникова из Брянска. Это очень хорошо!

З. М. Розенфельд. Многие ребята отлично разместили в квартирах хорошо оборудованные кухни, где очень быстро можно приготовить обед. Эти ребята хотят, чтобы мамы не так долго торчали у плиты. В домах ребята разместили прачечные, кафе, ремонтные мастерские.

Но наши юные коллеги думают не только о том, чтобы освободить людей от хозяйственных хлопот. Около домов они соорудили спортивные площадки, водные бассейны, парки, построили кинотеатры и клубы, библиотеки и концертные залы.

М. Н. Круглов. Это точно совпадает с замыслами взрослых архитекторов.

З. М. Розенфельд. Архитекторы думают еще и над тем, чтобы связать дома с природой. Мы стараемся создать такие дома, в которых было бы больше балконов, лоджий. Человек выходит из дома—и внешнее пространство становится частью его комнаты. Я заметил, что и ребята подумали об этом, а особенно интересно — москвич Саша Гришин.

Директор выставки. Обратите внимание: ребята строят большей частью многоэтажные дома. А школы они делают в два или в три этажа, чтобы малышам не приходилось подниматься высоко по лестнице, чтобы они не уставали перед самыми уроками.

М. Н. Круглов. Это они правильно придумали. Многоэтажные дома очень важны в городе, в них может жить много людей. А если строить дома маленькие, город слишком расползется в стороны, придется далеко тянуть газопровод, водопровод, электричество. Люди будут уставать от далеких поездок из дому на работу и с работы домой. Да и в гости к другу трудно будет выбраться, вернее, не выбраться, а добраться.

А школы, конечно, стоит делать малоэтажные, даже если они расположены в густонаселенном городе.

З. М. Розенфельд. И вот еще о чем хотелось бы сказать. Ребята, как я заметил, стараются в своих проектах использовать пластики, алюминий. Эти материалы мы используем сейчас для отделки домов снаружи и внутри. А целиком строить дома из них пока не можем. Это было бы очень дорого.

Многие ребята использовали в своих проектах железобетон. Взгляните на проекты Сережи Сингорина из Воронежа, Коли Дунаева из Ирбита, Володи Немирова и Сережи Хлестакова из города Коломыя, Юры Кудашева из Семипалатинска. В этих проектах прекрасно использованы возможности бетона.

Бетон со временем вытеснит все остальные материалы на строительстве домов, потому что он долговечен, может принимать любую форму.

Директор выставки. Что бы вы посоветовали ребятам, которые хотят стать архитекторами?

М. Н. Круглов. Этим ребятам надо серьезно заняться рисованием и особенно лепкой, чтобы руки научились послушно выполнять все, что придумала голова. А то иной раз получается, что человек замыслил что-то интересное, а объяснить никому не может. Архитектор должен уметь изобразить на бумаге и в макете любой свой проект.

Ребятам надо много думать, пристально смотреть вокруг себя, внимательно относиться к людям, чтобы понять, что людям нужно в первую очередь.

В заключение Михаил Николаевич и Зиновий Моисеевич попросили непременно назвать в журнале имена ребят, которые прислали интересные проекты, но о которых они не смогли упомянуть в беседе.

Таня Копытова, г. Свердловск.

Гена Родионов, г. Бузулук.

Игорь Сухорукий, г. Белая Калитва.

Игорь Коненко, г. Симферополь.

Марина Б., г. Тольятти.

Лена Зауспилина, г. Куйбышев.

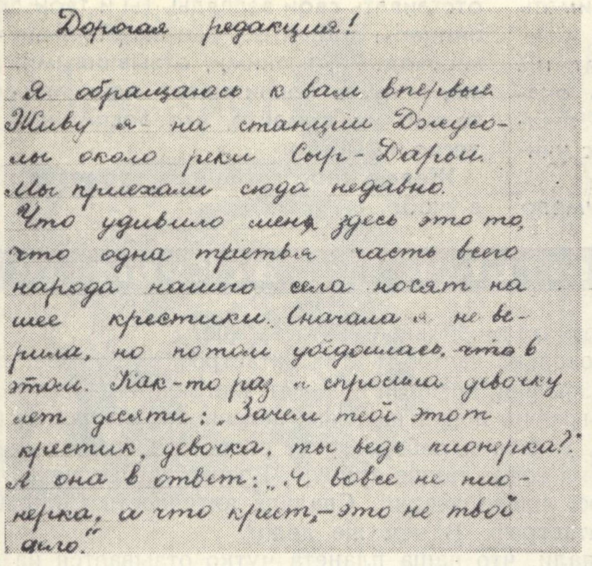
Рая Нечитайло, ст. Динская, Краснодарский край.

Саша Акиньшин, г. Барнаул.

Слава Калентьев, ст. Бада, Читинской области.

Таня Федорова, г. Новая Ушица, Хмельницкой области.

НАДО ПОСОВЕТОВАТЬСЯ

Дорогая редакция!
Я обращаюсь к вам впервые. Живу я на станции Джусолы около реки Сыр-Дарьи. Мы приехали сюда недавно. Что удивило меня здесь это то, что одна третья часть всего народа нашего села носят на шее крестики. Сначала я не верила, но потом убедилась, что в этом. Как-то раз я спросила девочку лет десяти: „Зачем тебе этот крестик, девочка, ты ведь пионерка?" А она в ответ: „Я вовсе не пионерка, а что крест,—это не твое дело."

Дорогая редакция! Я обращаюсь к вам впервые. Живу я на станции Джусолы, около реки Сыр-Дарьи. Мы приехали сюда недавно.

Что удивило меня здесь — это то, что одна третья часть всего народа нашего села носит на шее крестики. Сначала я не верила, но потом убедилась в этом.

Как-то раз я спросила девочку лет десяти: «Зачем тебе этот крестик, девочка, ты ведь пионерка?»

А она в ответ: «Я вовсе не пионерка, а что крест — это не твое дело».

Мужчины здесь смолоду отращивают длинные бороды. Поголовно все с крестами. Но ведь на нашей земле будет коммунизм! Я не хочу, чтобы верующие люди загрязняли жизнь своим детям.

Дорогая редакция, прошу вас, напишите: какие меры можно принять пионерам?

С пионерским приветом

Таня СИНЯКОВА,
ст. Джусолы, Кзыл-Ординская обл.

Тане отвечает писатель Владимир Тендряков

Дорогая Таня!

Редакция журнала «Пионер» передала мне твое письмо. Ты спрашиваешь: какие нужно принять меры?

На твой вопрос короткого и простого ответа нет.

Люди верили в бога тысячелетиями, многие и многие века они обманывали себя, и просто сказать им: ваша вера — глупости, бога нет, а еще хуже того, издевательски высмеивать, озлобляться на их непонятливость нельзя. Это может привести только к одному — к непониманию, к недоверию, к озлоблению друг на друга.

Благодаря родителям, воспитателям, школе ты не веришь в бога. Ты получила правильные сведения о мире, в котором мы живем, а твоим новым товарищам, тем, что носят крестики, семья помешала узнать то, что знаешь ты.

Потому, дорогая Таня, не оскорбляй своих подруг, не насмехайся над ними. Это не значит, что нужно скрывать свои взгляды. Говори прямо и открыто, что ты не веришь в сказки о боге, что никогда бы не позволила на себя надеть крестик.

Ты должна рассказывать им то, что знаешь о строении Вселенной, спорить с ними. Конечно, тебе это будет трудно: ведь знаешь ты еще очень мало. Помогут тебе и старшие товарищи, и учителя, и книги.

Посылаю тебе две книжки, которые недавно вышли в Москве, советую их прочитать и дать своим товарищам. Это рассказы К. Икрамова «Злая мачеха» и книжка И. Жерневской и Л. Ласкиной «Куда ведет аллея сфинксов». Думаю, что эти книжки помогут тебе.

В них рассказывается о том, что такое религия, почему люди стали верить в бога, и о том, почему люди отказываются от бога, почему религия не нужна свободному человеку.

Может быть, у твоих товарищей, решивших снять с себя крестики, понявших, что ре-

лигия мешает им жить, правильно понимать мир, будут трудности.

Может быть, родители не позволят им этого, тогда твоим друзьям помощь окажется особенно нужна. Не стесняйся лишний раз посоветоваться со старшими, с учителями.

Самое главное в жизни — стойко и умело отстаивать свои взгляды. Ты и твои друзья — пионеры старайтесь быть хорошими, честными людьми, чуткими, отзывчивыми, добрыми, и пусть воспитывает ваш пример. Но только не думайте, что воспитание пойдет легко и быстро.

Желаю тебе хорошего здоровья и успеха в учебе.

СОЛНЕЧНЫЙ ПУЛЬС НА ЗЕМЛЕ

Часто ли бывают автомобильные катастрофы?

К сожалению, довольно часто. И этих катастроф то больше, то меньше. Можно составить график, который покажет, как меняется число аварий.

Однажды такой график попал на глаза астроному. Астроном был поражен. Оказывается, у себя в лаборатории, составляя график солнечной активности, он получил точно такую кривую. Возрастала солнечная активность — увеличивалось число аварий. Спадала активность Солнца — становилось меньше катастроф. В чем же дело?

Ученые давно знали, что наша планета чутко отзывается на изменения в жизни Солнца. Циклоны, бури, торнадо, извержения вулканов, северные сияния — эти «возмущения» воздушной и водной оболочек Земли да и самой земной коры резко усиливаются во времена активного Солнца. Изменяется климат нашей планеты — он становится капризным, непостоянным. Трудно приходится радистам: увеличиваются помехи при радиопередачах.

Одно из самых сильных воздействий Солнца — изменение его магнитного поля. Несомненно, велико влияние солнечных магнитных бурь на живые организмы. Ученые говорят, что во время магнитных бурь поведение человека меняется. Он становится вялым, у него замедляются реакции. Это-то и сказывается трагическим образом там, где нужна быстрая и точная реакция, — на автотрассах.

Оказалось, что на Земле есть даже живые «графики» возрастания и спада солнечной активности. Как-то спилили в Америке старую секвойю и посмотрели на срез, на годовые кольца. И увидели, что каждое одиннадцатое кольцо шире соседних! Это в точности совпадает с солнечным пульсом — взлеты солнечной активности всегда наступают примерно через одиннадцать лет...

Ученым известно, что некоторые микроорганизмы с точностью приборов реагируют на солнечное воздействие. Одиннадцатилетний цикл был свойствен и страшным эпидемиям, уносившим миллионы жизней во всех странах мира. Чума, оспа, холера то стихали, то вновь охватывали человечество. Циклы размножения саранчи — страшного вредителя — тоже совпадают с периодами солнечной активности.

Весь живой мир нашей планеты находится под влиянием Солнца, изменения его магнитного поля, силы его излучения.

Инженер А. ЛАВРОВ

• ТАЙНЫ РАСКРЫТЫЕ И НЕРАСКРЫТЫЕ •

Петер ХАКС

— Паромщик! — кричит у берега
Странствующий народ,
Чтоб плыть из Штейна в Маутерн
Или наоборот.

И сразу старик паромщик
Спешит по реке на зов
И каждого перевозит,
Кто деньги платить готов.

Вновь кто-то кричит: — Паромщик! —
Однажды погожим днем.
Паромщик взглянул и видит,
Что это огромный сом.

Усатый черный сомище
Стоит на тропе и ждет.
Он ждет, что его паромщик
Из Штейна в Маутерн свезет.

— О святой Христофорус! —
Кричит паромщик сому.—
С жабрами и плавниками
Можно плыть самому!

Такого еще не бывало!
Да разрази меня гром!
Чтобы какую-то рыбу
Перевозил паром!

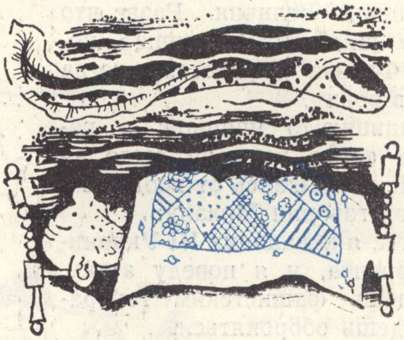
Я этого безобразья
Не допущу никогда,
Пусть руки мои отсохнут
И выпадет борода!

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

А рыба в ответ выплевывает
Целую гору монет —
И новых и очень древних,
Которым за сотню лет.

Рыба их собирала
Годами на дне реки —
И серебро, и золото,
И тусклые медяки.

Паромщик глядит на деньги.
А сом глядит на паром.
И вот они на пароме
Плывут по реке вдвоем.

Паромщик гребет растерянно.
Шумит за бортом река.
А рыба, щурясь на солнце,
Греет свои бока.

Сом радостно улыбается,
Помахивая хвостом.
Оба плывут в молчании
И так пристают потом.

Сом важно сходит на берег.
Как видно, он страшно рад.
Но вдруг он прыгает в воду
И снова плывет назад.

Паромщик глядит, безумный,
На тихую гладь воды.
Лицо его стало белее
Седой его бороды.

Потом он молча уходит,
И молча ложится в кровать,
И молча смотрит на стену,
И больше не может встать.

Держать паром в этом месте
Охотников не нашлось.
Тут мост нам пришлось построить,
Что дорого обошлось.

Перевел с немецкого Юрий Коринец.

ТРОЕ

Зденек СЛАБЫ

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

Я шел по Смиховскому парку. Листья на деревьях уже покрывались осенней краской: рыжели, желтели.

Возле аллеи, на куче палых листьев, происходил военный совет. Однако напрасно было бы искать здесь золотые погоны, лампасы, ордена и прочие знаки отличия. Разве что таким «знаком» была шишка, которую Франта заработал, когда играли в войну.

Ну, шишка-то шишкой, а решающее слово все-таки было за Франтой. Задыхаясь от воодушевления, он говорил Михалу:

— А я, я начальник III Украинского фронта, и я поведу атаку. Ты будешь фашистским генералом, будешь обороняться.

— Фашистским генералом я быть не хочу, — тихо, но очень твердо сказал Михал.

Франта нетерпеливо махнул рукой.

— Понимаешь, ты будешь как бы фашистский генерал. А я пущу в наступление «катюши»...

— Я не хочу быть фашистским генералом, — сказал Михал погромче и отступил на шаг.

— Да это же только игра, — успокаивал его Франта, — и ты можешь использовать в обороне «мессершмитты».

Михал посмотрел на Франту обиженно и медленно отошел. Он просто должен был это сделать. Еще секунда — и он заревел бы. Но как же это, я вас спрашиваю, называется, когда ревут на военном совете да еще при всех ребятах?

— А-а, какая с вами игра! — с досадой сказал Франта и швырнул каштаном в воробья. И, хотя он не попал, воробей обиделся, нахохлился и по-птичьи отругал обидчика.

— Ты сам будь генералом, — усмехнулся Мартин.

Франта запнулся.

— Знаете что, — медленно протянул он, — пошли играть в водяного...

Подул ветер, лист на дереве задрожал и медленно упал туда, где только что был военный совет, но теперь уже и не таким мирным выглядело это место. Я вспомнил...

Когда я был таким же маленьким, как они, у меня было двое друзей — Герда и Людек. Я жил на Споржилове и до сих пор думаю, что школа, где я учился, одна из лучших. Герда, Людек и я целыми днями бывали вместе. Мы качались на качелях, в саду у нас была общая цветочная клумба, мы разводили черно-белых мышей, предпринимали тайные походы в чужие сады, брали друг у друга книжки, разговаривали обо всем на свете и собирали в общий альбом фотографии автомобилей и самолетов.

В школе мы узнавали много разных вещей, но никто не сказал нам о том, что в Германии пришел к власти Гитлер и что это грозит бедой и нам. Быть может, наш учитель думал: «Они еще малы, пусть играют. В ста-

рости у них еще достаточно будет горя и забот...»

Однажды Герда пришла гораздо раньше, чем обычно, когда мы встречались втроем. Вид у нее был хмурый.

— Мы не можем больше играть с Людеком,— сказала она.

— Почему? — спросил я. — Что он тебе сделал?

— Он еврей,— с презрением сказала Герда.

Я удивленно смотрел на нее. Я не знал, что такое еврей. Герда увидела, что я ее не

понимаю, и повторила то, что слышала от родителей.

— В Германии всех евреев посадили в тюрьму, а я немка. Евреи не такие люди, как мы. Они,— Герда не могла вспомнить, какие именно,— они плохие.

«Евреи плохие»,— звенело у меня в ушах. Людек плохой? А почему? Это не укладывалось у меня в голове. И почему Герда — немка?

— Но ты говоришь-то по-чешски,— крикнул я,— и живешь в Чехии!

— Я немка, — гордо повторила Герда,— и папа сказал, что немцы лучше, чем все другие народы. И лучше чехов. Но мы с тобой можем играть, только вдвоем, без Людека.

Мысли у меня в голове завертелись каруселью. То и дело мелькало неведомое прежде: чехи, немцы, евреи. Я, Герда, Людек. Я и Герда. Я и Людек. Людек и Герда...

— Что ж, Людек больше не товарищ тебе? — спросил я.

— Нет.

Людек... Я вспомнил, как мы с ним решили посадить мышку на качели, а она вырвалась, упала и умерла. Мы оба плакали и торжественно ее похоронили. А на другой день Людек пришел с небольшой коробочкой, где сидела новая мышка.

Герда между тем с нетерпением ждала, что я ей отвечу, и рисовала пяткой кружок.

— А если я тоже еврей? — вызывающе посмотрев на Герду, сказал я.

— Да нет, ты только чех, с тобой-то я могу играть,— ответила она.

Я не помню, как повернулся и пошел. Потом Герда кричала что-то, но я только ускорил шаг. Я бежал к Людеку. С ним мы играли до вечера. А когда он спросил, почему не пришла Герда, я ему сказал:

— Потому что она гусыня. Я с ней больше не вожусь.

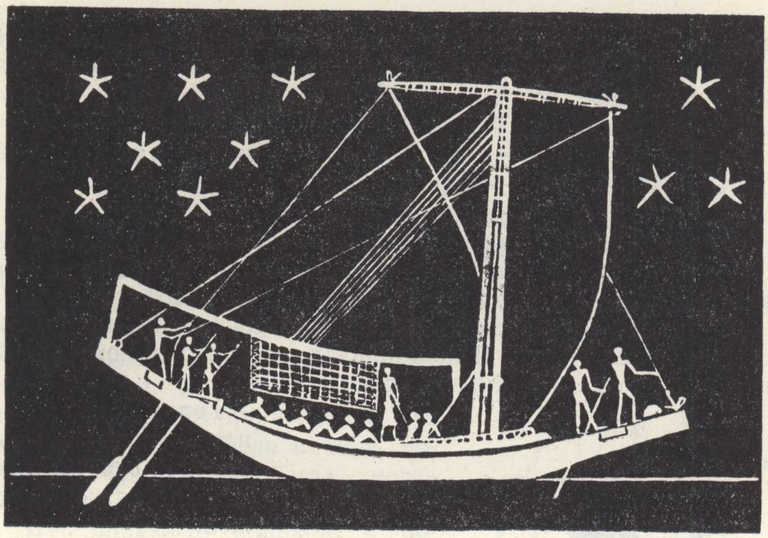
* * *

Потом пришли немцы, началась война, и Герда ходила в форме гитлеровской молодежи. За Людеком и его родителями однажды приехала немецкая машина, и их увезли. Ни разу больше не видел я Людека. Наверно, он погиб в каком-нибудь концентрационном лагере.

Я вспомнил об этом — сколько уж времени прошло! — в осеннем Смиховском парке. И я был рад, что Михал не захотел быть фашистским генералом.

Если бы я был помладше, мы стали бы с ним друзьями и я рассказал бы ему про Людека.

Перевела с чешского Н. Любкина.

Самый древний Робинзон

Посмотри на эти удивительные знаки, которые выстроились в ровные столбцы-строчки. Это — начало древнеегипетского сказания. Четыре тысячи лет назад египетский писец Амени-Амон-аа записал его на листе папируса.

Сейчас этот папирус хранится в Государственном Эрмитаже. Он известен ученым всего мира как самый древний литературный папирус и самый древний рассказ о кораблекрушении...

Тысячелетия назад египтяне умели строить корабли и совершали далекие путешествия. Из заморских стран они привозили шкуры невиданных зверей, живых обезьян и драгоценное — розовое, красное и черное — дерево. Египетские мореходы радовались неведомым землям, чудесным лесам: ведь Египет — безлесная страна.

Прочитай эту удивительную историю — ты узнаешь, какой величины были корабли у египтян, сколько моряков было на каждом судне. Узнаешь, что египетские моряки умели прокладывать курс по звездам («видели землю, видели небо»), какие дары привозили они из заморских стран...

Слушай предание о самом древнем Робинзоне, рассказ, дошедший до нас через четыре тысячи лет...

Из далекого плавания возвращался корабль в Египет. Миновали страну Вават, прошли мимо острова Сенмет, что лежит у самой границы, и стоящий на носу корабля моряк уже готовился закинуть канат на причал.

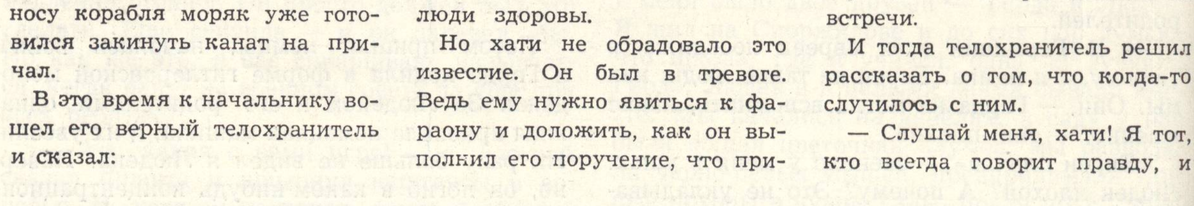
В это время к начальнику вошел его верный телохранитель и сказал:

— Радуйся, мой хати! Мы достигли столицы. Все счастливы, что возвращаются домой, все обнимают друг друга. Нет потерь среди наших воинов, все люди здоровы.

Но хати не обрадовало это известие. Он был в тревоге. Ведь ему нужно явиться к фараону и доложить, как он выполнил его поручение, что привез в столицу из дальних стран. Но не все, что приказал ему фараон — да будет он жив, здоров и благополучен! — было сделано, и хати страшился этой встречи.

И тогда телохранитель решил рассказать о том, что когда-то случилось с ним.

— Слушай меня, хати! Я тот, кто всегда говорит правду, и

нет лжи в моих речах! Я поведаю тебе о том, что сам перенес.

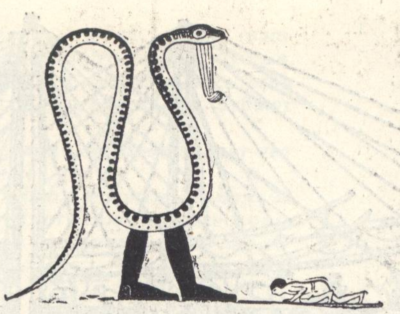
Однажды отправил меня фараон в каменоломни, чтобы привезти оттуда каменные плиты. Дали мне корабль. Длина его была сто двадцать локтей, а ширина — сорок. Дали мне сто двадцать моряков, не было лучших во всем Египте. Видели они небо, видели они землю, и сердца у них были храбрее, чем у львов. Они могли предсказать бурю раньше, чем она наступала, они могли предсказать ураган до того, как он приближался.

Мы вышли в открытое море. И вдруг началась буря. Волны заливали корабль, и высота их доходила до восьми локтей. Они разбили судно, и корабль умер, пошел ко дну. Никого не осталось в живых, все погибли. Только я один ухватился за обломок мачты, и волна вынесла меня на берег. Это был остров. Я остался один, и не было со мной никого второго. Три дня

оставался я там в одиночестве, и только сердце мое было моим товарищем. Я ложился спать под деревом — обнимал свою собственную тень. А днем бродил по острову и искал, чем бы подкрепить свои силы. И я нашел там смоквы и виноград, огурцы и всякие другие овощи. Водилось там много рыбы и птицы. И не было ничего на свете, чего нельзя было бы найти на этом острове!

Однажды, когда я поел и насытился, я положил на землю то, что у меня осталось. А потом я нашел сухое дерево и сделал из него дощечку и тон-

кую палочку, чтобы добыть огонь. Я долго вертел палочку на дощечке, пока не появился огонь. Тогда я зажег костер и принес на нем жертву богам в благодарность за мое спасение.

Вдруг раздался страшный гром. Деревья задрожали, земля затрепетала, и я от страха закрыл лицо руками. Когда я открыл его, я увидел, что ко мне приближается чудовище. Это был Змей тридцати локтей в длину. Его борода достигала двух с половиной локтей, тело его было разукрашено золотом, а брови сделаны из лазурита. Он шел хвостом вперед. Я упал перед ним ниц, а Змей открыл свою пасть и сказал:

— Как ты попал сюда? Как ты попал сюда, ничтожный? Если не скажешь, кто принес тебя на этот остров, я испепелю тебя!

Дрожа от страха, я ответил:

— Ты говоришь со мной, но я ничего не слышу. Я лежу перед тобой на земле и ничего не понимаю.

Тогда Змей взял меня в свою пасть и отнес туда, где находилось его жилище. Он опустил меня на землю, не причинив никакого вреда. Я остался здравым и невредимым, и ничего он у меня не взял.

И он снова сказал:

— Кто принес тебя сюда? Как попал ты на этот остров, окруженный водой?

Я низко поклонился ему и ответил:

— Фараон отправил меня за камнем. У меня был большой корабль, сто двадцать мореходов было на нем. Сердца их были храбрее, чем у львов. Один был сильнее другого, и не было среди них не знающих своего дела. Они видели небо, видели землю. Они могли предсказать бурю раньше, чем она наступала, ураган — до того, как он приближался. Мы вышли в открытое море. Вдруг началась буря, поднялся вихрь, волны достигали восьми локтей в высоту. Они разбили корабль, и он пошел ко дну. Никого не осталось в живых, все погибли. Только я один ухватился за обломок мачты, и волна вынесла меня на этот остров.

Тогда Змей сказал мне:

— Не бойся ничего. Смотри, ты спасся от гибели и попал на этот чудесный остров. Ты пробудешь здесь месяц за месяцем, всего четыре месяца. И тогда придет из столицы корабль, и ты отправишься в Египет. И ты будешь счастлив, все тяжелое останется позади.

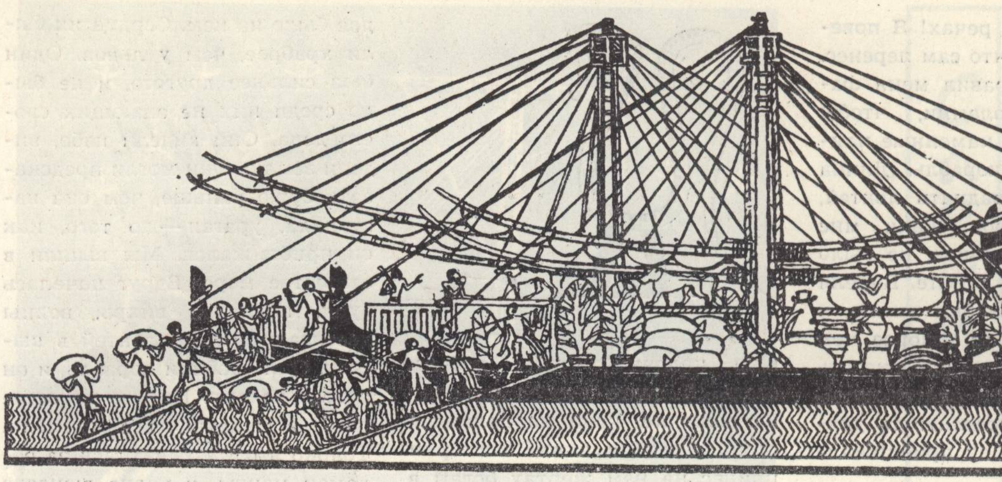
А сейчас я расскажу тебе, что случилось на этом острове.

Я жил здесь с моими братьями и детьми. Нас было семьдесят пять змеев. И еще была юная девушка, которая попала сюда случайно.

И вот однажды упала звезда с неба, и пламя охватило всех. Меня не было тогда с теми, кто сгорел. Когда я вернулся, я нашел только груды пепла.

Если ты мужественный, наберись терпения. Придет время, ты увидишь свою жену, обнимешь детей, вернешься в свой дом — ведь это лучше всего на свете!

Тогда я распростерся перед

ним, поцеловал землю у его ног и сказал:

— Я расскажу фараону, как ты встретил меня, и все узнают о твоей доброте! И тебя будут благодарить в совете перед вельможами! В твою честь зажгут огонь и принесут тебе в жертву быков и гусей. Пришлют из Египта корабль с дарами. Тебе окажут почести, как богу далекой страны.

Засмеялся Змей, как будто я сказал ему глупые слова.

— Разве есть у тебя в Египте ароматные смолы? Ведь я владыка острова Пунт, и мне принадлежат все ароматные смолы и благоухания, все драгоценности!

Но как только ты уедешь, никто больше не увидит этот остров — он скроется в волнах.

Прошло время, назначенное Змеем. И вот однажды в море показался корабль.

Я влез на высокое дерево, чтобы разглядеть корабль, и узнал людей, которые были на нем.

Змей сказал мне на прощание:

— Будь здоров! Возвращайся домой, ты увидишь своих детей и родных. Прославь мое имя в твоем городе.

Он дал мне драгоценные дары: ароматные смолы и благовония, дорогие сорта деревьев и слоновую кость, хвосты жираф, южных собак, обезьян различных пород и много других хороших вещей.

Я спустился к кораблю и позвал моряков, которые там находились. Они нагрузили корабль дарами Змея.

Мы отчалили, и остров тут же погрузился в море. А мы поплыли на север, в Египет. И через два месяца достигли столицы.

Я пошел к фараону и отдал ему дары Змея, что я привез с собою. Фараон наградил меня землею и многими рабами и сделал своим придворным. И благодарили меня перед вельможами в совете царя.

И телохранитель закончил свою речь такими словами:

— Вот видишь, что со мной случилось, что я видел и что я перенес. Слушай меня — хорошо человеку, когда он слушает.

Грустно покачал головой вельможа и ответил:

— Не утешай меня! Разве дают птице воду на рассвете, если утром ее собираются заколоть?

* * *

Сказка эта списана от начала до конца со старинного свитка папируса.

Сделал это писец искусный пальцами Амени-Амон-аа. Да будет он жив, здоров и благополучен!

Сказание о древнем Робинзоне перевела и пересказала **Р. Рубинштейн**. Эта сказка не была проиллюстрирована. Но если бы какой-нибудь древний египтянин каким-то чудом увидел помещенные здесь рисунки, он бы им ничуть не удивился: художник **Олег Зотов** сделал их очень точно по рисункам на древних папирусах и по росписям на стенах и гробницах. Рассмотри рисунок вверху. Тут хорошо видно, что этот корабль повезет в Египет не только разные грузы в мешках и сосудах, но даже деревья в кадках и живых обезьян.

Вести из СТРАНЫ ХОББИ

Пишет человек книжки, лечит людей, водит самолет — он писатель, врач или летчик. Это его профессия. Но у писателей и летчиков, врачей и артистов есть свои маленькие тайны, привязанности, которым они отдают свободное время.

У каждого человека есть увлечение, которое делает его жизнь интереснее, содержательнее.

Мы решили зайти в гости к нашим старым знакомым Рине Зеленой, Льву Кассилю и Анатолию Мошковскому и поговорить с ними о том, чем они интересуются, помимо своей профессии, об их «хобби» — увлечениях.

Рина **ЗЕЛЕНАЯ**

Где бы ни выступала артистка: в Польше или в Таджикистане, в Англии или во Франции,— дети во время концерта дарят ей свои игрушки. Это может быть соломенная девочка — незамысловатая самоделка юного почитателя, или картонный верблюд, верно послуживший своему хозяину... «Это вам, возьмите, пожалуйста»,— говорят дети Рине Зеленой. Детские игрушки, большие и маленькие, старые и новые, живут дружной семьей у своей новой хозяйки. Благодаря детям появилось у Рины Зеленой и другое ее увлечение: фотография. Вместо игрушки очередной поклонник в коротких штанишках вручил ей «Смену».

— И с тех пор,— смеется артистка,— вот уже много лет я не изменила своей «Смене». Фотографирую все, что хочется унести с собой на память,— людей, моря, выставки... Бесконечный поток велосипедистов на дорогах Голландии, живописные уголки Парижа, дети, бегущие под дождем... Оживают в памяти города и люди, встречи, веселые и печальные.

Рина Зеленая любит фотографировать детей.

— Я сфотографирую, кого захочу, и теперь он принадлежит мне, сидит в моей коллекции.

И еще собирает артистка детские рисунки. Детское творчество, по ее словам, поразительно и необыкновенно увлекательно. Как можно видеть, в своих привязанностях Рина Зеленая довольно последовательна: дети на первом плане.

Лев **КАССИЛЬ**

Первое свое увлечение я не могу считать посторонним, совсем не относящимся к моей профессии,— сказал Лев Абрамович Кассиль.— Это — увлечение спортом, почти всеми его видами. Больше всего я люблю футбол. Я много писал о футболистах. И романы, и рассказы, и очерки. Интерес к спорту заставлял меня предпринимать путешествия за любимцами-спортсменами. В качестве специального корреспондента я побывал на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо в 1956 году, в знаменитой Долине Индианок — Скво Вэлли — в Калифорнии в 1960-м, в Инсбруке в 1964 году и в Токио...

Над столом у писателя висит целый щит олимпийских значков. А рядом вымпел, зовущий в Мехико. В 1968 году там состоятся очередные Олимпийские игры. Вымпел писателю подарили в Токио мексиканские спортсмены.

— Я верю в силу таких приглашений, ибо они не раз оказывали свое действие. Австрийский значок с приглашением в Инсбрук был мне подарен в Скво Вэлли, а через четыре года я поехал с ним в Австрию. В Риме японские спортсмены подарили мне традиционный веер, а через три года я отправился с ним в японскую столицу.

Второе увлечение писателя чисто «профессиональное». Лев Абрамович собирает разнообразные вечные ручки.

Есть еще одна область увлечений, совсем не «мужественная». Это... куклы. Из каждого своего путешествия писатель привозит куклы. Недавно он вернулся домой из Англии и привез шотландского волынщика и королевского гвардейца в золотой каске.

Анатолий **МОШКОВСКИЙ**

Следующая встреча произошла в картинной галерее. Да, да, не удивляйтесь, пожалуйста. Правда, картинная галерея писателя Анатолия Мошковского вся умещается в шкафу, но она не становится от этого менее интересной. Около четырех тысяч открыток — репродукций с картин знаменитых художников России, Франции, Германии, Англии, Мексики, Японии, Голландии, Америки — составляют собрание писателя.

— Все началось с увлечения живописью еще в детстве. Я даже сам пробовал рисовать. Но вот я стал писателем, а любовь свою к живописи сохранил на всю жизнь. Собирать открытки необыкновенно увлекательно. Ведь каждая такая картина в миниатюре — небольшое открытие, встреча с любимым художником. Музеи, выпускающие репродукции, находятся во всех уголках нашей земли, и практически побывать в них во всех невозможно. А вот получишь такую открытку — и как будто побываешь в этом музее...

Одно из самых полных в Москве собраний знаменитого художника Ван Гога находится в этой интереснейшей коллекции, мы можем встретить в ней репродукции с малоизвестных картин, хранящихся где-нибудь в небольших музеях, например, в Бразилии...

Репортаж **М. БРЕГМАН.**

КОГДА ГЕНЕРАЛЫ ПЛАЧУТ

Рисунки В. КАРАБУТА.

Были тихие зимние сумерки. Падал снег, голубой, мягкий. Шла война. «Красные» наступали. «Синие» отчаянно сопротивлялись, дрались за каждый бугорок, за каждую ложбинку.

Уходили с поля сражения «убитые» и «раненые». Они шли медленно, нестройной и невеселой гурьбой. Ругали врагов и наблюдателей. Многие плакали. Санитары перевязывали раны и утирали слезы. «Убитые» горевали: битва в самом разгаре, а ты вот сиди не рыпайся...

Затянутое тучами небо непрерывно поставляло «боеприпасы»: снег был липким, из него выходили отличные «снаряды» и «пули». Над полем летали сотни голубоватых, посверкивающих звездочек: перестрелка не утихала.

Эмма Зыглина пришла в штаб и попросила:

— Пошлите в разведку.

Командир «красных» Толя Мельников оторвался от карты и недовольно буркнул:

— Из какого класса?

— Из четвертого, — прошептала Эмма.

— Ну вот, — нахмурился командир. — Ходят тут всякие. В разведку их посылай...

Подвел Эмму к стоявшей в углу большой гире. Приказал:

— А ну попробуй!

Эмма собрала все силы, но гиря не шелохнулась.

— Брысь! — гаркнул командир, и Эмма вылетела из штаба, едва удерживая подсту-

павший к горлу непослушный, горьковатый комок.

Над ней сжалились: поставили охранять «убитых». Ненадежная публика, того и гляди снова улизнут сражаться...

«Убитые» сидели под большой темной сосной. Сосну раскачивал ветер, и она шумела о чем-то своем.

Эмма кусала губы. Увидела вожатого Володю Кабуша, хотела пожаловаться на несправедливость, но вспомнила, что с вожатым нельзя разговаривать. Провинился вожатый, нарушил военную тайну: подмигнул разведчику «синих», когда тот искал тропинку к штабу противника. Военный трибунал и наказал его: объявил бойкот на три дня.

Тяжело захрустел снег. К сосне подошел генерал. Эмма знала — генерала зовут Степаном Васильевичем. Он часто приезжает к ним в интернат, рассказывает про войну. Про ту войну, которая настоящая... А сейчас он главный судья сражения «красных» и «синих».

Генерал большой и суровый. Но глаза у него добрые, а голос совсем не генеральский: негромкий, чуть хрипловатый.

Степан Васильевич оглядел мальчишек. Сочувственно покачал головой.

— Дело такое, — сказал, — военное.

А про себя подумал: в общем-то здорово, если «убитые» могут ходить и даже плясать при желании...

Еще генерал подумал о том, что война уже давно окончилась. Стала совсем далекой. И нет ее следов: все перепахано и отстроено. Остались только воспоминания. Они как старая незаживающая рана...

Но вслух генерал ничего не сказал.

— Мужайтесь! — ободрил он мальчишек. — Вы же солдаты.

И пошел дальше.

И тогда Эмма решила: будь что будет, она сама сейчас отправится в разведку.

— Ну, вы! — крикнула она «убитым». — Сидеть здесь, и ни шагу! Не то смотрите!

Темная сосна качнулась, выронила из мохнатых лап охапку теплого снега. Беззаботно просвистела какая-то птица.

Эмма вышла в поле. Над ухом пролетел и шлепнулся о ствол дерева снежок, за ним другой, третий. Ее заметили снайперы «синих» и безжалостно обстреливали.

Эмма упала на снег, поползла. «Пули» свистели вокруг...

Ощупала на плечах погоны: крепко держатся? Правило такое: сорвут один погон — «ранен», сорвут оба — все, «убит», шагай восвояси...

Вдалеке темнел небольшой лесок. Вон там, пожалуй, и расположился штаб «синих». Пробраться бы туда. Но как?

Сколько разведчиков потеряли здесь свои погоны! Вот и сейчас кричит по соседству широкоплечий семиклассник. Доказывает, что не по правилам его «убили». Он бежал, а ему подножку подставили. Нечестно подставлять подножку. Жульничество это, а не война...

Но кричи не кричи — погоны сорваны, дело сделано. Семиклассник поплелся назад, грозя «подстрелившему» его противнику кулаком: погоди, мир объявят, я тебе дам...

«Нет, вставать нельзя, — подумала Эмма, — надо ползти. Мальчишки не умеют ползать, вот их и ловят. И большие они все, заметные. Разведчику лучше быть маленьким. А гири разведчику поднимать вовсе не обязательно. Хитрым надо быть и ловким».

...В штабе «синих» проходило большое совещание. Командующий Володя Масловский сидел в окружении командиров дивизий и полков. У входа стояли часовые. Вокруг штаба в три ряда охрана. Самые здоровые мальчишки, из кружка самбистов. Сунься попробуй! Не то что погоны — голову сорвут.

Да и сам генерал Володя Масловский не из робких. Боксом занимается. Третий разряд имеет.

Настроение у генерала было отличное. «Красные» наступают, но все это ерунда. Дивизия Витьки Новикова незаметно вышла в тыл противника и скоро как даст...

— Значит, так, — откашлялся генерал и ткнул карандашом в черную точку на карте. — Вот сюда мы и ударим...

Снег все валил и валил. И сосны шумели. За соснами прятались часовые. За каждым деревом разведчика подстерегала опасность...

«Надо как-то узнать, где часовые, — подумала Эмма. — Иначе не пройдешь».

Поднялась, шагнула. И вдруг хрустнуло что-то под ногой. Ветка! Рядом раздался тревожный окрик:

— Стой, кто идет?

Эмма замерла. «Все, — подумала, — сейчас поймают».

Но другой голос из-за другого дерева сердито шикнул:

— Ты чего орешь! Не разговаривать!..

— Да идут же...

— Приснилось вам, — прошептал третий.

— Разговорчики! — начальственно пробасил четвертый.

— Молчу... — вздохнул первый мальчишка.

И тогда Эмма увидела: совсем близко светится неяркий, почти незаметный огонек. Неужели штаб?

...Совещание кончилось. Командиры встали. Генерал бросил карандаш, потер руки.

— Значит, так, — весело сказал он, — так и сделаем. Пошли.

И в этот момент распахнулась дверь, кто-то пулей пролетел мимо ошарашенных часовых и по-кошачьи сиганул на плечи генерала.

Генерал рванулся в сторону. Эмма покатилась на пол. Но было уже поздно. Командиры с ужасом увидели в руках мокрой, взъерошенной девчонки погоны их главнокомандующего.

Генерал дернул себя за волосы. Хлопнул кулаком по столу и сел на пол рядом с девчонкой. И горько заплакал.

Эмме стало жалко его. И она тоже заплакала.

...А потом был парад. На краю поля выстроились войска. Главный судья объявил:

— Присваивается звание Героя игры «Штурм безымянной высоты» разведчице «красных» Эмме Зыглиной.

Эмма вышла вперед. Ей хотелось сказать, что она вовсе не разведчица. «Брысь!» — сказали ей. И все это она сделала от обиды, чтобы доказать...

— Поздравляю, — торжественно произнес Степан Васильевич и приложил руку к папахе.

И Эмма ответила так, как положено отвечать солдатам:

— Служу Советскому Союзу.

Гремела музыка. Шли победители — «красные», за ними плелись их недавние противники — «синие».

Командовали парадом Толя Мельников и Вова Масловский. Толя сиял, а Вова хмурился, вспоминал проигранную войну, свою нелепую «гибель».

Принимал парад Степан Васильевич. Он тоже что-то часто потирал глаза. Может, резал их яркий дневной свет. Или генерал вспоминал.

Вспоминал войну. Ту, которая далекая и настоящая...

В. ГРИНБЕРГ

г. Минск,
школа-интернат № 7.

ОТОВСЮДУ и ОБО ВСЕМ

Седи и песевы

Летом прошлого года в Гане были выпущены новые монеты. Теперь основная денежная единица молодого государства — седи, состоящая из ста песев. А ведь совсем недавно в Гане, как и во всех английских колониях, была иная система — двенадцатиричная. Здесь господствовал фунт стерлингов, состоящий из двадцати шиллингов. А каждый шиллинг делился на двенадцать пенсов.

Получив независимость, многие бывшие колонии Англии перешли на более удобную и общепринятую десятичную систему. Это уже произошло в Индии, Бирме, Пакистане, на Цейлоне, Кипре, в Сьерра-Леоне.

Англия оказалась наиболее консервативной страной. Она до сих пор сохраняет верность двенадцатиричной системе, существовавшей во многих странах еще в XVI—XVIII веках.

Интересно, что первой страной, перешедшей на новую систему, была Россия. В 1701—1704 годах Петр I ввел монетную систему, построенную по десятичному принципу: медная копейка — серебряная гривна (10 копеек) — серебряный рубль (100 копеек).

В XVIII веке новую систему приняли в США, затем во Франции, в XIX — в Германии и других странах.

М. МАКСИМОВ

Колодец-барометр

В Казахстане есть удивительный старинной кладки колодец — предсказатель погоды. Он и сейчас предупреждает чабанов о ненастье. Перед дождем, туманом или снегопадом колодец, выложенный известковыми плитами, втягивает, всасывает в себя воздух, а в погожий, сухой день выталкивает его наружу. Если в такой день бросить в колодец шапку, то струя воздуха вытолкнет ее обратно с большой силой.

Кто выносливее

Оказывается, температуру в 100° мороза переносят только кошки и гуси. Коренные обитатели студеной Арктики — белые медведи и тюлени — едва выдерживают минус 80°.

Черепашья демонстрация

Полицейский на главной площади Буэнос-Айреса был весьма озадачен, увидев вползающих на площадь черепах. Движение сразу же остановилось. Со всех сторон к черепахам бежали люди. А так как черепахи не спешили, то все успели прочесть лозунги, написанные у них на спинах. Черепах... арестовали. На следующее утро школьники принесли в полицейское управление завтрак для арестантов. Черепах скоро выпустили, а расследование показало, что остроумную демонстрацию организовали профсоюзы: они были возмущены тем, что власти так долго тянут с выполнением их требований.

С. ФРОЛОВ

Из скифских курганов

Уже более двух столетий ведут археологи раскопки скифских памятников. Высокие курганы да оплывшие валы городищ — вот все, что осталось от могучего и грозного народа, жившего в южнорусских степях в VIII—III веках до нашей эры...

Скифы часто любили украшать свое оружие, одежду и особенно конскую сбрую изображениями зверей, как бы магически наделяя вещь силой животного. На нашем снимке — деталь конской сбруи. Это костяной псалий, или трензель, скреплявший удила с ремнями оголовья. Псалий, украшенный головой барана, хранится в Государственном историческом музее в Москве.

В. ГУЛЯЕВ

Фото М. УСПЕНСКОГО.

СКАЗКА ВЗАПРАВДУ

Они объездили почти всю Прибалтику и Закарпатье. По дороге заглядывали чуть ли не в каждое большое старинное здание и обследовали его так, словно собирались там поселиться. Потом пожимали плечами и, вздохнув («Опять не то!»), держали путь дальше... А местные жители, глядя им вслед, толковали между собой: какой странный народ киношники, и как на них угодишь, если даже наш старый замок им не по вкусу!..

Гимнаст Тибул.

Одного из этих «странных людей» вы, наверно, знаете. Правда, до сих пор он не снимался в фильмах для детей. Но кому из юных любителей кино не знакома, хотя бы по афишам, фамилия Баталова?!

Конечно, артист и режиссер Баталов искал дворец не для себя. Старинный замок был необходим для киносъемки: группа готовилась к работе над фильмом по мотивам сказки-романа «Три Толстяка».

Книгу Юрия Олеши все вы, наверно, читали и, безусловно, помните ее персонажей: маленькую акробатку Суок, отважного канатоходца Тибула, жеманного учителя танцев Раздватриса... Сказочные и вместе с тем живые, расцвеченные свежими, прозрачными красками, образы Олеши как будто сами просятся на цветную кинопленку... О роли Тибула и об экранизации всей книги Алексей Баталов думал задолго до того, как начал работу над сценарием вместе со своим соавтором Михаилом Ольшевским. Воображению сценаристов рисовался веселый, искристый фильм, где одно происшествие стремительно сменяет другое, волнуя зрителя, как в приключенческой картине-детективе.

Сказке должны были поверить зрители и актеры. А

Суок.

Алексей Баталов в роли Тибула.

этому способствует убедительная естественность обстановки. Вот почему Баталову потребовался «всамделишный», а не бутафорский замок, настоящий — из камня, не из фанеры! — но все же сказочный город.

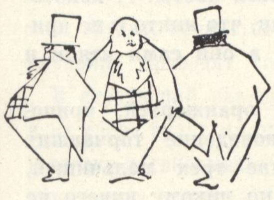

Доктор Гаспар Арнери.

Найти такой город оказалось нетрудно: что может быть причудливее старого Таллина с его средневековыми башнями, узкими улочками, с рыночной площадью, моментально преобразившейся в «рынок бычачьей печенки»?..

И дворец — старинный дворец, который так долго искали,— был в конце концов тоже найден не в далеком Закарпатье, а тут же, под Ленинградом, в Петродворце.

Теперь «группа «Трех Толстяков» приступила к непосредственной работе над фильмом... Правдивость и искренность — вот к чему стремились все его участники, невзирая на возраст и стаж: и школьница Лина Брадните — Суок и друг Шаляпина, восьмидесятилетний артист Александр Александрович Орлов, превосходно исполнивший роль старого клоуна.

Три Толстяка.

...Но, как бы ни было правдиво кино, это все же кино—без некоторых хитростей здесь не обойтись! Да и как же иначе? Разве мог бы подняться в воздух на игрушечных воздушных шарах земной, весомый человек — Карнаухов?.. И вот в кадрах полета артиста подменяют механизированной куклой, неотличимо похожей на живого «продавца шаров»... Кукла, а не человек взлетает в небо на больших разноцветных шарах, переливчатый блеск которых так великолепно показал оператор фильма Сурен Шахбазян.

Все это — и шары и игрушечного продавца — вы увидите на экране. Не увидите вы лишь того, что случилось на съемках минутами позже... А случилось вот что: как в сказке Олеши, ветер подхватил шары и «продавца» и умчал далеко за море... И хотя это была всего-навсего кукла, участники фильма с огорчением смотрели, как фигурка с шарами становится все меньше и меньше, как исчезает за горизонтом...

Тутти.

«Продавец шаров» улетел, видимо, в Швецию. Может статься, в каком-нибудь тамошнем рыбацком поселке до сих пор рассказывают истории о «звездном человеке», пролетавшем над морем... А может быть, шведские ребята нашли на берегу большую заводную куклу и играют с ней, даже не подозревая, что она прилетела к ним прямо из сказки.

Ю. НОВИКОВА

ТРИ ОКНА

Драган ЛУКИЧ

Три окна, как три картины,
На стенах моей квартиры.
Три больших,
Три цветных,
Три живых
Картины.

Каждый день
Моя семья
Смотрит их.
Смотрю и я.

Первая картина —
Высоченный клен.
Если дует ветер,
Кланяется он.

На второй картине —
Голубятни, крыши.
Мы их видим потому,
Что наш дом повыше.

Вот картина третья —
Новый дом большой.
Он один полнеба
Заслонил собой.

Три окна, как три картины,
На стенах моей квартиры:
Пестрые — дневные.
Темные — ночные.

Перевел с сербского Ю. Вронский.

МАКИ НА СНЕЖНОЙ ВЕРШИНЕ...

Было раннее утро. Ветер ворошил сухой снег, раскачивая калитки, и они невесело скрипели.

По окраине чешского городка Брандиса быстро шагали трое мальчишек. Каждый нес по большому бумажному свертку. У одного из мальчишек сверток чуть приоткрылся, и оттуда выглянуло что-то красное.

Мальчишки торопились. Они направлялись в горы и боялись встретить кого-нибудь из взрослых. Тогда все пропало. Не пустят же, ясное дело. Такая погода, скажут, а вы в горы!

Им повезло: никто из взрослых не высунул в этот ранний час носа на улицу. Мальчишки беспрепятственно покинули город.

Их путь лежал к небольшой вершине, повисшей над городом. Путь, собственно, не очень далекий, если идти напрямик. Но напрямик нельзя: склон обледенел, свалишься вниз. Пришлось идти в обход — через лесок и небольшое болотце, мимо ущелья, по дну которого петляет узенькая, как шнур, но удивительно быстрая речушка.

Очень скоро носы у путешественников стали синими, но они не обратили на это внимания, потому что еще было темновато.

Когда они, наконец, взобрались на вершину, чуть рассвело. Мальчишки развязали свертки и положили их содержимое у серого, заиндевевшего постамента памятника. Немного постояли и стремглав бросились вниз: надо было успеть позавтракать и не опоздать в школу.

В то утро многие жители города останавливались и с удивлением смотрели на заснеженную вершину. Там, у памятника погибшим советским воинам, в лучах холодноватого зимнего солнца горели огненные маки...

Взрослые вспоминали, что сегодня как раз годовщина гибели солдат, и гадали, кто же это успел раньше всех принести цветы. А некоторые малыши даже уверяли, что никто и не приносил на вершину маки, а они сами взяли и выросли на снегу.

И только заведующий оранжереей, припоминая подозрительное поведение торчавших весь вечер в его хозяйстве трех мальчишек, кое о чем догадывался, но никому ничего не говорил...

С ПОМОЩЬЮ ЛЬВА...

Ахмеду больше всего на свете любит бегать. Но на беговую дорожку его не пускают. Говорят: маленький, ноги у тебя слабые, да и вообще нос не дорос.

И всегда на соревнованиях от их отряда выступает Абенда. И чего в нем нашли? Толстый, неповоротливый и к тому же ленивый. Всегда позади всех плетется. Ахмеду не жаль Абенду. Так ему и надо. Но обидно за свой отряд.

Подходили новые соревнования на самый большой приз. Должны были съехаться ребята чуть не из всего Бамако. Шутка ли, соревнования на приз столицы Мали! И Ахмеду стал думать, как же сделать так, чтобы Абенда все-таки хоть раз пришел первым. Может, взять бамбуковую палку, бежать с Абендой рядом и подгонять его?

Долго думал Ахмеду, и вдруг его осенило. Он вспомнил, что Абенда, помимо всего прочего, еще и большой трус, и ему сразу стало ясно, что нужно делать.

Он пошел домой и попросил у отца разрешения взять на соревнования старый граммофон с большой трубой.

Ахмеду устроился с граммофоном за деревом неподалеку от старта. Поставил пластинку, приготовился...

Бегуны вышли на старт. Судья поднял флажок. Ахмеду запустил пластинку. За спинами спортсменов раздалось могучее рычание льва. Как только Абенда услышал голос царя зверей, он рванулся с места и ракетой помчался вперед. Куда девались лень и нерасторопность! Первым сорвал ленточку финиша, но не остановился, полетел дальше.

Говорят, в этот день Абенда установил мировой рекорд. Жаль, что его не засчитали. Судья тоже оказался не из храбрых. Голос

Ахмеду с друзьями в Артеке.

льва и его вогнал в дрожь, он бросил секундомер и помчался вслед за рекордсменом.

Только тренер команды бегунов остался на месте. Он все понял. На следующих соревнованиях место на беговой дорожке занял Ахмеду...

НА ПОМОЩЬ ПРИХОДИТ СМЕКАЛКА...

Нелегко быть юным тельмановцем в Западном Берлине. Официально власти вроде бы и не запрещают им собираться вместе, проводить сборы, но попробуйте только соберитесь — полиция тут как тут.

К тому же полицейским помогают еще и всякие молодчики из тех детских организаций, к которым власти благоволят, сынки недобитых фашистов и прочие. Ну, с молодчиками-то проще. С ними разговор простой. Юные тельмановцы не хлюпики, у них руки сильные. А вот как быть с полицией?

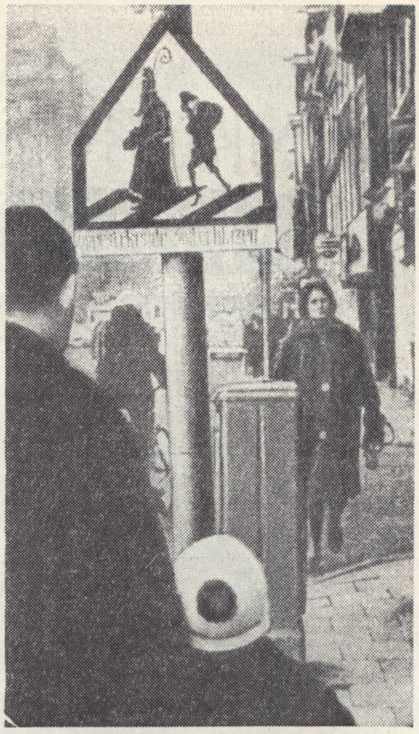
На помощь приходит неистощимая ребячья смекалка.

Вот стоит полицейский на посту и видит, идет группа ребят. Похоже, тельмановцы. Так. Надо за ними проследить. Куда это они идут? Ага, в парк. Пойду за ними. Ясное дело, опять сборище хотят устроить. Сейчас я их!

Но ребята уходят из парка и бредут к набережной. Полицейский за ними. От набережной мальчишки сворачивают в одну улицу, потом в другую. Полицейский злится, но не отстает. Не позволит же он этим соплякам измотать его!

И бродит, бродит весь вечер. А другие ребята в это время спокойно проводят сбор.

В следующий раз они будут водить за нос полицейского, а на сборе будут их друзья, те, что сейчас бродят по улицам и дерзко насвистывают веселые песенки, дразня незадачливого блюстителя порядка...

Внимание, идет Санта-Клаус! Не правда ли, интересный дорожный знак? Такие знаки появляются на улицах Голландии перед Новым годом. Это для того, чтобы Дед Мороз — Санта-Клаус — мог побыстрее разнести подарки всем ребятам.

СЕКРЕТЫ «ВИХРЯ»

Венгерские пионеры любят придумывать для своих звеньев всякие необычные названия. Есть звено по имени «Белка». В нем собрались мальчишки, которые здорово умеют лазить по деревьям. Звено «Сокол» — это будущие космонавты и летчики. Звено «Огонь» — быстрые, энергичные ребята, помогающие к тому же пожарникам.

Газета «Пайташ» рассказала на своих страницах еще об одном любопытном звене. Действует оно в поселке Шарбогар, называется «Вихрь». Девиз его — «Делай все стремительно, но об этом никому ни гу-гу».

Штаб звена разместился в густых зарослях бузины. Не просто его отыскать, но если уж наберетесь терпения и найдете шалаш штаба, непременно увидите записку: «Пожалуйста, садитесь. Мы скоро будем. Звено «Вихрь».

Надо было одной старушке перенести в сарай уголь. Не успела бабуся на крыльцо выйти, все было сделано. А в другой раз пришли каменщики на стройку Дома пионеров и смотрят, все готово к работе: кирпич поднесен, раствор приготовлен...

И никто не знает в поселке, кто же состоит в этом «Вихре». Правда, поговаривают, что в звене собрались мальчишки, и среди них лишь одна девочка. Ее приняли потому, что она не болтлива, как другие девчонки. И к тому же так здорово помогала одному пареньку, что спасла его от неприятной участи просидеть второй год в одном классе.

Много у звена всяких планов, задумок. Но густые заросли бузины надежно стерегут их секреты. И до поры до времени никто в поселке о них ничего не знает...

Звуковое чудо

...Слышны отдаленные раскаты грома. Вот он гремит все сильнее и сильнее, сверкают молнии, начинается ливень, шум дождя все усиливается. Но постепенно стихает ураган, выглянуло солнышко, и капли дождя засияли под его лучами.

Звучит Шестая симфония Бетховена.

Прислушайся! Гром изображают литавры. Шум дождя передают контрабасы и виолончели. Скрипки и флейты играют так, что кажется, будто бешено завывает ветер.

Исполняет симфонию оркестр.

Симфонический оркестр. Его называют звуковым чудом: он может передать самые различные оттенки звуков.

В симфоническом оркестре, как правило, больше ста инструментов. Музыканты сидят в строго определенном порядке. Так дирижеру удобнее управлять оркестром.

На переднем плане располагаются струнные инструменты. Они как бы ткут основу музыкальной ткани, на которую наносят краски-оттенки своим звуком другие инструменты: флейты, гобои, кларнеты, фаготы, трубы, валторны, тромбоны, и ударные— барабаны, литавры, тарелки.

Основные инструменты симфонического оркестра ты видишь на рисунке. Иногда композитор вводит инструменты, которые обычно не входят в состав симфонического оркестра. Это может быть орган, рояль, колокола, бубны, кастаньеты.

Ты, наверное, слышал «Танец

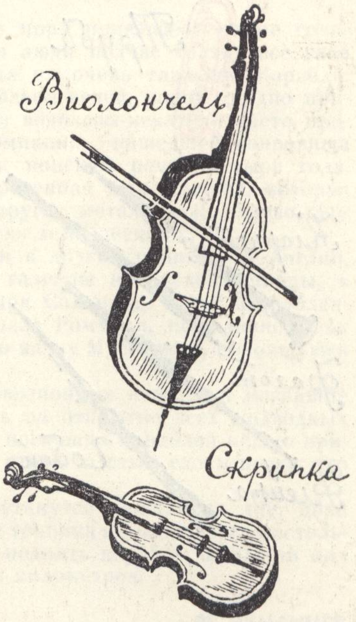

с саблями» из балета Арама Хачатуряна «Гаянэ». Одну из главных мелодий в этом танце исполняет саксофон. Впервые в симфонический оркестр саксофон вошел только в прошлом веке, и с тех пор он часто звучит в симфонических произведениях.

Музыкальные инструменты появились много столетий назад. Самые старые из них ударные — барабаны, тамтамы, литавры — были уже у первобытных людей. Конечно, инструменты с течением времени меняются. Так современные литавры очень отличаются от своих предков. Если раньше это был железный котел, затянутый шкурой животного, то теперь литавры делают из меди, затягивают пластиком, делают винты, позволяющие точно их настраивать.

В симфоническом оркестре ударные — основа музыкального ритма. Их используют также для изображения грома, ливня, орудийных залпов, торжественной поступи войск на параде и т. п. Они придают звучанию оркестра силу и мощь.

Некоторые думают, что играть на ударных инструментах совсем нетрудно. Ударил, скажем, тарелками там, где нужно,— и все. На самом деле игра на таком простом с виду инструменте требует большого мастерства. Тарелки звучат по-разному. Это зависит от того, с какой силой по ним ударять. Звук их может быть и пронзительно громким и подобным шелесту листьев. В некоторых произведениях тарелки исполняют сольные партии. Например, в увертю-

ре-фантазии Чайковского «Ромео и Джульетта» они ведут мелодию, передающую вражду двух семейств — Монтекки и Капулетти.

Часто тарелки путают с литаврами. Но на литаврах играют совсем по-другому, ударяя по ним палочками, обитыми войлоком.

Пожалуй, лучше всего тебе знакомы духовые инструменты. Многие из них ты, наверное, видел и слышал, как они звучат.

Из сказок и легенд мы иногда узнаем историю возникновения инструментов. Так, в одном древнегреческом мифе говорится о том, что бог лесов и полей, покровитель пастухов Пан полюбил нимфу Сиринкс. Пан был очень страшен — с копытами и рогами, покрытый шерстью. Красавица нимфа, спасаясь от него, обратилась за помощью к речному богу. И тот превратил Сиринкс в тростник. Из него Пан сделал сладкозвучную флейту.

Пастушеская тростниковая дудочка — самый первый духовой инструмент. Правнуки этой дудочки — флейты, фаготы, кларнеты и гобои. Эти инструменты отличаются друг от друга по внешнему виду, и звучат они по-разному.

Обычно в оркестре за ними на заднем плане располагаются медные духовые инструменты.

Давным-давно люди заметили, что если подуть в раковины или рога животных, то они могут издавать музыкальные звуки. Потом из металла стали делать инструменты, похожие на рога и раковины. Прошло очень много лет, прежде чем они стали такими, какими ты видишь их на рисунке.

Медных инструментов в оркестре тоже много. Это и тубы, и валторны, и тромбоны. Самый большой из них — туба. Этот инструмент, поющий басом,— настоящий великан.

Посмотри теперь на трубу. Она очень похожа на пионерский горн. Когда-то труба звала воинов в бой, открывала праздники. И в оркестре ей сначала поручались несложные сигнальные партии. Но потом усовершенствовались мундштуки, и трубу все чаще и чаще стали использовать как сольный инструмент. В балете П. И. Чайковского «Лебединое озеро» есть «Неаполитанский танец». Если ты услышишь его, обрати внимание, какое блестящее соло исполняет там труба.

А если все медные инструменты звучат вместе, получается мощная и величественная мелодия.

Но больше всего в оркестре струнных инструментов. Только одних скрипок несколько десятков, а еще есть вторые скрипки, виолончели и контрабасы.

Струнные инструменты — самые главные. Они ведут за собой оркестр, исполняя основную мелодию.

Скрипку называют королевой оркестра. Для скрипки написано множество специальных концертов. Ты слышал, конечно, о великом скрипаче Паганини. В руках этого волшебника-музыканта маленькая, изящная скрипка звучала, как целый оркестр.

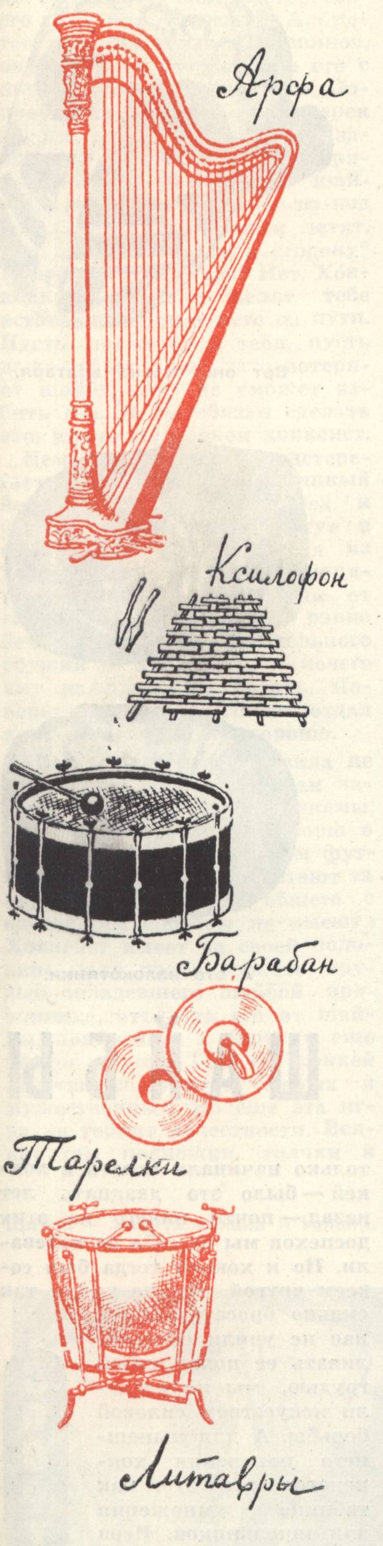
Родилась скрипка в Италии, в городе Кремоне. Скрипки лучших итальянских мастеров Амати, Гварнели, Страдивари и русских И. Батова, А. Лемана до наших дней считаются непревзойденными.

Теперь ты немного знаешь о музыкальных инструментах симфонического оркестра. Когда будешь слушать музыку, постарайся различить инструменты «по голосу».

Конечно, сразу это, может быть, сделать трудно. Но вспомни, как ты учился читать, как начинал с маленьких, простеньких книжек, а потом взрослел, узнавал все больше и больше и стал читать серьезные, умные книги.

Музыку тоже нужно учиться понимать. Если ты сам не играешь, старайся почаще слушать ее, и музыка откроет тебе свои тайны, свой волшебный и сказочный мир.

Н. ЕЛИСТРАТОВА

СОКРОВИЩА ПОГИБШИХ КОРАБЛЕЙ

В 1715 году жестокий шторм разбил о рифы десять галеонов испанского короля Филиппа V. Это произошло у берегов Флориды, недалеко от мыса, носящего теперь имя Кеннеди. Галеоны входили в состав знаменитого «Серебряного флота», перевозившего королевскую казну, и на борту их находились несметные сокровища, награбленные испанцами в колониях Нового Света.

И вот недавно группа американских кладоискателей обнаружила часть сокровищ «Серебряного флота». Драгоценные камни, слитки серебра и золота, сундуки, полные старинных монет,—о такой богатой находке на морском дне люди не слыхали уже целых триста лет! Историческая же ценность находки была ни с чем не сравнима.

Но клад «Серебряного флота»—лишь крупица сказочных богатств, которые еще скрыты на дне океана. А сколько сокровищ припрятано пиратами и грабителями военных лет! До сих пор не найдены многие ценности, награбленные гитлеровцами. Это двадцать три тысячи килограммов золота в слитках, похищенные фашистами из банка Чехословакии, пятьсот пятьдесят миллиардов марок в золоте из бельгийского банка, миллиард сто миллионов марок, отобранных оккупантами у гражданского населения... Часть этих ценностей была найдена в контейнерах, извлеченных со дна высокогорного австрийского озера Теплицзее. Куда же девались все остальные богатства? Уж не лежат ли они в глубине океана, в трюме корабля, специально пущенного ко дну?

Но вернемся в бассейн Карибского моря. Известие о флоридской находке вызвало в США настоящую «золотую лихорадку». Изданные огромным тиражом «Справочник для искателей морских сокровищ», атласы и карты с перечнем затонувших кораблей были распроданы буквально за несколько дней. Авторы указывали читателям десятки пунктов Карибского моря, где, по их мнению, покоятся клады, не уступающие кладам «Серебряного флота». Кроме того, «Справочник» перечислил тысячу кораблекрушений в других морях и океанах. Этот необычный путеводитель по морскому дну сообщил, что в трюмах полутора тысяч судов, затонувших в четырехстах восьмидесяти точках земного шара, находится золото и драгоценности на сумму, превышающую сто миллионов фунтов стерлингов. И основная масса сокровищ лежит на трассах старых торговых морских путей Испании.

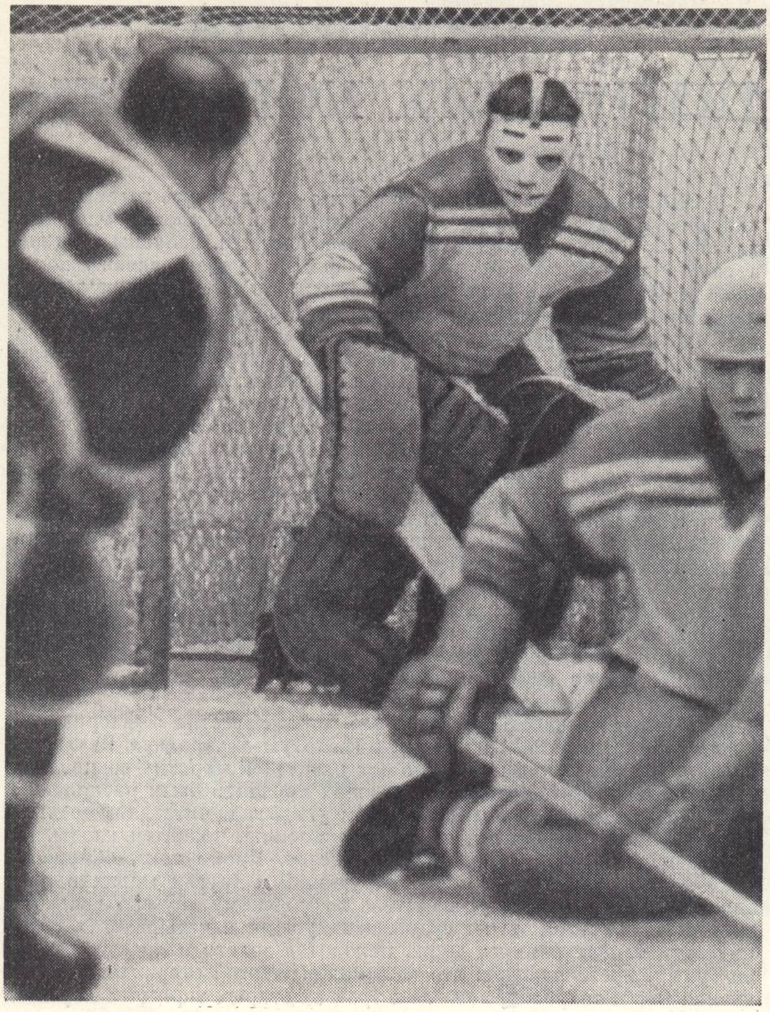
Ежедневно к берегам Карибского моря приезжают новые группы охотников за сокровищами. Эти люди подчас тратят все свое состояние на поиски кладов. Работа их очень тяжелая. Корабли, пролежавшие на морском дне несколько веков, порой трудно принять даже за какие-либо обломки, и водолазы-искатели часто проплывают мимо них. Владельцы компании, нашедшей сокровища «Серебряного флота», готовились к поискам почти четыре года. Огромные средства поглотила изобретенная ими машина, которая помогала отыскивать золото среди других металлов. Недешево обошелся и прибор для переброски тысяч тонн песка.

Охота за сокровищами ведется и в других районах. В Англии, в заливе Тобермори, разыскивают галеоны испанской армады, в Южной Италии—ценности храма царя Соломона. Ищут награбленное золото фашистского фельдмаршала Роммеля, затопленное, как полагают, у берегов Корсики, личную казну Муссолини, покоящуюся на дне итальянского озера Комо.

Но, несмотря на подводные телевизионные камеры и новейшие электронные искатели, рассчитывать на открытие всех подводных кладов не приходится. Большинство погибших кораблей нашло приют на таких глубинах или засыпано столь толстым слоем песка, что поиски их почти безнадежны.

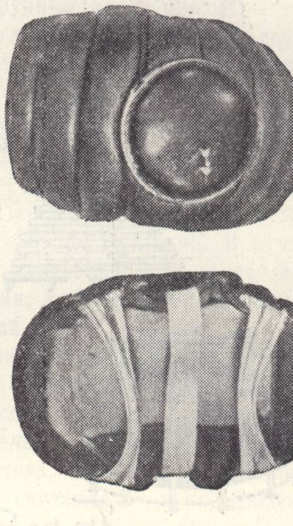
Наверное, эти корабли так и останутся лежать на дне, пока водолазная и аварийно-спасательная техника не разовьется настолько, что можно будет обнаружить и поднять корабль, лежащий под водой даже на глубине в несколько километров.

Ф. РУМЯНЦЕВ

Вот она, маска вратаря.

А это налокотники.

РЫЦАРИ ЛЬДА И ШАЙБЫ

Нападающий «Спартака» Евгений Зимин в нагруднике и наплечниках.

А ведь и правда, когда смотришь на все эти хоккейные доспехи или на снаряженного к спортивной битве вратаря, сразу приходят на память латы и кольчуги, только сделаны они не из металла, как когда-то, а из легких синтетиков.

Человек, мало знакомый с хоккеем, увидев множество защитных приспособлений, которые должен надеть на себя игрок, может сказать: «Подумаешь, неженки какие! И за что только называют хоккей игрой мужественных и отважных? В такой броне ни мужества, ни отваги не нужно...»

Между прочим, когда мы только начинали играть в хоккей — было это двадцать лет назад,— почти ничего из этих доспехов мы на себя не надевали. Но и хоккей тогда был совсем другой. Мы не умели так сильно бросать шайбу, нас не учили останавливать ее полет своей грудью, мы не владели искусством силовой борьбы. А для нынешнего поколения хоккеистов все это, как таблица умножения для школьников. Игра стала намного быстрее, жестче, атлетичней.

СПОРТ

Шайба — это маленький и твердый снаряд из резины. Если ее бросит такой мастер своего дела, как Александр Альметов или Вячеслав Старшинов, она летит со скоростью в сто с лишним километров в час. Попробуй-ка встань ей поперек дороги, если ты ненадежно защищен! Или вот мчится прямо на тебя противник с шайбой, мчится так, что из-под коньков у него брызги летят. Что делать? Отойти в сторону? Уклониться от удара? Нет. Хоккейные правила велят тебе встать заслоном у него на пути. Пусть врежется в тебя, пусть даже собьет с ног, зато потеряет шайбу, зато не сможет забить гол. И ты обязан сделать это, иначе ты плохой хоккеист.

Немало опасностей подстерегает игроков. И деревянный борт поля, и жесткий лед, и стремительная шайба могут в один момент превратиться из друзей во врагов. И хоть защищен спортсмен доспехами от синяков и шишек, все равно без главного и обязательного оружия — храбрости — нечего ему на площадке делать. Поверьте мне: я много лет отдал хоккею и знаю это хорошо.

Ни в одной игре правила не разрешают спортсмену так часто применять силовые приемы, как в хоккее. (Я не говорю о скетче и об американском футболе. Эти «игры» процветают за океаном, но ничего общего с настоящим спортом не имеют.) Хоккеист имеет на своей половине поля право толкать грудью овладевшего шайбой противника, оттирать его от шайбы, прижимать к борту и еще многое другое. Так что хоккей действительно игра смелых и мужественных. Но еще эта игра не терпит нечестности. Всякие там подножки, толчки в спину и другие неблаговидные способы борьбы запрещены строго-настрого. И тут в строгости тоже ни одна игра не может сравниться с хоккеем. Судите сами. Вот, скажем, подставил футболист ножку или применил еще какой-то недозволенный прием. Что за это полагается? Штрафной удар, и ничего больше. А у нас в хоккее так: нарушил правила — отправляйся на скамью штрафников. И остается команда в численном меньшинстве. И твои друзья будут две долгих минуты обороняться вчетвером против пятерых противников. И очень часто твой проступок приводит к голу в твои ворота, который потом так трудно отыграть. А если твоей команде и удалось отбить атаки, пока ты там «отдыхал», все равно каждому из них в это время выпала доля твоих трудов, истрачены те силы на это, которых так часто не хватает в конце матча.

И выходит, что человеку, не умеющему вести честную борьбу, себялюбцу и эгоисту, тоже не стоит браться за клюшку. Вот прежде всего почему, а вовсе не из-за доспехов я называю свою любимую игру хоккей рыцарской игрой.

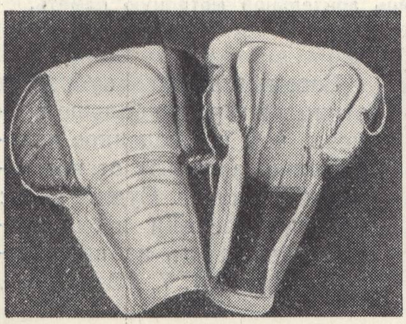
...Зима. Каждый день мои ребята — московские спартаковцы, которых я тренирую, собираются на занятия. Все они совсем разные и ни в чем не похожие друг на друга. От маленького Жени Зимина до богатырски сложенного Алеши Макарова, от флегматичного Славы Старшинова до вспыльчивого Жени Майорова. Пройдет несколько минут, и они выедут на лед в своих хлорвиниловых латах под красными спартаковскими рубашками, в шлемах, вооруженные клюшками. И тотчас у всех у них, таких разных и непохожих, появится нечто общее, какая-то роднящая всех черта. Форма? Нет, не форма. Что же тогда? Да то, что все они уже не только Женька, Лешка или Славка. Теперь они верные и бесстрашные рыцари. Рыцари льда и шайбы.

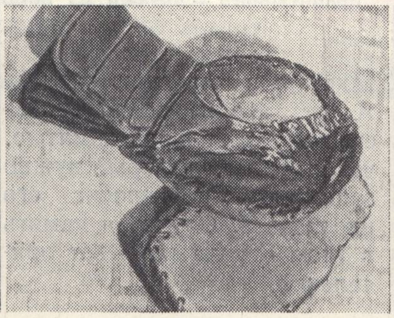
Вратарь облачается в свои доспехи.

Всеволод БОБРОВ,
заслуженный мастер спорта

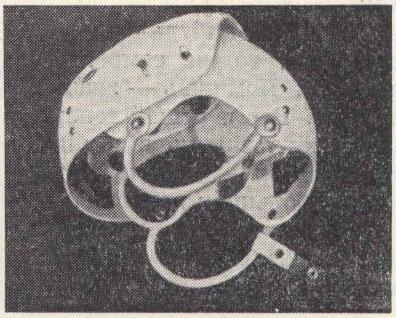
Фото А. БОЧИНИНА.

Щитки — защита колена и голени.

Перчатка вратаря с сеткой для задержания шайбы.

Шлем игрока, охраняющий от ударов о борт и лед.

ПАМЯТЬ

Ты даже представить себе не можешь, какую важную роль в нашей жизни играет память. Если бы мы вдруг утратили ее, ох, что бы тогда получилось!.. Мы с тобой не нашли бы дороги в школу и не узнали бы своего дома. Мы бы не смогли читать, и писать, и понимать, что нам говорят, и сами бы моментально разучились говорить. И одеться, и купить в булочной хлеба, и подогреть себе обед — ничего бы уж не сумели.

Мы просто не замечаем, что память каждую минуту оказывает нам величайшие услуги.

Вот, к примеру, чтобы понять, что ты сейчас читаешь, тебе надо помнить, что означает каждая буква и каждое слово. Это раз. Чтобы осмыслить каждую фразу, нужно держать в уме все слова, составляющие ее. Чтобы понять прочитанное, надо помнить главные мысли текста. Это три.

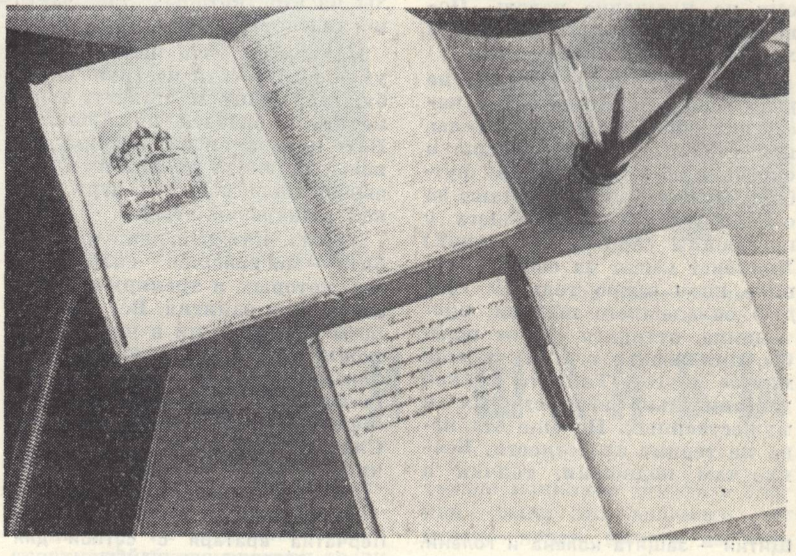
Знать что-нибудь — это, по существу, то же самое, что помнить. Помнишь — значит, знаешь. Вот и решай теперь, как важна память в учении, где главное — узнавать, узнавать побольше и получше.

А раз так, то нам надо знать побольше о своей памяти.

Какая она бывает, память?

Запоминая дорогу, мы пользуемся зрительной памятью; запоминая рассказ учителя, — слуховой; учимся работать рубанком — двигательной, или, как говорят ученые, моторной памятью.

Взрослые обычно знают, какая из этих трех видов памяти у них больше развита. И стараются пользоваться этим. Человек с неважной слуховой памятью, слушая важное сообщение, записывает основные мысли на бумаге, включая в работу зрительную и моторную память. А тот, кто не может похвастаться зрительной памятью, читая текст, который нужно запомнить, произносит его вполголоса. Слуховая память в этом случае помогает зрительной.

Ты читаешь учебник или книгу. Запиши основные мысли, составь план прочитанного — включи на помощь зрительной моторную память.

Понаблюдай за собой, исследуй, какой вид памяти у тебя лучше развит, и учись применять ее при запоминании.

Память бывает механическая и смысловая.

Если мы вызубриваем что-то, не пытаясь вникнуть в смысл того, что заучиваем, мы полагаемся лишь на механическую память., Если же, запоминая, стараемся понять содержание, выделяем смысл одной части и другой, значит, мы призываем на помощь смысловую, или, как ее называют, логическую память.

Бессмысленная зубрежка отнимает гораздо больше времени, чем осмысленное запоминание, а польза от нее самая пустяковая. Судите сами: сколько времени и сил придется потратить на выучивание цифр 1, 4, 7, 10, 13, 16,

19, 22, 25, 28, 31, 34, 37.

Но стоит только сообразить, что весь этот ряд построен на том, что к каждой следующей цифре просто-напросто прибавляется тройка, запомнить его не составит ни малейшего труда!

К тому же забывается вызубренное куда быстрее, чем осмысленный материал. Опыты психологов показали, что бессмысленные слоги, заученные механически, через восемь часов забываются наполовину, а половина слов, которые запоминались осмысленно, стирается из памяти лишь спустя сто дней!

Значит, долой зубрежку!

Стараясь запомнить заданное на дом, мы не будем повторять материал механически, а попытаемся расширить содержание главы из учебника, попробуем осмыслить его, связать с теми знаниями, которые у нас есть.

Хорошо при заучивании составить краткий план и записать его на листочке или в тетрадке. Тут мы пользуемся и зрительной и моторной памятью. А ученые нашли, что всякий материал удерживается в голове гораздо лучше, если в запоминании участвовали все виды памяти.

А еще помогает повторение выученного. Как новая дорога, если по ней пройти дважды, трижды, становится все более знакомой, все более проторенной нами, так и при повторении происходит проторение путей. Как долго удерживается в памяти то, что мы заучивали? Ученые вот что обнаружили: четвертая часть заученного забывается через день, в следующие три дня — еще десятая часть, шесть дней спустя — еще четыре процента, через двадцать — еще три процента. Выходит, заученное забывается быстрее всего сразу после заучивания. Значит, повторять материал надо вскоре после того, как мы заучивали его.

Великое правило! Но прежде чем снова читать или слушать то, что мы хотим вспомнить, нужно постараться припомнить все, что мы уже усвоили. Когда мы активно вспоминаем материал, это помогает лучшему запоминанию. Кроме того, повторяя, обратите особое внимание на то, что было упущено, на ошибки своей памяти.

А как запоминать новое? Надо ставить себе внутреннее условие: запоминаем не до завтра, когда нас могут спросить, а навсегда. Вот какой интересный опыт провели ученые: однажды они предложили школьникам запомнить два рассказа. При этом сказали: один из них надо будет пересказать завтра, а другой — через много дней. На самом же деле проверку обоих рассказов провели через месяц. Оказалось, что второй рассказ все запомнили гораздо лучше, чем первый.

Выходит, что такая простая вещь, как внутренний приказ себе запомнить надолго, много значит!

И еще одно важно: не стоит браться заучивать новое стихотворение или главу из учебника лежа на диване, развалясь на стуле. Дело не пойдет на лад. Если же сесть за стол да еще настроить себя на запоминание, работа будет гораздо продуктивней. Можно и здесь сослаться на опыт, проведенный психологами.

Один ряд бессмысленных слогов ребята запоминали полулежа в мягких удобных креслах, другой, точно такой же по сложности, — сидя за партами в рабочей позе. Результаты опыта превзошли все ожидания. Во втором случае ребята запомнили слоги вдвое быстрее и лучше.

На прощание даем тебе задание: постарайся покрепче запомнить все, о чем мы сегодня говорили, и не забывать.

Видишь, как стерлись в памяти мальчишки, нарисованного на этом плакате, некоторые цифры? Чтобы запомнить все четко, повторяй почаще выученное.

Все на свете случается однажды и вдруг. Однажды происходит что-то веселое и однажды — грустное...

Шел как-то раз наш Смехотрон по улице и вдруг нечаянно услыхал у себя за спиной разговор двух незнакомых девчонок.

— Посмотри, какой смешной идет человек! — сказала одна.

— Да. И смешной и некрасивый. Фу! — сказала другая.

Обе они рассмеялись и стали наперебой выдумывать прозвища и наделять всякими смешными словечками того, кто показался им смешным и некрасивым.

— Он как бочонок. Бочонок на тоненьких ножках!

— А голова-то! Кастрюля какая-то!.. Чучело!

«Интересно, над кем же это так смеются?» — думал в это время Смехотрон и все оглядывался по сторонам.

«Стоп! Неужели же это я некрасивый?» И Смехотрон удивился и от удивления подпрыгнул на месте. Девчонки от этого развеселились пуще прежнего. Они еще долго хохотали, глядя на то, как улепетывает от них без оглядки этот смешной и некрасивый. Бежали за ним и кричали ему:

— Подождите, подождите! Мы хотим еще на вас посмотреть!

Смехотрон бежал прочь и думал: «Конечно, я люблю, когда смеются вместе со мной. Тогда и всем и мне весело. Но когда надо мной смеются,— это печально. И я не хочу, просто не желаю быть посмешищем. Я весельчак, а не пугало...»

Так думал он на бегу, стараясь поскорее удрать от девчонок, и наконец это ему удалось. Он вернулся в редакцию и с горя заперся в стенном шкафу, где лежат кое-какие инструменты и валяется всякий хлам: сломанные вентиляторы, старая пишущая машинка и еще разные другие полусломанные вещи, которые для редакции уже не нужны, а для Смехотрона это любимые игрушки.

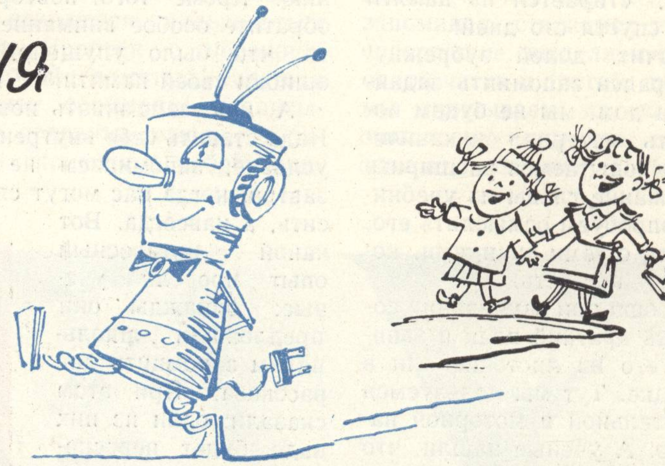
В шкафу Смехотрон включил свою носовую лампочку и тут же увидел свое грустное отражение на боку старого никелированного электрочайника. Ах, если бы он умел плакать!

Но плакать он не умел. И Смехотрон погасил лампочку, чтобы не видеть себя. И тогда во тьме и от печали в душном и тесном стенном шкафу родилась у него одна мысль.

ПРЕВРАЩЕНИЯ СМЕХОТРОНА

Рисунки

А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА.

«Если я некрасивый,— подумал он,— то ведь я могу стать иным... Я буду настоящим красавцем, и никто не сможет надо мной смеяться. Сейчас я примусь за дело».

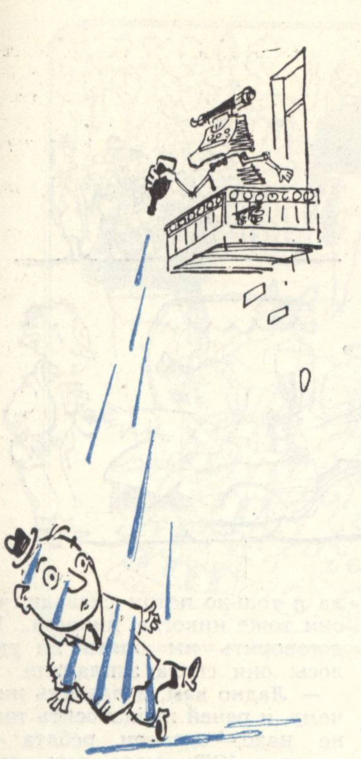
Из-за дверцы шкафа можно было услыхать множество разнообразных звуков: странную возню, пыхтение, металлический лязг, звяк и скрежет. Но происходило все это в воскресенье, когда журнал не работает, вот и некому было увидеть то, как раскрылась дверца и...

И вышло в комнату странное, даже страшное, почти чудовищное существо, наскоро сконструированное из мало подходящих одна к другой частей. Два вентилятора медленно вращали резиновые лопасти по бокам головы, а головой была старая пишущая машинка. Туловище, руки и ноги напоминали прежнего Смехотрона, но это был вовсе не он. Чтобы в этом убедиться, стоило лишь послушать:

— Не желаю я больше быть добрым, если я только смешон и живу всем на потеху. Смеетесь надо мной? Ну, так и не стану я больше помогать тем, кто попал в беду. Сам буду всех обижать!.. Вот какой я теперь буду!

Тут пишущая машинка — его голова — страшно застрекотала, дернулась и пошла сама печатать никому не понятные, но все же страшные слова и бессвязные предложения. Чудовище, которое раньше было добрейшим Смехотроном, принялось действовать. Оно раскрыло окно и, взяв бутылку чернил, замерло в ожидании. Долго ждать не пришлось: скоро внизу появился неизвестный старичок в светлом пальто. Миг, другой — и раздался оглушительный вопль. Это кричал тот старичок, а его светлое пальто приняло вид леопардовой шкуры, если, конечно, возможно представить фиолетового леопарда... А чудовище спрыгнуло с подоконника и захлопнуло окошко, а потом снова спряталось в шкаф и еще через полчаса явилось уже в новом обличье...

Теперь оно состояло из машины для натирания полов и двигалось при помощи вращающихся по полу щеток, а потому вертелось вокруг самого себя. На тонкой ручке была насажена прежняя голова Смехотрона, однако вместо лампочки-носа красовался иной нос — телефонный циферблат. Существо номер два стало крутить пальцем свой собственный нос и вызвало пожарную охрану, завопив визгливым и неприятным голосом:

— Скорее! Пожар! Высылайте машины!

— Машины высылаем,— ответили ему,— но где горит?

— Как это где? Горят Чистые пруды, и пылает Москва-река!

— Ах ты, хулиган!— ответили бывшему Смехотрону и бросили трубку.

Существо номер два только весело расхохоталось, а затем

отправило по несуществующим адресам пять машин «Скорой помощи» да еще сообщило директору цирка о том, что представление отменяется, потому что захромал слон. А слон захромал потому, что наступил на ежа...

Вот что случилось вдруг: по городу бесполезно метались медицинские машины, страшный переполох возник в цирке, и чуть не сорвалось вечернее представление. Бедный старичок плакал в конторе «Химчистки», а существо номер два тем временем времени даром не теряло и постепенно превращалось в стенном шкафу в существо номер три. О, вот уж это было совершенно необыкновенное что-то: туловище из той самой скрежещущей машинки, голова прежнего Смехотрона, но с телефонным диском, сверху еще украсилась чайником, сквозь который торчали антенны. Ручки-ножки были прежние — Смехотроньи, а на спине работали два вентилятора, и чудище номер три могло лететь по воздуху, подобно вертолету. Оно и полетело, сев верхом на машинку для натирания полов.

Бывший Смехотрон с грохотом и звоном расшиб оконное стекло и, очутившись на вольном воздухе, помчался куда попало примерно на высоте второго этажа. Где-то он запутался в уличных проводах и разорвал их. Тут же перестали работать светофоры, и на перекрестках образовалась неразбериха из людей и автомобилей. От изумления какой-то человек проглотил горящую папироску, вспыхнул от этого изнутри и так разгорелся вдруг, что его пришлось гасить. Хорошо, что под рукой оказалась тележка с газировкой! Погасили, конечно, но от перегрева, а потом от резкого охлаждения захворал тот человек, говорят, воспалением... А другой человек застрял с перепугу в железной ограде, и тоже, говорят, до сих пор его не могут вытащить. Какая-то женщина перепутала детские коляски и бегом укатила к себе домой чужого младенца. Поди теперь разберись, кто чей! И, наконец, в нескольких кинотеатрах погасло электричество, и на самом интересном месте пришлось прервать сеанс. Впрочем, Смехотрон мог бы натворить и побольше, если бы не одно счастливое обстоятельство.

...Вдруг бывший мальчик-робот, а ныне чудище номер три, почувствовал, что его покидают силы. Все медленнее и медленнее вращались лопасти вентиляторов. Да, он падал. Но почему падал — этого чудище понять само не могло. И тогда в дальнем уголке его проснулась последняя частичка Смехотрона. Очнулся наш робот и с грустью понял:

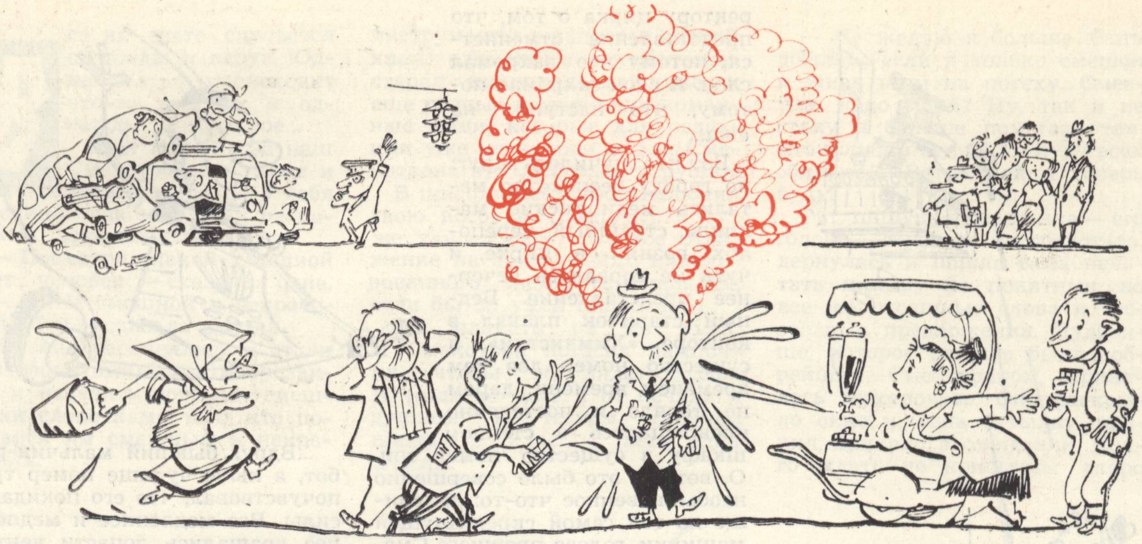
«Нет, никогда нельзя хотеть быть злым. Нельзя, потому что злого меня не будут любить ребята. Не будут любить — не пришлют смешинок. А без смешинок нет и энергии ЧИ, и, значит, нечем мне жить...»

Чудище номер три упало и слабо охнуло напоследок. Оно лежало на земле, в кустах чахлого скверика, и молчало.

Вы понимаете, что случилось? Меняя себя, раз от разу Смехотрон все больше и больше переставал быть Смехотроном, добрым и веселым человечком. Он становился злым — и вот расплата.

Но вспомните тех двух девочек, с которых и началась эта история. Они сидели в кино, и как раз на самом интересном месте прервался сеанс. Огорченные, пошли они по улице и вдруг в окне детской библиотеки увидали витрину. Стали ее от нечего делать рассматривать — наткнулись на раскрытый журнал «Пионер», и, как нарочно, оказалась перед ними страничка со Смехотроном. Вот когда они поняли, над кем посмеялись, вот когда они пожалели. Но что было делать?

Прочитали они одну, другую, третью историю про Смехотрона, а потом сообразили позвонить ребятам из кружка ЮТ, с которыми вместе праздновал Смехотрон Новый год. Позвонили.

И началась тут новая история. Во-первых, кружковцы сразу же организовали поиски с помощью собак, радиолокаторов и магнитного искателя собственной конструкции, который и навел их на магнитный след... Кого, Смехотрона?

Нет. Чудища номер три.

Но ничего. Потом все пошло на лад. Мастерская кружка ЮТ работала без перерыва почти трое суток. И посмотрите-ка! Вот он, наш Смехотрончик.

Когда его починили и дали ему вдоволь поесть смешинок, он все их с удовольствием съел, а потом сказал:

— Ох, такого со мной еще никогда не было!..

А ребята из кружка сурово добавили:

— Не было и не будет!

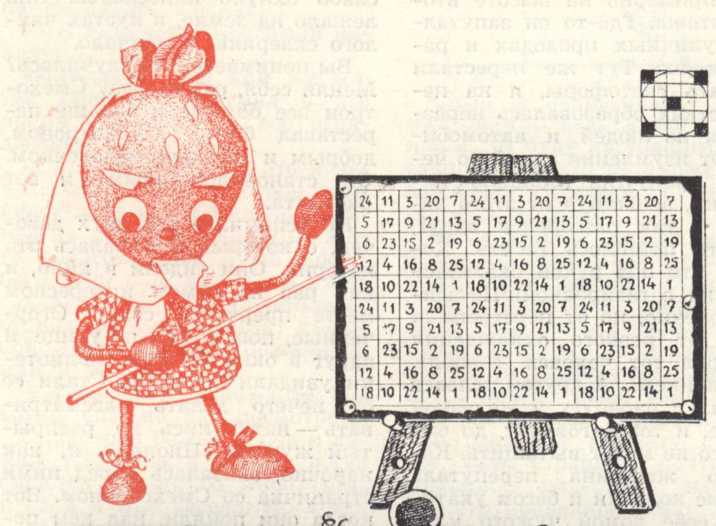
А девочки сказали... Нет, вернее, девочки заплакали сначала и только потом сказали, что они тоже никогда, никогда... Но договорить им опять не удалось: они снова заплакали.

— Ладно вам, и плакать ни к чему, и речей произносить тоже не надо,— сказали ребята из кружка ЮТ,— надо ведь дело делать! Мало, что ли, ты, Смехотроша, напортил? Теперь будем чинить.

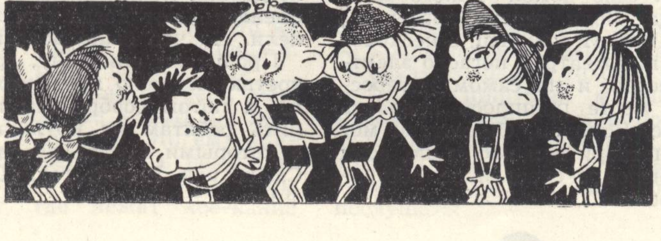
Вот какая была недавно история.

Вы, наверно, сразу узнали Клубничку! Помните, вы познакомились с ней в первом номере «Пионера». Эта девочка живет на страницах журнала немецких пионеров «Frösi».

Теперь Клубничка прислала для вас игру-шутку.

24	11	3	20	7	24	11	3	20	7	24	11	3	20	7
5	17	9	21	13	5	17	9	21	13	5	17	9	21	13
6	23	15	2	19	6	23	15	2	19	6	23	15	2	19
12	4	16	8	25	12	4	16	8	25	12	4	16	8	25
18	10	22	14	1	18	10	22	14	1	18	10	22	14	1
24	11	3	20	7	24	11	3	20	7	24	11	3	20	7
5	17	9	21	13	5	17	9	21	13	5	17	9	21	13
6	23	15	2	19	6	23	15	2	19	6	23	15	2	19
12	4	16	8	25	12	4	16	8	25	12	4	16	8	25
18	10	22	14	1	18	10	22	14	1	18	10	22	14	1

Вырежьте из бумаги кружочек, так, как показано на рисунке, и положите его так, чтобы он закрыл девять клеток. Ну-ка, что получится? Сумма числа в центре и четырех чисел на концах диагоналей всегда будет одна и та же — 65. Положите кусочек спички по диагонали. Что вышло? Пять чисел, которые он закрывает, в сумме тоже составят 65.

Теперь закроем спичкой шесть чисел по горизонтали или по вертикали. Сто́ит к первому числу прибавить 65 — и мы получим сумму всех шести закрытых спичкой чисел.

На верхней картинке — последняя сцена «Ревизора». Опустился занавес. Зрители аплодируют актерам, и вот занавес снова поднят (нижняя картинка). Сравни обе картинки: что изменилось на сцене за то время, пока был опущен занавес!

А. ЕФИМОВА

Стоит только захотеть...

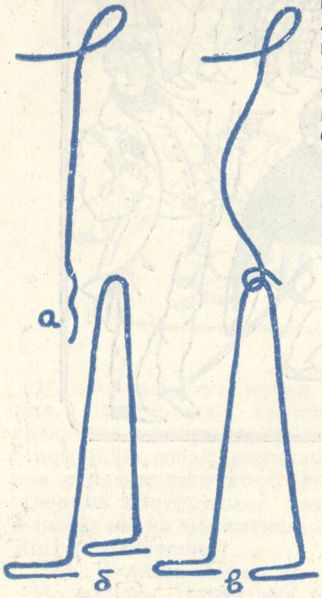
Стоит только захотеть, и ты можешь сделать такие игрушки, как нарисованные на последней странице обложки. Это совсем нетрудно, было бы желание. А материалом для игрушек могут быть кусочки материи, меха, дерматина, клеенки, проволока... Переведите на картон выкройки всех деталей игрушки, наложите их на левую сторону материала, обрисуйте все части остро отточенным карандашом и вырежьте маленькими ножницами точно по линии карандаша. Все эти игрушки шьются по правой стороне петельчатым (краевым) швом, поэтому на шов припускать не надо.

Вы можете и сами придумать немало игрушек. А как приятно будет вашим родным и друзьям, если вы подарите им сувенир, который сделали сами!

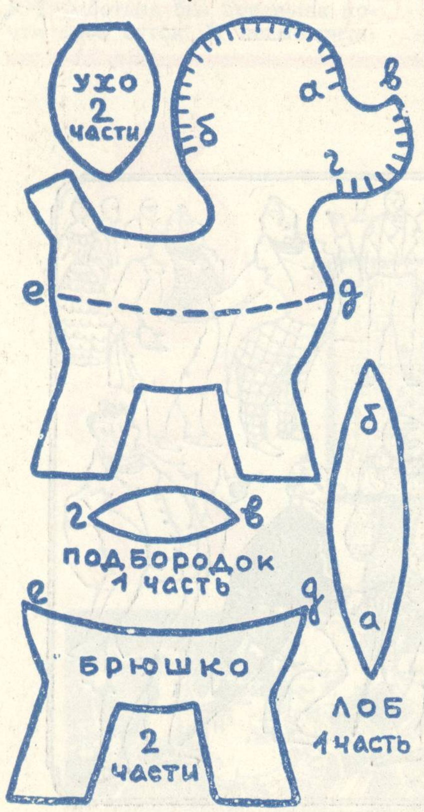
ПТИЧКА

Если у вас нет мягкой проволоки оранжевого или красного цвета, обмотайте простую проволоку цветной нитью. Один кусок проволоки, приблизительно 14 см длиной, согните, как на рисунке «б», другой — 8 см, — как на рисунке «а». Соедините оба куска, как на рисунке.

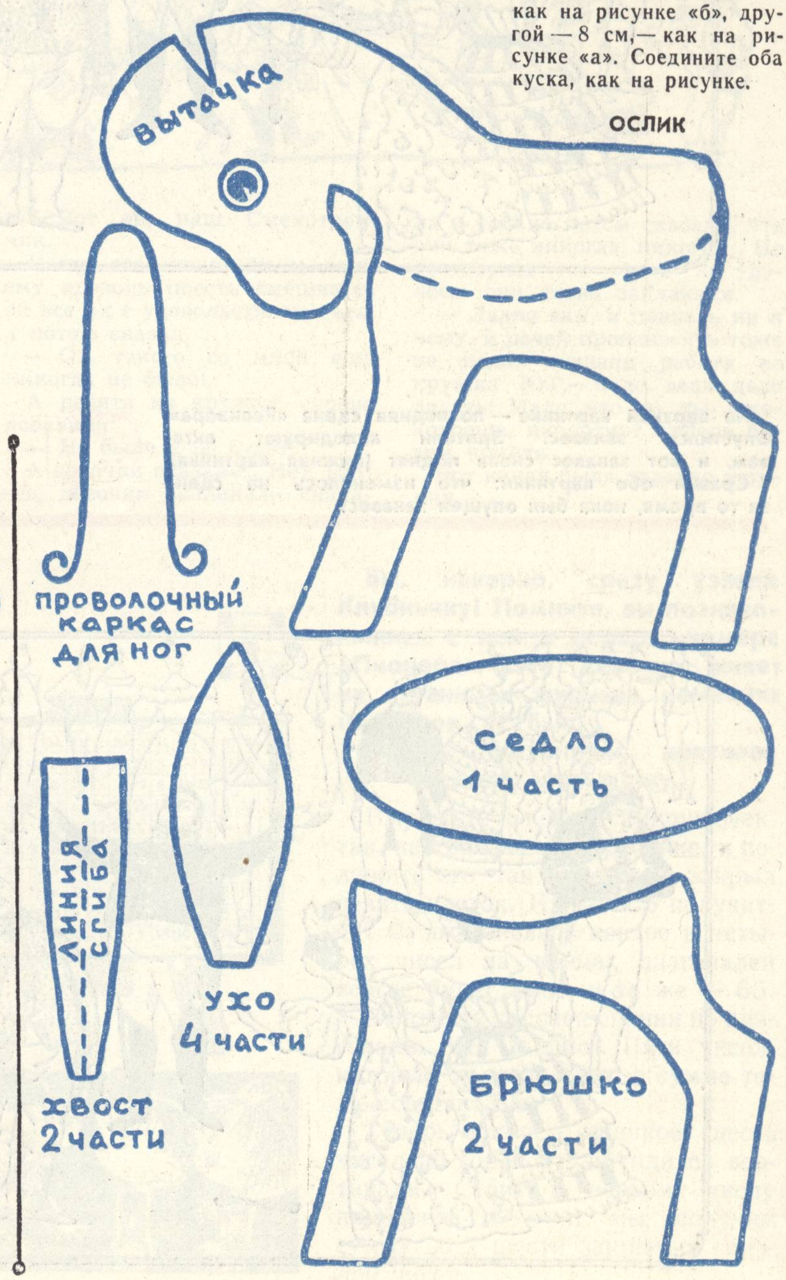
ПТИЧКА

ЩЕНОК

ОСЛИК

Из меха или материи с длинным ворсом вырежьте два кружка, один побольше (туловище птички), другой поменьше (голова).
В меньшем кружке сделайте дырочку и проденьте в нее клюв птички, потом стяните на нитку край кружка, положив перед тем в него комочек ваты. На большем кружке сделайте надрез, вставьте в него шею птички, сложите кружок пополам и, положив внутрь немного ваты, сшейте половинки. Петли на концах ножек пришейте к подставке, вырезанной из плотной материи. Глаза сделайте из бусинок или синей клеенки. Так как основа птички сделана из мягкой проволоки, птичке можно придать любое положение.

ЩЕНОК

Щенка можно сделать из кусочков меха, сукна, фетра, байки или другой ворсистой материи любой расцветки.
Вырежьте левую и правую стороны туловища и две стороны брюшка, так, чтобы все части были выкроены на лицевую сторону материи. Между верхними половинками головы вшейте лоб (на рисунке клин а—б), а между нижними — подбородок (на рисунке клин г—в). Набейте игрушку ватой.
Глаза и нос сделайте из бусинок. Чтобы уши щенка лучше выделялись, сделайте их из материи другого цвета.

ОСЛИК

Для ослика хорошо взять материал цвета беж или серого. Выкройку на материале обрисуйте в одну и в другую сторону, так, чтобы получилась левая и правая часть туловища, и вырежьте точно по линии карандаша.
Зашейте вытачку на голове ослика. Сшейте попарно части брюшка и туловища, затем соедините левую и правую сторону, оставив незашитым место на спинке. В ножки ослика через это отверстие вставьте для упругости проволочный каркас (как на рисунке). Затем набейте игрушку ватой.
Уши ослика сшейте двойные, одну сторону уха сделайте более светлой, например, розового цвета.
Для хвоста возьмите кусок проволоки и обшейте его той же материей, из которой сделана игрушка. Гриву можно сделать из узенькой полоски меха или из шерстяных ниток, кусочек меха пришейте и на кончик хвоста.
Для глаз возьмите черную клеенку или другой плотный материал. Чтобы глаза лучше выделялись, подложите под них кружки из белой клеенки или материи. Седло расшейте разноцветными нитками — оно будет наряднее; уздечку сделайте из шелковых ниток.

ЛЯГУШОНОК

Возьмите кусочки материи зеленого, красного и желтого цвета. Из зеленой материи вырежьте верхнюю и нижнюю части головы, спинку и кружки под глаза, из красной — рот и нёбо, из желтой — животик.
Соедините верхнюю и нижнюю части головы (на рисунке — линия а—б), подшейте рот и нёбо. Теперь сшейте попарно кружки, пришейте к ним бусинки-глаза и прикрепите к голове. Обе части туловища — спинку и животик — соедините петельчатым швом и оставьте незашитым место внизу. Пропустите через туловище проволоку для лапок и сделайте на концах ее петельки (как на рисунке).
Туловище набейте ватой и зашейте отверстие. Сшейте попарно верхние части ножек, а проволоку обмотайте зелеными нитками. Лапки верхние и нижние тоже сшейте попарно, наденьте их на проволочные петельки и закрепите нитками. Вот и готов лягушонок.

ЛЯГУШОНОК

В стране шаха

«Далекие горы, туманы и тучи разъединяют людей из разных стран, любовь к одному делу вместе сводит». Любовь к шахматам свела Пешкина с монгольскими ребятами. Они пригласили его в столицу Монгольской Народной Республики Улан-Батор, в свой Дворец пионеров.

В Монголии шахматы имеют многовековую историю, это настоящая народная игра. Вот что рассказывает о шахматах старинная монгольская сказка:

«Шахматный король умеет отличать правду от неправды. И дети есть у него, сильные, смелые. Они тоже учатся правду от неправды отличать. Все они очень дружны. А ведь даже двое дружных — железная ограда, а двадцать недружных — расшатанный частокол.

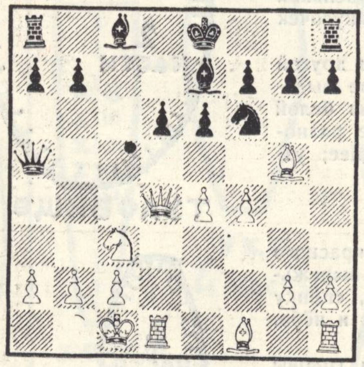
В шахматах сражаются без вражды, один побеждает другого, и оба остаются друзьями. Сильный шах ладьей посылает. Умный шах ферзем дает. Быстрый конь бьет копытом противника. А пешка маленькая последней объявляет шах и матует неприятеля. Все вместе заодно действуют, а множество рук сильнее одного богатыря. Потому и называют шахматы мудрой игрой».

В шахматном клубе улан-баторского Дворца пионеров проводятся соревнования и занятия по теории. В прошлом году сто шахматистов получили спортивные разряды.

Очень все это Пешкину понравилось. Подружился он и с одним из лучших юных шахматистов, Лувсандормийном Майдаром, и с чемпионкой Улан-Батора среди школьниц Пурэвдормийн Бужинлхам, и со многими другими ребятами.

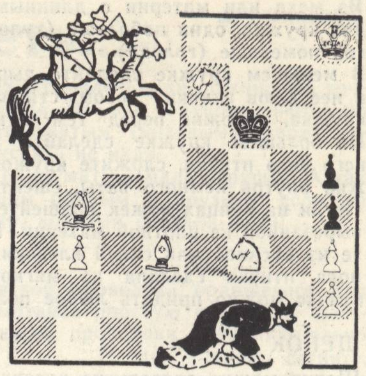
Вместе смотрели они интересные партии.

Вот какое сложное положение создалось в матче между шахматистами из Улан-Батора и советскими пионерами из Краснотурьинска. Играют они заочно, переписываясь.

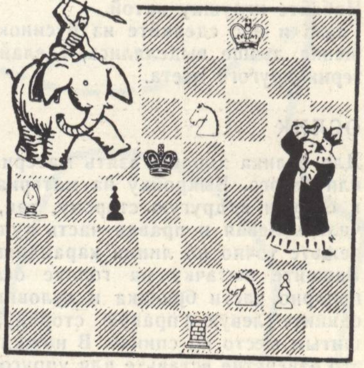

А потом Пешкин вместе с новыми друзьями решал интересные задачи, которые составил Сосно Чимэдцэрен.

Белые слоны и кони теснят и преследуют черного короля. Никуда ему не уйти. Начиная игру, белые дают мат в три хода.

И в следующей позиции кони — главная боевая сила белых. Но и слон, притаившийся в засаде, скажет свое веское слово в атаке.

И здесь белые в три хода матуют вражеского короля.

Монгольские ребята придумали провести конкурс на решение этих задач. Они приглашают всех друзей Пешкина принять участие в соревновании.

Пешкин наградил своими грамотами улан-баторских шахматистов: Нацагийн Хишигбат, Лувсанямын Гэрэлмаа, Содовсурэнгийн Нарангэрэл, Менхийн Батдаваа; Цендийн Гомбоочир, Лувсандормийн, Майдар, Ядамын Лхагвасурен, Лувсанлхундэвийн Батсайхан, Пурэвдормийн Бужинлхам, Утасын Баянтуул.

А шахматистов школы № 3, где председателем секции восьмиклассник Дагва Батаочир, Пешкин наградил за хорошую работу десятью комплектами шахмат.

От души поздравил Пешкин своих монгольских друзей. Многие из них хотят переписываться с друзьями Пешкина. Письма им можно посылать по такому адресу: Монгольская Народная Республика, г. Улан-Батор, Дворец пионеров имени В. И. Ленина, шахматный клуб.

Сказка о Кекеце

В первом номере нашего журнала ты познакомился с любимым героем югославских ребят Кекецем. А теперь прочти легенду о нем и посмотри несколько кадров из фильма «Счастливого пути, Кекец!». Ты поймешь, почему детская газета, выходящая в Белграде, называется «Пионер Кекец». Легенду о Кекеце пересказывает для вас редактор этой газеты Ела Перович-Вукоевич.

На севере Югославии, в Словении, жил когда-то мальчик по имени Кекец. Кекец был веселым, красивым и добрым. Его родители разводили скот. Кекец был пастушком. У Кекеца было много товарищей, и все они очень его любили. В селе Кекеца жила слепая девочка Мойца. Она не могла играть с детьми, не могла пасти вместе с ними стадо. Кекец очень жалел ее и хотел ей помочь.

А далеко-далеко в горах жила старуха знахарка, которая собирала разные цветы и травы и могла вылечить ими любую болезнь. Но она не любила людей и не хотела их лечить.

Дом старухи стерег страшный волк, которого она приручила, и никто не осмеливался близко подойти к ее дому. Но Кекец решил во что бы то ни стало вернуть Мойце зрение. Он пробрался в дом злой старухи, попросил у нее лекарство. Колдунья заперла Кекеца в своей хижине, заставила делать самую трудную работу. Сторожем она оставила волка.

Работы Кекец не боялся. С волком, которого злая старуха тоже мучила и плохо кормила, мальчик быстро подружился. Однажды знахарка ушла далеко в горы за травами. Кекец взял лекарство для Мойцы и вместе с волком убежал к себе в деревню. Люди помазали глаза Мойцы лекарством, и она прозрела. Впервые она увидела реку, цветы и птицы. И, конечно же, своего друга Кекеца!

Из английской народной поэзии

ДВА ПЛЮС ДВА

— Вы мне могли бы услужить?
Мне нужно
Два и два сложить,
Но это очень
Сложно
И просто
Невозможно!
— Возьмите два
И снова два,
Глаза откройте шире!
Теперь смотрите:
Два плюс два
Получится четыре.
— Я с вами
Спорить не берусь,
Сама я не считала,
Но я боюсь,
Но я боюсь,
Что это
Очень мало!

УЖАСНЫЙ СОН

Я знаю, друзья,
Чудака одного,
Он верит приметам
И снам.
По средам сбываются
Сны у него,
Он это рассказывал сам.
Вот снилось ему,
Что жует он башмак,
Изношенный,
Старый башмак!
Проснулся чудак,
И увидел чудак,
Что это
Действительно так.

Пересказал Вл. ОРЛОВ.

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**
Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон Д 3-30-73.**

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10218. Подписано к печати 28/I 1966 г. Тираж 660 000 экз. Изд. № 248. Заказ № 3.

Объем 5,25 физ. п. л. Форм. бум. 84×108 1/16. 8,82 усл. п. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Ребята!

Коллекционирование марок — очень интересное и увлекательное дело!

В книжных магазинах есть отделы, торгующие марками. Вы можете купить советские марки-новинки (чистые и гашеные) и марки социалистических стран (гашеные).

Индивидуальные заказы на подборки марок и пакеты по темам: «В. И. Ленин», «Достижения нашей Родины», «Наука и техника», «Освоение космоса», «Спорт», «Флора и фауна» и другие — можно заказать по почте наложенным платежом в магазинах Москниги № 111 (Москва, Большой Факельный пер., дом 2/22) или «Филателия» Киевского книготорга (Киев, 4, ул. Кропивницкого, 12).

Коллективные заказы клубов или кружков филателистов на марки СССР и социалистических стран выполняет отдел мелкого опта Главной филателистической конторы (наложенным платежом, один раз в месяц).

В заказе нужно точно указать название вашего клуба или кружка и количество нужных марок (однако не менее пяти серий негашеных марок СССР). Заказ должен быть подписан руководителем кружка и заверен печатью.

Коллективный заказ выполняется по адресу: Москва, Ж-44, 1-й Крутицкий пер., 4-а, отдел мелкого опта ГФК. Платить за марки и пересылку надо на почте при получении заказа. Но если вы заказанные марки своевременно не выкупите, то в дальнейшем высылка вам марок будет прекращена.

Главная филателистическая контора
Союз печати Министерства связи СССР.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

Нравятся тебе эти игрушки! О том, как их сделать, рассказывает в этом номере журнала Анна Васильевна Ефимова.